Т32597

Посвящается

моей

Alma Mater—

— С.-Петербургскому Университету.

25
Т32 597

П. Е. Михайловъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ

по

Псковской Судной Грамотѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1914.

Печатано по опредѣленію Императорской Археографической Коммиссіи.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1067353

Оттискъ изъ XXVII тома Лѣтописи занятій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

стр.
Юридическій институтъ «исполовничества». . . . . . 1—83

Предварительныя замѣчанія. Стр. 1.—„Отрокъ“ и его правовое значеніе. Стр. 9.—Арендная плата „исполу“ и ея правовой смыслъ. Стр. 17.—Норма „исполу“. Стр. 40.—Судебное разбирательство споровъ и недоразумѣній при „отрокахъ“. Стр. 56.—Положительно-юридическіе выводы. Стр. 80.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Институтъ «покруты» и юридическое положеніе исполовниковъ. 84—160

„Покрута“. Ея значеніе въ институтѣ половничества. Стр. 84.—Судебные споры о „покрутѣ“. Стр. 101.—Взысканіе „покруты“ въ случаѣ бѣгства исполовника. Стр. 115.—Взысканіе „покруты“ въ случаѣ смерти исполовника. Стр. 133.—Юридическое положеніе исполовниковъ въ вопросѣ объ искахъ на „государей“. Стр. 139.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Правовой смыслъ и культурно-историческое значеніе института «исполовничества». . . . . . 161—172

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Юридическій институтъ „исполовничества".

I.

Предварительныя замѣчанія.

Юридическая природа древне-русскаго крестьянскаго землепользованія съ наибольшей полнотой и ясностью отразилась и запечатлѣлась въ Псковской Судной Грамотѣ, этомъ драгоцѣннѣйшемъ хранилищѣ правовыхъ принциповъ и воззрѣній далекой русской старины. Ни въ одномъ юридическомъ памятникѣ древней Руси, ни до, ни послѣ Псковской Грамоты, институтъ крестьянскаго землепользованія не получилъ такой подробной и строго-правовой квалификаціи, какъ, именно, въ Судной Грамотѣ «города стольного Пльскова». Десятая часть всей Грамоты говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. И хотя статьи эти и не расположены въ систематическомъ порядкѣ въ Грамотѣ, однако, собравъ ихъ воедино, можно получить довольно ясную и полную систему юридическихъ правилъ, регламентирующихъ фактическій оборотъ данныхъ отношеній.

Самое древнее время нашей исторіи почти ничего не говоритъ объ институтѣ землепользованія. Народное правосознаніе не выливалось въ то время въ фиксированныя, твердыя правила законовъ. Обычное, неписанное право регулировало правовую жизнь нашихъ предковъ. Незримое, но властное, оно было тогда прочнѣе и надежнѣе писанныхъ параграфовъ, ибо почиталось по традиціи правовымъ сознаніемъ массъ, прочно осѣдая въ инертной психикѣ малокультурнаго населенія. Правда, древнѣйшій кодексъ русской земли — Русская Правда — пытается запечатлѣть и какъ-ни-

будь выразить правовые обычаи своего времени, но эта попытка — лишь жалкій отголосокъ того, что на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто въ правосознаніи тогдашняго общества. Упоминаніе о «ролейныхъ закупахъ» въ Русской Правдѣ наводитъ на мысль, что и въ то отдаленное время существовала какая-то неясная «полуарендная» форма крестьянскаго землепользованія; тогда слѣдовательно, уже было положено начало сниманію земель въ наемъ, начало жительства на чужой владѣльческой землѣ. Но объ этомъ времени трудно что-либо говорить опредѣленное, такъ какъ данныя слишкомъ сбивчивы и скудны [1]). Къ тому же Русская Правда, по преимуществу, кодексъ уголовный, а потому древнѣйшій характеръ института землепользованія, института гражданскаго (имущественнаго) права и не можетъ быть познанъ изъ этого юридическаго памятника, возникшаго почти на зарѣ нашей исторіи. Позднѣйшіе юридическіе памятники, какъ, напр., Судебники — 1497 г., 1550 г., 1589 г., — которые вновь касаются интересующаго насъ института и юридически опредѣляютъ отношенія, возникавшія на почвѣ землепользованія, принадлежатъ совсѣмъ иной эпохѣ, эпохѣ, пережившей татарское иго и собравшей подъ единоначаломъ Москвы всю древнюю, привольную, разбросанную Русь.

Такимъ образомъ, Псковская Судная Грамота и является тѣмъ цѣннымъ хранилищемъ древняго русскаго права, по которому мы единственно можемъ имѣть понятіе и судить о *юридической* природѣ древняго крестьянскаго землепользованія.

Псковская Судная Грамота содержитъ въ себѣ 13 статей, непосредственно относящихся къ взаимнымъ правоотношеніямъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Изъ этихъ статей вполнѣ ясно выявляется юридическій характеръ крестьянскаго землепользованія въ Псковской землѣ и получается довольно наглядное представленіе о правовомъ положеніи крестьянъ того времени. Институтъ землепользованія по Псковской Грамотѣ есть *арендный* институтъ (conductio locatio rei), согласно которому юридическо-свободный договоръ найма связывалъ отношенія арендодателя и арендатора. Крестьянъ «крѣпкихъ землѣ» не знаетъ Грамота. В. О. Ключев-

---

[1]) См. *П. Е. Михайловъ*, Происхожденіе земельнаго старожильства. Спб. 1910, стр. 35—36.

скій даже говоритъ: «здѣсь нѣтъ слѣдовъ холопства и полусвободныхъ состояній, подобныхъ новгородскимъ половникамъ. Въ этомъ отношеніи Псковская область была, можетъ быть, единственнымъ исключеніемъ въ тогдашней Россіи» [1]). Въ томъ же духѣ говоритъ и спеціальный изслѣдователь суда въ древней Руси: «Только рабства мы не найдемъ ни въ одной статьѣ Псковской Судной Грамоты... Слово холопъ, челядинъ какъ будто вовсе не существуетъ въ сознаніи законодателя, какъ будто во Псковѣ жили до тѣхъ поръ одни только люди добровольные» [2]). Итакъ, институтъ земельной аренды существовалъ во Псковѣ на вполнѣ юридическо-свободныхъ началахъ. Конечно, можетъ быть, *фактически* эти свободныя договорныя отношенія колебались и нарушались подъ вліяніемъ разныхъ причинъ экономическаго и иного свойства, но *юридически* они квалифицированы законодателемъ, какъ взаимно-свободныя договорныя сдѣлки юридически самостоятельныхъ субъектовъ.

Псковская Судная Грамота не знаетъ еще общерусскаго термина «крестьянство», обнимающаго все земледѣльческое населеніе страны; терминъ этотъ возникъ главнымъ образомъ въ Москвѣ. Въ древности, какъ видно это изъ начальной Лѣтописи, а также и Русской Правды, трудящееся сельское населеніе носило иное имя, «смерды». Но Псковская Судная Грамота не знаетъ, собственно, и этого названія. Она говоритъ объ «изорникахъ», «огородникахъ», «кочетникахъ», понимая подъ этими терминами мелкихъ сельскихъ арендаторовъ чужихъ угодій «государей»-арендодателей. Но и для Пскова, насколько возможно судить по Псковской лѣтописи, не чуждо объединяющее наименованіе всего сельскаго населенія, какъ такового,—смерды. Такъ, Вторая Псковская лѣтопись подъ 1485—86 г. разсказываетъ о возмущеніи «смердовъ», разумѣя подъ этимъ терминомъ все вообще сельское населеніе Псковской земли. Но надо думать, что слово «смерды» употреблено псковскимъ лѣтописцемъ, просто, въ смыслѣ извѣстной категоріи населенія княжества, какъ такового, въ каковомъ значеніи

---

[1]) Курсъ русской исторіи, т. II. 1906. стр. 116.

[2]) *Н. Л. Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869, стр. 308.

въ московскомъ государствѣ появляется и терминъ «крестьянство»; а въ Псковской Судной Грамотѣ поименованы, очевидно, тѣ же самые «смерды», т.-е. то же самое сельское населеніе, только въ смыслѣ ихъ хозяйственно-профессіональнаго опредѣленія: — «изорники», «огородники», «кочетники». Каждый такой терминъ даетъ специфическую хозяйственную окраску, особый профессіональный оттѣнокъ предмету соотвѣтственной аренды, какъ это и будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія. Псковская *Судная* Грамота по преимуществу, юридическій памятникъ тяжебнаго, процессуальнаго, *судебнаго* характера (на что указываетъ уже самое названіе грамоты), а потому для нея важнѣе дать специфическо-хозяйственное опредѣленіе арендаторовъ, чѣмъ, просто, названіе сельскаго населенія, какъ такового.

Но, сверхъ этихъ профессіональныхъ терминовъ, въ Псковской Грамотѣ встрѣчается еще одинъ, относящійся сюда, терминъ—«исполовникъ». Этотъ терминъ показываетъ уже не родъ хозяйства, не профессію хозяйственной дѣятельности, а характеръ арендnаго пользованія даннымъ хозяйствомъ. Онъ опредѣляетъ: на какихъ условіяхъ производится арендный договоръ, чѣмъ характеризуется самый институтъ арендnаго землепользованія. Поэтому, термины «изорникъ», «кочетникъ», «огородникъ» всецѣло укладываются въ одинъ общій хозяйственный терминъ «исполовникъ», опредѣляющій родъ, характеръ, типичное условіе института арендnаго землепользованія во Псковѣ. И это хозяйственное названіе сельскаго арендатора извѣстно и присуще не только Пскову и его Судной Грамотѣ. «Исполовникъ» или «половникъ»—характерное наименованіе сельскихъ арендаторовъ въ XIV и XV вв. на Руси, а на сѣверѣ оно держится даже до XIX столѣтія [1]).

«*Половничество*»—это характерный и неизбѣжный институтъ арендnаго землепользованія, имѣющій свое важное культурно-правовое значеніе на извѣстной стадіи историческаго хозяйственнаго

---

[1]) См. *М. А. Дьяконовъ*, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Спб. 1898. (Очеркъ о «половникахъ»). *А. Я. Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни. М. 1884 т. I. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Спб. 1900. (Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XLI присужденіи наградъ графа Уварова»).

развитія. При этомъ институтѣ арендная плата опредѣлялась и взималась не деньгами, ибо таковой хозяйственный аттрибутъ не вступилъ еще въ свои полномочныя права, а исключительно натурой, т.-е. самими продуктами, полученными отъ урожая на землѣ, или улова въ водѣ. «Исполовникъ» или «половникъ»—это такой арендаторъ, который платитъ за аренду арендодателю «*изъ-полу*», т.-е. половину полученныхъ имъ продуктовъ отъ урожая и т. под. [1]). Именно, такой характеръ землепользованія существовалъ и во Псковѣ.

М. А. Дьяконовъ въ своихъ «Очеркахъ»... пишетъ: «половничество, какъ особый видъ крестьянскаго поряда, было весьма распространеннымъ явленіемъ хозяйственнаго быта въ предѣлахъ сѣверной и частью средней полосы Россіи въ XIV — XVI вѣкахъ» [2]). А. С. Лаппо-Данилевскій въ своемъ «отзывѣ» на «Очерки» М. А. Дьяконова также отмѣчаетъ, что «половничество до XVI в.... было гораздо болѣе распространено, чѣмъ въ послѣдующее время, когда смѣнилось новыми отношеніями, свидѣтельствующими о постепенномъ переходѣ къ денежному оброку» [3]). Авторъ, скрывшійся подъ иниціалами А. Я., пишетъ также: «Въ предѣлахъ сѣверной и частью средней полосы Россіи половничество, какъ особый видъ аренды пахатныхъ земель и угодій, было въ XIV—XVI вв. явленіемъ весьма распространеннымъ» [4]). П. Соколовскій указываетъ, въ свою очередь, что «преобладающей формой» уплаты сборовъ въ пользу землевладѣльцевъ земледѣльческимъ населеніемъ Новгородской и Псковской областей, судя по писцовымъ книгамъ XV — XVI вв., было «половничество» и «притомъ не только въ земледѣліи, но и въ рыболовствѣ» [5]). И другіе изслѣдователи (А. Я. Ефименко, Н. Рожковъ и др.) согласно констатируютъ историческій фактъ существованія «половничества», какъ

---

[1]) *И. И. Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, т. II слова: «полъ», «половникъ». *В. Даль*, Толковый словарь русскаго народнаго языка: слово «половникъ». Энциклопедическій Словарь *Брокгаузъ-Ефрона*, полутомъ 47.

[2]) Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, Очеркъ третій, стр. 144.

[3]) Разысканія, стр. 32.

[4]) Энциклопедическій словарь Брокг.-Ефронъ, полутомъ 47, стр. 352.

[5]) Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877, стр. 33.

института арендnаго землепользованія на Руси. Официальные акты документально подтверждаютъ данныя мнѣнія. Достаточно указать, хотя бы, на «половничьи» порядныя (въ «Актахъ Устюжской епархіи» и др.), на разныя «жалованныя», «договорныя», «правыя» и т. под., грамоты, чтобы убѣдиться въ широкомъ распространеніи института «половничества» въ XIV—XVI вв. у насъ на Руси. Характерно, что, напр., въ одной «Правой грамотѣ» Ѳерапонтову монастырю (1485—1505 г.) приводится прямо выраженіе, точно характеризующее половническую аренду, гласящее: «опричь *половничьей половины*». (Ак. Юр. № 3). Поэтому, вполнѣ правильно мнѣніе А. С. Лаппо-Данилевскаго, «что половничество было далеко не мѣстною только (поморскою) формою хозяйственной эксплуатаціи земли» [1]).

Но, къ сожалѣнію, изслѣдователи русской старины не обратили должнаго вниманія на Псковскую Судную Грамоту, законодательнымъ языкомъ говорящую объ институтѣ «половничества», и никто изъ нихъ не высказался опредѣленно и утвердительно въ смыслѣ признанія въ древнемъ Псковѣ даннаго института юридической формой арендnаго землепользованія. Правда, А. С. Лаппо-Данилевскій въ своихъ «Разысканіяхъ» пытается «приравнять» «изорника» Псковской Судной Грамоты къ «исполовнику», но замѣчаетъ это какъ-то вскользь, съ нерѣшительностью и съ извѣстной условностью [2]). Спеціальные изслѣдователи Псковской Судной Грамоты, И. Энгельманъ [3]) и Ѳ. Устряловъ [4]), еще менѣе вникаютъ въ смыслъ института арендnаго землепользованія во Псковѣ—«половничества» и придаютъ понятію «исполовникъ» совершенно не соотвѣтствующее существу дѣла «значеніе». Такъ, напр., И. Энгельманъ въ своей работѣ утверждаетъ,

---

[1]) Разысканія, стр. 33.

[2]) Разысканія, напр., стр. 17: «*если* приравнять изорника къ половнику»... тамъ же, примѣч. 1-ое: «подобно половникамъ и изорьники, *вѣроятно*,.. не всегда платили ½ урожая»... «*если* изорникъ не наймитъ... а съемщикъ исполу»... и т. под. (стр. 18).

[3]) Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ Псковской Судной Грамоты. СПБ. 1855, см. стр. 49, 50, 51, 55—57.

[4]) Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты. СПБ. 1855, ср. стр. 169 прим. а также стр. 98, которыя взаимно противорѣчатъ другъ другу.

что «исполовникъ» это «огородникъ» [1]) Только И. Д. Бѣляевъ высказался болѣе рѣшительно о «половничествѣ», какъ «общемъ условіи» арендnаго землепользованія во Псковѣ. «Общимъ условіемъ для всѣхъ крестьянъ, живущихъ на чужой землѣ, по псковскимъ законамъ, было исполовничество, т. е. крестьянинъ половину плодовъ, получаемыхъ съ обработываемой имъ земли, долженъ былъ доставлять землевладѣльцу, господину, а половину брать себѣ, по сему крестьяне во Псковѣ еще назывались исполовниками» [2]). А между тѣмъ, одно то обстоятельство, что терминъ «исполовникъ» приведенъ въ законодательномъ актѣ, принятомъ на всенародномъ вѣчѣ всего вольнаго Пскова, въ актѣ, предназначеномъ регулировать правоотношенія хозяйственной народной жизни по всей Псковской землѣ, — одно это должно служить яркимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ, что «половничество», или аренда «исъ—полу», было именно, «общимъ условіемъ» юридическаго института землепользованія во Псковѣ. При такомъ пониманіи и самыя постановленія Псковской Судной Грамоты становятся болѣе понятными и объяснимыми.

Въ институтѣ аренды необходимо отмѣтить слѣдующіе юридическіе моменты: 1) общее условіе арендnаго пользованія, т. е. условіе «поряда» о платѣ за аренду; 2) срокъ аренды, т. е. ея продолжительность; 3) косвенныя, добавочныя условія арендnаго соглашенія; 4) послѣдствія нарушенія договора аренды. Таковы главные моменты арендной сдѣлки, точнѣе самаго института аренды. Псковская Судная Грамота имѣетъ въ виду всѣ эти моменты, чего совершенно нельзя найти ни до нея, въ Русской Правдѣ, ни послѣ нея, въ московскихъ Судебникахъ, ибо во Псковѣ, какъ давно замѣчено изслѣдователями, «правоотношенія уже получили сравнительно большое развитіе» [3]).

Въ правовой оцѣнкѣ Псковской Судной Грамоты — этой «хартіи вольностей» псковичей, «людей добровольныхъ» — среди изслѣдователей нѣтъ разногласій. Начиная съ издателя ея, проф. Мурзакевича, всѣ согласно говорятъ о достоинствѣ Псковской

---

[1]) Тамъ же, стр. 50.

[2]) Крестьяне на Руси, М. 1879, стр. 28—29.

[3]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Разысканія... стр. 17.

Грамоты въ правовомъ отношеніи. Такъ, Н. Мурзакевичъ писалъ: «Псковская Судная Грамота... есть древнѣйшій русскій памятникъ вѣчевого законодательства», который, благодаря своей высокой юридической конструкціи, послужилъ даже «источникомъ, изъ котораго получили начало Судебники Іоанна III великаго и Іоанна IV грознаго» [1]). «Юридическій бытъ Пскова — говоритъ Н. Л. Дювернуа—достигъ въ XV вѣкѣ такой зрѣлости, которой далеко не могли достигнуть волости, раньше утратившія начала земскаго строя... Юридическія отношенія, которыхъ касается памятникъ, всѣ основаны на нравственныхъ началахъ свободы и равенства и освящены не только внѣшней санкціей вѣчевой автономіи, но вѣковѣчной стариной и силой церковнаго благословенія. При этихъ условіяхъ образованіе права, сила закона во Псковѣ была совершенно иная, чѣмъ въ Москвѣ. Въ законъ вѣрили, какъ нигдѣ и никогда послѣ не вѣрили въ него, въ него вѣрили всѣ, ибо волею всѣхъ онъ получилъ свою силу» [2]). Авторитетный изслѣдователь русскихъ юридическихъ древностей также указываетъ, что «псковскіе законодатели шли впереди московскихъ если не на цѣлое столѣтіе, то по крайней мѣрѣ на 30 лѣтъ. (1397—1467 г.)». [3]) Въ томъ же смыслѣ высказывается М. А. Дьяконовъ. «По содержанію своему Псковская грамота является однимъ изъ самыхъ богатыхъ сборниковъ древняго права. Она стоитъ неизмѣримо выше и первыхъ опытовъ московской кодификаціи. Сравнительное богатство не только процессуальныхъ, но и матеріальныхъ нормъ, объясняется конечно большимъ культурнымъ развитіемъ Псковской земли и развитымъ гражданскимъ оборотомъ» [4]). Такова—Псковская Судная Грамота.

---

[1]) *Н. Мурзакевичъ*, Псковская Судная Грамота, Предисловіе. Одесса 1868. Изд. 2-ое.

[2]) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 307 и 308.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, Русскія юридическія древности. т. I. 1890, стр. 238.

[4]) Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. 1908, стр. 56. Ср. еще: *В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, II. стр. 117. *Б. Н. Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права. М. 1858, стр. 191. *И. Энгельманъ*, Op. cit. Предисловіе. *Ѳ. Устряловъ*, Op. cit., Предисловіе. *Н. Н. Дебольскій*, Гражданская дѣеспособность по русскому праву. 1902, стр. 71 и 124—129 и др.

II.

«Отрокъ» и его правовое значеніе.

«Чрезвычайно яркую картину положенія земледѣльческаго и промышленнаго населенія въ Псковской землѣ даетъ Псковская Грамота», говоритъ акад. М. А. Дьяконовъ [1]). И, дѣйствительно, юридической природѣ института арендnаго землепользованія и, вообще, правовому положенію псковскихъ исполовниковъ дана подробная характеристика и офиціальная квалификація въ слѣдующихъ статьяхъ Псковской Судной Грамоты [2]). Страница XII, строки 1—8 (по фототипіи Грамоты) или статья 42 (по «Христоматіи» М. Ф. Владимірскаго-Буданова); стр. XII, 8—11 или ст. 42; стр. XII, 12—15 или ст. 43; стр. XII, 15—20 или ст. 44; стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7 или ст. 51; стр. XVII, 3—6 или ст. 63; стр. XVIII, 22—24 или ст. 75; стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—10 или ст. 76; стр. XX, 17—24 или ст. 84; стр. XX, 24—27—XXI, 1—4 или ст. 85; стр. XXI, 4—9 или ст. 86; стр. XXI, 10—14 или ст. 87; стр. XXII, 20—25 или ст. 93. На разборѣ и выясненіи содержанія данныхъ статей, а также на анализѣ высказанныхъ уже по поводу нѣкоторыхъ статей мнѣній разныхъ изслѣдователей и будетъ построенъ нижеслѣдующій текстъ.

Но при этомъ нужно имѣть всегда въ виду характеристику Псковской Судной Грамоты, данную В. О. Ключевскимъ, которая удачно схватываетъ самую суть этого древняго правового «Зерцала». «Грамота очень трудна для объясненія: единственный доселѣ извѣстный

---

[1]) Очерки обществ. и государств. строя, стр. 97.

[2]) Всѣ статьи обозначаются мною по, только что изданному Императорской Археографической Комиссіей, фототипическому воспроизведенію Грамоты, которое точно передаетъ подлинный списокъ Грамоты. («Псковская Судная Грамота». Спб. 1914. Изд. И. А. К.). При этомъ, страницы обозначаются римскими цифрами, а строки арабскими. Кромѣ того, параллельно будетъ указываться и нумерація статей по «Христоматіи» проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Впрочемъ, можно указать также, что, изданное въ 1868 г. проф. Мурзакевичемъ, fac-simile древняго списка Псковской Судной Грамоты совпадаетъ вполнѣ со страницами фототипическаго воспроизведенія, какъ и самого подлиннаго списка, съ которымъ самое fac-simile было мною тщательно свѣрено.

полный списокъ ея страдаетъ описками и недописками, мѣстами перепутываетъ порядокъ словъ; въ языкѣ его не мало мѣстныхъ идіотизмовъ, терминовъ, не встрѣчающихся въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ; предусматриваемые закономъ случаи нерѣдко излагаются слишкомъ сжато, только намеками, въ свое время для всѣхъ ясными, но теперь малопонятными. За то, заканчиваетъ проф. Ключевскій, трудность изученія вознаграждается интересомъ содержанія» [1]). Памятуя объ этомъ, необходимо въ дальнѣйшемъ осторожно и послѣдовательно, шагъ за шагомъ, вскрывать юридическую квалификацію правъ и обязанностей сельскаго населенія въ его правно-хозяйственныхъ отношеніяхъ къ «государямъ»— землевладѣльцамъ и такимъ образомъ развернуть постепенно картину юридическаго быта псковскихъ смердовъ XIV—XV вѣковъ.

И такъ, первоначально обращаюсь къ главнымъ условіямъ и моментамъ юридическаго института арендnаго землепользованія. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на чистоформальный юридическій моментъ договорной сдѣлки, а именно, на постановленіе Псковской Судной Грамоты о срокѣ аренды, о времени и формѣ «отрока» или прекращенія арендnаго договора. Постановленіе Псковской Судной Грамоты (стр. XII строки 1—8 по фототипіи Грамоты въ изд. И. Арх. К. или первая половина ст. 42-ой по Христоматіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова), опредѣляющее время «отрока» или отказа отъ продолженія аренды, гласитъ:

А которои г[осу]дарь[а] захочеть отро[къ][б] дати своему [и]зорнику[в], или огородн[и]к[у][г], или кочетнику[д], йно отрокъ быти о Ѳилипове заговѣине[е]; тако жъ захочетъ йзорникъ о[т]речися[ж] с[ъ]села[з], или огородникъ, или [ко]четникъ[и], йно тому ж[ъ][к] отроку быти[л]. А иному отроку не быти[м]: ни от[ъ] г[осу]даря, ни от[ъ] йзорника, ни от[ъ] ко[ч]е[т]ника[н], ни от[ъ] огородника[о].

Примѣчанія: Всѣ буквы въ прямыхъ скобкахъ приписаны мною, каковыхъ въ спискѣ Грамоты или совсѣмъ нѣтъ, или подразумѣваются подъ титломъ. *а.* «Государь» — въ древности: хозяинъ, въ данномъ

---

[1]) Курсъ русской исторіи, 1906. II, стр. 117. Ср. мою замѣтку: Новыя данныя для комментарія Псковской Судной Грамоты въ Извѣстіяхъ Отд. Рус. Яз. и Слов. Императорской Академіи Наукъ. 1913. кн. II-ая.

случаѣ арендодатель, землевладѣлецъ. *б.* Въ спискѣ Грамоты сказано «отродъ», но, очевидно, по ошибкѣ переписчика. Слѣдуетъ читать «отро́къ»=отреченіе, отказъ, разсчетъ. Происходитъ отъ слова «отречь» — отказать, разсчитать (см. И. И. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, т. II, слова: «отро́къ», стр. 764, «отрещи», стр. 762). *в.* Въ спискѣ Грамоты сказано, «зорнику»,—вѣроятно, по ошибкѣ переписчика (а м. б. «зорникъ» отъ слова «зоря», извѣстно, что съ «зорями» начинаетъ свой трудъ пахарь—«изорникъ». Срезневскій, Матеріалы... т. I слово «зоря», стр. 997 и слово «изорьникъ», стр. 1075). Правильнѣе читать: «изорникъ»=пахарь-земледѣлецъ. Вѣроятнѣе всего, что, «изорникъ» происходитъ отъ «изорати» = пахать; одного корня съ нимъ «ролья», «рало», «ратай», ср. болгарское: «орница»—нива пашенная». (Срезневскій, Матеріалы, т. II, слова: «орати», «оратай», «ораница и др. стр. 703—704. Тамъ же, т. III. В. I. слова: «ратай», «ратва»» и др. стр. 104; а также, «ролия», «роля», «рольный», стр. 163—164 и слова: «ралие», «рало» и др. стр, 65. Мурзакевичъ, «Пояснительный словарь» во втор. изд. «Пск. Судн. Грам.», стр. 5. Ѳ. Устряловъ, Op. cit. стр. 166. Другое объясненіе даетъ И. Энгельманъ, Op. cit. стр. 49 прим. б. и М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія примѣч. 99. стр. 165. В. I). *г.* Въ спискѣ Грамоты:—«огороднек», по контексту слѣдуетъ «огороднику». Огородникъ—арендаторъ огородовъ въ древнемъ Псковѣ. (Срезневскій, Матеріалы, т. I. слова: «огородъ», «огородникъ» и др. стр. 606—607). *д.* Кочетникъ—рыбакъ, рыболовъ. Кочетъ—колышекъ у лодки, къ которому прикрѣпляется весло. (Мурзакевичъ, Словарь, стр. 6. Срезневскій, Матеріалы, т. I. «кочетникъ», стр. 1305. Ѳ. Устряловъ, Op. cit., стр. 166—168. И. Энгельманъ, Op. cit. стр. 49—50. Чичеринъ, Опыты..., стр. 191 примѣч. 2. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, 1900, стр. 37—38. Его-же. Христоматія, В. I. стр. 165. Н. Дебольскій, Op. cit., стр. 124. В. И. Сергѣевичъ, Юрид. Древн., т. I. стр. 205. М. А. Дьяконовъ, Очерки общ. и госуд. строя, стр. 97). *е.* «Ѳилиппово заговѣнье»—день 14 ноября—заговѣнье передъ Рождественнскимъ постомъ (съ 15 нояб. до 25 декабря). *ж.* «Отречися»=отречься, отказаться, разсчитаться (Срезневскій, Матеріалы, т. I. 763). *з.* «Отречися съ села»—отказаться отъ продолженія аренды, разсчитаться съ землевладѣльцемъ-арендодателемъ. «Село»—имѣніе, помѣстье; въ данномъ случаѣ, можно сказать, земля, взятая въ аренду. Ср. прочія статьи Пск. Судн. Грам., гдѣ упоминается слово «село» (Срезневскій, Матеріалы, т. III. В. I. слово «село», богатое объясненіями на стр. 326—329). *и.* Въ спискѣ Грамоты имѣется, «четникъ», вѣроятно, по ошибкѣ переписчика; надо читать «кочетникъ», если только «четникъ» не находится въ связи съ выраженіемъ, «чата» въ Пск. Судн. Грам.—ст. 43 по Христ. Владимірскаго-Буданова (см. другія объясненія. И. Энгельманъ, Op. cit., стр. 49 прим. 7 и Ѳ. Устряловъ, Op. cit., стр. 166—168 прим. 96).

ж. «ино»=то; «тому жъ», т. е. тогда же (14 нояб.) и такому же, иначе говоря, тожественному «отроку» «государя» *л.* «Ино тому жъ отроку быти», т. е. въ то же время и совершенно равномѣрно, тожественно съ «отрокомъ» «государя». Здѣсь, по смыслу текста, необходимо поставить точку. *м.* Смыслъ фразы требуетъ здѣсь двоеточія. *н.* Въ спискѣ сказано «котечника», очевидно, по ошибкѣ переписчика. *о.* Въ спискѣ имѣется, «огородника»; вообще это слово ни разу въ спискѣ не написано вѣрно. Все правило, слѣдовательно, постановляетъ, что прекращеніе аренды возможно только однажды въ году, «о Ѳилипове заговѣине» и равноправно для обѣихъ сторонъ арендной сдѣлки.

Данное постановленіе по существу своему не вызываетъ разногласій среди изслѣдователей; всѣ сходятся въ признаніи, что данное правило установляетъ и узаконяетъ формально-юридическій срокъ одновременнаго отказа отъ аренды какъ со стороны «государей», землевладѣльцевъ, такъ и со стороны сельскихъ арендаторовъ ихъ угодій, исполовниковъ—«изорниковъ», «кочетниковъ» и «огородниковъ». Но, начиная съ издателя Грамоты, проф. Мурзакевича, многіе изслѣдователи не довольствуются даннымъ постановленіемъ и прибавляютъ къ нему еще совершенно иное правило, которое непосредственно слѣдуетъ въ рукописномъ текстѣ самой Грамоты [1]). На самомъ же дѣлѣ, то добавленіе, которое привносятъ указанные авторы, является по существу непріемлемымъ и слѣдуетъ для даннаго правила ограничиться приведенными выше строками (стр. XII ст. 1—8). Ибо строки 1—8 стр. XII Пск. Судн. Грамоты говорятъ о срокѣ «отрока» во Псковѣ, а строки 8—11 стр. XII—о недоразумѣніяхъ и спорахъ при «отрокахъ».

Данное постановленіе, слѣдовательно, понимается такъ. Если «государь» захочетъ отказать въ продолженіи аренды «изорнику», «огороднику», или «кочетнику», то онъ можетъ юридически осуществить свой отказъ ежегодно «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ»; если-жъ

---

[1]) Мурзакевичъ, Пск. Судн. Грамота, стр. 7 *печатнаго* текста. Энгельманъ, Op. cit., стр. 54—55. Устряловъ, Op. cit., стр. 130. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, В. I. стр. 165. Дебольскій, Op. cit., стр. 124 и 128. А также Н. Д. Чечулинъ въ изд. Пск. Судн. Грамоты И. Арх. К. *Печатный* текстъ, стр. 11. Не дѣлаютъ этого добавленія: Б. Н. Чичеринъ, Опыты, стр. 191 и 192. И. Д. Бѣляевъ, Op. cit., стр. 8; 24—25. В. И. Сергѣевичъ, Юрид. Древн., I, стр. 210 и 238.

захотятъ отказаться отъ аренды сами съемщики земли у «государя», то юридически выполнить это они могутъ также только «о Филипповѣ заговѣніи» по «тому же» самому «отроку», т. е. на равныхъ юридическихъ началахъ съ «государемъ». Ни въ какое другое время, ни на какихъ иныхъ юридическихъ началахъ «отроку» во Псковѣ «не быти»—даетъ санкцію Псковская Судная Грамота.

Для чего же необходимо было установить законодательнымъ порядкомъ «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ» данный формально-юридическій срокъ «отрока» и въ чемъ состоялъ этотъ «отрокъ», т. е. какія правовыя начала лежали въ существѣ даннаго акта? Вотъ вопросы, на которые необходимо отвѣтить для вскрытія и уясненія смысла правовыхъ отношеній на почвѣ землепользованія во Псковѣ, какъ они сложились и запечатлѣлись въ памятникѣ вѣчевого законодательства—Псковской Судной Грамотѣ.

Законодательное формально-юридическое опредѣленіе срока «отрока», несомнѣнно, было вызвано потребностями самой жизни, т. е. житейской, обычно-хозяйственной практикой, для урегулированія, упорядоченія хозяйственнаго быта того времени въ смыслѣ созданія болѣе планомѣрной, единообразной циркуляціи хозяйственныхъ силъ, дабы возможно было бы болѣе правильное, раціональное веденіе сельскаго хозяйства въ Псковской землѣ. Можно полагать, что правило это существовало во Псковѣ очень давно, еще задолго до принятія данной Грамоты, хотя бы и въ 1397 г. Если принять во вниманіе, что эта часть Грамоты «выписана изъ великаго князя Александровы грамоты», т. е. кн. Александра Михайловича Тверского [1]), княжившаго во Псковѣ дважды (съ 1327—1330 г.г. и съ 1331—1337 г.), то и тогда это правило могло существовать уже за 70 — 60 лѣтъ до Пск. Судн. Грам. 1397 года; а если оно въ своей правовой идеѣ относится еще къ «пошлинамъ» псковской старины, то его бытіе можетъ исчисляться цѣлыми вѣками. Все это даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію правовой жизни, правовыхъ отношеній и правоубѣжденій, псковичей, «людей добровольныхъ», а также проливаетъ нѣ-

---

[1]) Ср. Мурзакевичъ, Пск. Судн. Грамота, стр. V. А. Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873, стр. 106—109; 241—245. М. А. Дьяконовъ, Очерки общ. и госуд. строя, стр. 54—56.

который свѣтъ и на экономическія отношенія того времени. Ибо, жило-ли данное правило лишь въ народно-правовой идеѣ, проявлявшейся въ формѣ народно-обычной «пошлины», или оно было офиціально-юридически оформлено въ княжеской грамотѣ, или же, наконецъ, было принято въ законодательномъ порядкѣ «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ»,—все говоритъ за то, что экономическое благосостояніе «стольнаго города Пскова» крѣпло и развивалось, благодаря неуклонному, исконному воздѣйствію права на поведеніе населенія въ направленіи выработки хозяйственной дѣльности народа и на созданіе организованной однообразной циркуляціи хозяйственныхъ силъ въ странѣ.

Но, разумѣется, не въ угоду кому-либо (и eo ipso въ ущербъ другимъ) было введено это закономѣрное, равноправное установленіе хозяйственныхъ разсчетовъ «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ». Это право разсчета въ опредѣленный срокъ равномѣрно относилось и причиталось обѣимъ сторонамъ, участвовавшимъ въ арендной сдѣлкѣ: и «государю», и «исполовнику». Такое офиціальное установленіе единообразнаго срока для осуществленія права «отрока», т.-е. взаимнаго размѣниванія правами и обязанностями «государей» и «исполовниковъ», имѣло, вѣроятно, въ виду и упорядоченіе веденія всевозможныхъ судебныхъ разбирательствъ, несомнѣнно, возникавшихъ при «отро́кахъ». Въ виду же несовершенства тогдашняго судебнаго механизма и его еще малой приспособленности къ жизни и успѣшному функціонированію, такое единообразное, шаблонное установленіе срока для прекращенія правовыхъ отношеній, возникавшихъ на почвѣ института арендnаго землепользованія, должно было значительно облегчить судебный порядокъ разбирательствъ по искамъ, сводя воедино однородныя дѣла и такимъ образомъ, хотя бы по времени, упорядочивая юридическое разрѣшеніе споровъ по искамъ «государей» и «исполовниковъ». А это уже много значило для нашихъ древнихъ судовъ, дорогихъ и съ безконечно длиннымъ и волокитнымъ производствомъ [1]).

---

[1]) См. объ этомъ: Н. Л. Дювернуа, Источники права и судъ, стр. 269—270, а также стр. 382—383 и мн. др.; а также М. А. Дьяконовъ, Очерки общ. и госуд. строя, стр. 322.

Что же представлялъ изъ себя по существу «отрóкъ»? Что это за правовой актъ въ институтѣ древняго арендnаго землепользованія? Это вопросъ весьма интересный и большой научной важности. Выше уже было отмѣчено, что посторонніе мотивы въ правѣ не имѣли почвы для своего развитія въ древнемъ вольномъ Псковѣ [1]). Не *частно*-хозяйственная точка зрѣнія привилегированнаго сословія играла роль въ праворазвитіи Пскова, но общая, *народно*-хозяйственная точка зрѣнія лежала въ основѣ правовыхъ институтовъ. Поэтому только съ этой послѣдней точки зрѣнія и возможно безпристрастно понять и оцѣнить любой соотвѣтственный институтъ права и его культурно-историческое развитіе и значеніе. И въ данномъ случаѣ нужно твердо понимать и помнить, что «отрокъ» во Псковѣ не имѣлъ никакого ограничительнаго, или стѣсняющаго чьи-либо права, характера. Это—вполнѣ естественное, нормальное явленіе института найма. Поэтому, осуществленіе права «отрока»—это не нарушеніе арендnаго договора, какъ неправильно думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, ибо «исполовникъ» былъ воленъ уйти ежегодно въ закономъ установленный срокъ,—это есть юридическая взаимоотдача правъ и обязанностей, возникшихъ между сторонами при заключеніи арендной сдѣлки, когда эти самыя стороны взаимно связали себя извѣстными, опредѣленными обязанностями—правами по отношенію другъ къ другу. «Отрокъ»—есть развязка той юридической связанности, которая возникла изъ главнаго условія аренды—арендной платы за пользованіе угодьемъ. Всѣ прочія условія, которыя могутъ возникнуть при заключеніи аренды, не имѣютъ самодовлѣющаго характера, они служатъ лишь побочными, добавочными элементами, хотя бы при своей практической эпидемичности. Поэтому «отрокъ» правомоченъ и дѣйствителенъ всегда, когда выполнено главное, общее условіе аренды—арендная плата за пользованіе угодьемъ. Невыполненіе же даннаго существеннаго условія влечетъ за собою ничтожность «отрока», вслѣдствіе его неправомочности.

Такимъ образомъ, арендная плата за предоставленное въ пользованіе угодье есть conditio sine qua non самаго института арендnаго землепользованія. Это хорошо усвоили себѣ, во-

---

[1]) Ср. еще Н. Л. Дювернуа, Op. cit., стр. 272.

обще, высоко стоящіе въ правовомъ отношеніи, псковичи, что, естественно, и отразилось въ ихъ Судной Грамотѣ. Поэтому то, какъ будетъ видно дальше, ни долгъ въ смыслѣ займа, или ссуды, ни, вообще, помощь «государя» въ смыслѣ снабженія своего «исполовника» всѣмъ необходимымъ для обзаведенія хозяйствомъ, ничто не мѣшаетъ исполовнику въ узаконенный срокъ предъявить «отрокъ» своему «государю», и уйти прочь; ибо всѣ эти добавочныя вещи побочны и по существу своему не присущи институту аренды. Само собой разумѣется, что, предъявивъ «отрокъ», исполовникъ, конечно, не освобождается отъ своей обязанности, права «государя», возвратить все взятое имъ, т.-е. выполнить всѣ другія, добавочныя условія своего «поряда» съ «государемъ», но взыскивать все это «государь» долженъ отдѣльно, по «отрокѣ» и, къ тому же, не потому, что данный «исполовникъ» арендовалъ у него землю, «сидѣлъ на селѣ», а по особымъ, для каждаго условія отдѣльнымъ, опредѣленнымъ доказательствамъ. На судѣ необходимо требуется доказать: «*какъ* чисто на селѣ сидѣлъ» исполовникъ, а не только, что онъ, вообще, «сидѣлъ на селѣ», т.-е. арендовалъ землю и т. под. Въ этомъ отношеніи Псковская Судная Грамота стоитъ на должной высотѣ правового сознанія.

Итакъ, «отрокъ» имѣлъ значеніе не угрозы, не потворства «государямъ», не милости ихъ (каковое значеніе впослѣдствіи имѣли въ Московскомъ государствѣ «отпуски»—«отказы» со стороны землевладѣльцевъ при нарастаніи крѣпостной зависимости) [1]),—«отрокъ», это равное право «государя» и «исполовника» въ узаконенный срокъ размѣняться своими правами—обязанностями, возникшими на почвѣ заключенія ими арендной юридической сдѣлки. Но, надо помнить, что только тѣми, которыя непосредственно присущи данному институту, изъ него необходимо вытекаютъ, но отнюдь не тѣми, которыя возникаютъ у любого изъ контрагентовъ данной сдѣлки, въ качествѣ *кредитора*, *должника* и т. п., а *не* какъ *арендодателя* и *аренда-*

[1]) См. объ этомъ мои брошюры: «Заповѣдныя лѣта» и старина жительства. Спб. 1911 г., стр. 16 и сл., а также Обычный институтъ старожильства и крѣпостное право, Спб. 1912 г. Стр. 33—34.

тора. Поэтому выраженіе Грамоты «ино *тому жъ* отроку быти» представляется особенно цѣннымъ, ибо ясно, что тутъ рѣчь идетъ не только о времени «отрока», но и о его существѣ, съ опредѣленнымъ указаніемъ на равноправный, тожественный характеръ самаго правового акта «отрока» для обѣихъ сторонъ. «А иному отроку не быти»!—категорически и съ гордымъ сознаніемъ права постановляетъ всенародное Псковское вѣче.

III.

Арендная плата «исполу» и ея правовой смыслъ.

Установивъ единообразный срокъ «отрока», совершенно равноправнаго для обѣихъ сторонъ, «государей» и «исполовниковъ», Псковская Судная Грамота опредѣляетъ и условія, тѣ равномѣрныя правовыя начала, на которыхъ долженъ былъ производиться «отрокъ», совершенно равносильный для обоихъ контрагентовъ. Въ этомъ отношеніи Псковская Судная Грамота весьма близка существу правовыхъ началъ и институтовъ и, неизбѣжно отражая въ себѣ эти правовыя начала, понимаетъ подъ условіями аренды все то и *лишь* то, что непосредственно, специфически связано съ существомъ института арендnаго землепользованія, совершенно не включая въ него тѣхъ побочныхъ обязательствъ, которыя фактически могли возникать при заключеніи арендной юридической сдѣлки. Она не игнорируетъ ихъ, но отводитъ имъ надлежащее мѣсто въ юридической квалификаціи, строго слѣдя за точнымъ выполненіемъ всѣхъ добавочныхъ, побочныхъ обязательствъ, но отнюдь не въ смыслѣ специфическаго связыванія ихъ съ институтомъ аренды, а въ смыслѣ надлежащаго отнесенія ихъ по своему существу, напр., къ долгу по ссудѣ, по займу и т. п. Цѣлый рядъ статей Грамоты предписываетъ и гарантируетъ точное, неуклонное выполненіе данныхъ обязательствъ, но не при обязательномъ условіи и времени «отрока», а послѣ него.

Интересующее насъ постановленіе Псковской Грамоты (стр. XVII строки 3—6 по фототипіи Грамоты или ст. 63 по Христоматіи Владимірскаго-Буданова) гласитъ:

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

«А которыи изорникъ отречется оу г[осу]д[а]ря села [а], йли г[оус]д[а]рь его отрьчет[ъ] [б], й г[осу]д[а]рю взят[и] [в] оу него все[го] [г] половину своего йзорника [д], а [и]зорникъ половин[у] [е]».

Примѣчанія: *а.* «Отречется села» т.-е. откажется отъ продолженія аренды, предъявитъ «отрокъ», захочетъ разсчитаться съ «государемъ» за свое «сидѣніе на селѣ оу государя». *б.* Т.-е. предъявитъ «отрокъ» хозяинъ, арендодатель. Опять опредѣленіе для обѣихъ сторонъ. *в.* «Взяти»—взять, причитается. Здѣсь вѣрное отраженіе правового языка, который всегда оттѣняется признакомъ извѣстной властности, требованія, а не милости и благодѣянія; потому всегда и говорится: по праву взять, а не просить; требовать, а не ждать милости и т. под. *г.* Вѣроятно, здѣсь ошибка переписчика, ибо слово «все» только затемняетъ смыслъ; надо читать «всего», эта описка весьма возможна: пропущена буква «г» надъ словомъ подъ титломъ (ср. А. А. Шахматовъ, Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. 1903. № 46; 48; 77, 114 и др. *д.* «всего половину своего изорника» т. е. причитающуюся «государю» арендную плату «исполу», «исполовничью половину»; «всего» значитъ и хлѣба, и сѣна, и овса, и огородныхъ овощей и т. под., т. е. всего того, что даетъ урожай на арендуемомъ исполовникомъ «селѣ». *е.* Т. е. другую «половину всего» беретъ уже себѣ по праву аренды самъ «изорникъ». Все постановленіе, слѣдовательно, офиціально квалифицируетъ арендную плату «исполу», правно отражая въ себѣ институтъ «половничества».

Это постановленіе Грамоты вызвало крупныя разногласія среди изслѣдователей и, вообще, оно не понимается, какъ правило, регулирующее главное, естественное условіе арендnаго института «половничества» — арендную плату натуральными продуктами по нормѣ «исполу», а разсматривается съ привнесеніемъ въ него какого то карательнаго смысла, затемняющаго и измѣняющаго простой, естественный и вполнѣ понятный смыслъ даннаго правила.

Наиболѣе крайнее мнѣніе высказано по данному вопросу В. И. Сергѣевичемъ въ первомъ изданіи «Юридическихъ Древностей» [1]) (отъ котораго онъ впослѣдствіи отказался), а также и Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ въ его посмертномъ трудѣ: «Феодализмъ въ удѣльной Руси» [2]).

Что касается В. И. Сергѣевича, то онъ, указывая, что въ

---

[1]) Русск. Юридич. Древности, т. I, 1890, стр. 239.

[2]) Сочиненія, т. III, Спб. 1910.

Псковской Судной Грамотѣ «есть статья, регулирующая разсчеты землевладѣльца и крестьянина въ моментъ прекращенія *послѣднимъ* найма земли», приводитъ разсматриваемое правило Грамоты. «По буквальному смыслу статьи продолжаетъ В. И. Сергѣевичъ, все *имущество* изорника при уходѣ *его* дѣлится между нимъ и господиномъ по ровну». Это утвержденіе явилось протестомъ противъ другого мнѣнія, господствующаго въ литературѣ, къ каковому впослѣдствіи, однако, предположительно примкнулъ и самъ проф. Сергѣевичъ.

Рѣчь объ этомъ другомъ мнѣніи будетъ ниже, теперь же остановимся на данномъ мнѣніи В. И. Сергѣевича, поддержанномъ въ послѣднее время Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ, который, приведя данное постановленіе Псковской грамоты, пишетъ. «Прямой смыслъ этой статьи казался нашимъ изслѣдователямъ неправдоподобнымъ, и они предполагали, что здѣсь разумѣется не половина имущества изорника, а половина урожая и т. под. Для такихъ толкованій ни текстъ, ни другія статьи не даютъ никакой опоры. И ничего неправдоподобнаго въ отнятіи у *уходящаго* крестьянина половины имущества нѣтъ. У сервовъ въ древности при отказѣ отнимали все, отпускали ихъ голыми. У насъ впослѣдствіи если не по закону, то фактически господа отнимали у крестьянъ при отказѣ значительную часть имущества» [1]).

Мы не можемъ согласиться съ такимъ толкованіемъ по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, бросается въ глаза *неправильное чтеніе* самой статьи Псковской Грамоты. Въ этомъ—первая ошибка, искажающая смыслъ даннаго постановленія и обнаруживающая субъективныя привнесенія въ толкованіе статьи. А именно, не смотря на то, что въ статьѣ указано два условія, двѣ юридическія гипотезы: 1) «а который изорникъ отречется у государя села» и 2) «или государь его отречетъ»,—отвѣтъ дается данными изслѣдователями *только* на одно *первое* условіе, а *второе* остается безъ отвѣта; фраза «или государь его отречетъ» совершенно игнорируется по данному толкованію. Итакъ, одностороннее условіе и eo ipso односторонній отвѣтъ, который уже тѣмъ самымъ не можетъ быть вѣрнымъ и правиль-

[1]) Феодализмъ въ удѣльной Руси, стр. 195.

*

нымъ по отношенію къ двухстороннему условію, заданному статьей Грамоты, вообще чутко отражающей двухстороннюю сущность правовыхъ явленій.

Но этой ошибкой не исчерпывается еще вся неправильность приведеннаго толкованія. Выше было упомянуто, что въ толкованіе даннаго постановленія Псковской Грамоты привносится изслѣдователями посторонній, чуждый этому правилу, регулирующему арендную плату «исполу», элементъ наказуемости, элементъ юридической кары, роепае. Толкованіе В. И. Сергѣевича и г. Павлова-Сильванскаго не безгрѣшно и въ этомъ. А именно, по ихъ толкованію выходитъ такъ: если изорникъ отказался, хотя бы и въ срокъ, «оу государя села», т. е. отъ продолженія аренды земли у землевладѣльца, то въ наказаніе за это (ибо вслѣдствіе «отрока» изорника могли произойти разныя неудобства, а то и убытки для землевладѣльца, о которыхъ такъ заботятся изслѣдователи) онъ лишался половины своего имущества въ пользу своего арендодателя. Таково субъективное привнесеніе *частно*-хозяйственной точки зрѣнія съ отстаиваніемъ привилегій землевладѣльцевъ, совершенно не вяжущееся съ надлежащимъ пониманіемъ существа юридическаго института арендnаго землепользованія, предполагающаго правовую свободу и самостоятельность контрагентовъ.

Итакъ, «отрокъ» совершенъ въ *официально-опредѣленный срокъ*, по всѣмъ правиламъ для сего акта закономъ установленнымъ (а, несомнѣнно, такой «отрокъ» только и имѣетъ въ виду постановленіе Грамоты) и, вдругъ, за этотъ *законный* «отрокъ» изорникъ *наказывался* лишеніемъ половины своего имущества въ пользу «государя»? Нѣчто безпримѣрное и невозможное въ правовомъ смыслѣ въ отношеніи къ институту аренды, признаваемому для Пскова самими изслѣдователями. Но если это такъ, если юридически-официально квалифицируется нѣчто подобное, то оно должно, слѣдовательно, относиться равно къ обоимъ случаямъ «отрока», ибо «отрокъ» равноправенъ и равномѣренъ для обѣихъ сторонъ, какъ и было показано выше. А тогда, допустивъ, что въ наказаніе за свой «отрокъ» въ закономъ установленный срокъ изорникъ лишался половины своего имущества, слѣдуетъ продолжить это толкованіе и дальше, ибо въ статьѣ сказано «или государь его отречетъ». Какъ же быть въ этомъ случаѣ? Согласно

данному карательному толкованію, отвѣтъ долженъ гласить: въ *наказаніе изорнику* за «отрокъ», *данный ему* «*государемъ*» въ установленный срокъ, «*государь*» *беретъ* снова также *половину имущества изорника*, какъ и при «отрокѣ» со стороны самого изорника. Таково, если принять данное толкованіе, должно было бы быть справедливое, высоко развитое, право вольнаго Пскова, въ которое «вѣрили, какъ нигдѣ и никогда послѣ не вѣрили въ него»!—какъ говоритъ проф. Дювернуа.

Нетрудно, послѣ этого, понять, какой сильный и заманчивый для «государей» мотивъ создавало бы данное правило Псковской Грамоты въ смыслѣ «отреченія» отъ своего «села» изорниковъ, если бы оно было дѣйствительно таково, какъ его толкуютъ В. И. Сергѣевичъ и Н. П. Павловъ-Сальванскій. Стоило бы только захотѣть землевладѣльцамъ попользоваться имуществомъ своихъ арендаторовъ-исполовниковъ, и они по праву, по закону, скрѣпленному санкціей всенароднаго вѣча, могли взять «половину имущества» изорниковъ, предъявивъ имъ «отрокъ», не дожидаясь даже «отроковъ» со стороны исполовниковъ. А по отобраніи имущества могли бы снова заключить арендныя сдѣлки съ отошедшими до будущаго «Ѳилиппова заговѣнья», когда снова бы продѣлали свою выгодную операцію... и такъ безъ конца, законно раззоряя своихъ арендаторовъ.

Традиціонная *частно*-хозяйственная точка зрѣнія изслѣдователей, установляющая привилегіи и разныя преміи для землевладѣльцевъ и невыгоды и убытки для сельскаго населенія, не взирая на эвентуальное общее разстройство и раззореніе *народнаго* хозяйства, и здѣсь взяла верхъ, исказивъ подлинный смыслъ простого правила объ уплатѣ за аренду угодій «исполу».

Но и это, собственно, еще не все. Если посмотрѣть на разбираемую статью въ ея двусторонне-квалифицированномъ смыслѣ, то съ точки зрѣнія вышеприведеннаго толкованія получится прямо чудовищный выводъ. А именно, разъ «изорникъ», одинъ изъ контрагентовъ арендной сдѣлки, наказуется за свой «отрокъ», хотя бы и въ узаконенный срокъ, то и «государь», какъ другой контрагентъ сдѣлки, также не можетъ быть освобожденъ отъ наказанія за свой «отрокъ» арендатору, разъ данное правило двусторонне юридически квалифицируетъ роепат за «от-

рокъ» вообще. Кромѣ формально-юридической необходимости и справедливой равномѣрности, подобное заключеніе правильно и желательно и въ отношеніи фактической, хозяйственной стороны дѣла. Разъ изорникъ, въ виду могущихъ возникнуть отъ его «отрока» убытковъ для «государя», наказывался лишеніемъ половины всего своего имущества въ пользу «государя», то тѣмъ болѣе долженъ былъ соотвѣтственно наказываться «государь» за свой «отрокъ» изорнику, въ пользу этого послѣдняго, ибо онъ совершенно раззорялъ исполовника, отбирая у послѣдняго «половину имущества» и выгоняя его, обобраннаго, на всѣ четыре стороны. Если, именно, такъ, безпристрастно посмотрѣть на дѣло, согласно основной мысли разбираемаго толкованія, то что же тогда получится? Получится слѣдующее: если «государь» отказывалъ, «отрекалъ» изорника, то въ наказаніе за свой «отрокъ» (какъ и «изорникъ») онъ лишался, а *изорникъ бралъ половину всего имущества «государя»*! Таковъ послѣдній логическій и юридическій выводъ изъ разбираемаго толкованія, связанный съ неправильнымъ привнесеніемъ въ статью элемента наказуемости законнаго «отрока».

Но всякій юридическій памятникъ есть хранилище права, правовыхъ воззрѣній и убѣжденій своего народа и времени, а памятники древняго права, слагавшагося на почвѣ народныхъ обычаевъ, исконной старины и незапамятной «пошлины», въ формѣ которыхъ кристаллизуется массовый длительный опытъ, фактическое поведеніе населенія, ведущее начало отъ далекихъ предковъ, по идеѣ правды народной безотчетно сложившееся въ вѣчное, нерушимое, справедливое, — такой памятникъ долженъ безпристрастно и вѣрно изобразить и представить потомкамъ запечатлѣнную въ себѣ фактическую правовую жизнь своего народа и времени. Какъ же, послѣ этого, можно согласиться съ предлагаемымъ толкованіемъ упомянутыхъ авторовъ? Вѣдь, признать это толкованіе, означало бы признать полную анархію хозяйственнаго быта въ древнемъ Псковѣ, полное систематическое «законное» раззореніе какъ «изорниковъ», такъ и «государей», совершенную невозможность, хоть сколько-нибудь правильнаго, веденія сельскаго хозяйства въ Псковской землѣ. Ибо, если уже «изорники»-арендаторы раззоряются при своемъ «отрокѣ», то

что же мы увидѣли бы при «отрокѣ» арендодателей-«государей»? Вѣдь, не много бы уцѣлѣло при такихъ условіяхъ и правилахъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ Псковской землѣ. Ибо стоило бы тогда землевладѣльцу отказать двухъ, трехъ... до десятка исполовниковъ, какъ самъ бы онъ неизбѣжно очутился въ положеніи безземельника и, напротивъ, «отреченные» такимъ образомъ «изорники» превращались бы, нежданно-негаданно для самихъ себя, сразу же въ крупныхъ землевладѣльцевъ и богачей; особенно, первый отказанный, согласно данному толкованію, по «тому-жъ отроку», какъ говоритъ сама Псковская Грамота, т. е. взявшій первымъ половину всего, еще не дѣленнаго, имущества своего «государя»; за нимъ—второй и т. д. въ порядкѣ нисходящей геометрической прогрессіи. Несообразная, чудовищная жизнь царила, казалось бы, въ вольномъ Псковѣ!

Однако, исторія показываетъ намъ совершенно иное. Правовой и хозяйственный бытъ вѣчевого Пскова, по единогласному мнѣнію изслѣдователей далекой русской старины, отличался, большимъ культурнымъ развитіемъ и тѣмъ самымъ не могъ регулироваться правилами въ духѣ вышеприведеннаго толкованія. Не *частно*-хозяйственная точка зрѣнія одной изъ сторонъ юридическаго отношенія должна лежать въ основѣ правно-историческаго изслѣдованія, а общая, *народно*-хозяйственная точка зрѣнія должна быть положена въ основу безпристрастно-научнаго юридическаго изслѣдованія. Только тогда возможно надѣяться на дѣйствительное выясненіе истины и уясненіе историческаго смысла и культурнаго значенія каждаго правового института, какъ и цѣлыхъ правовыхъ системъ, если окончательно отрѣшиться отъ пониманія права, какъ защиты, охраны *частныхъ* интересовъ, частныхъ потребностей, выгодъ и т. под. и, наоборотъ, понимать право, какъ «продуктъ не сознательнаго разсчета и индивидуальнаго придумыванія для какихъ либо цѣлей и интересовъ, а безсознательно-удачнаго массоваго психическаго приспособленія», какъ «существенный психическій факторъ соціальной жизни и развитія духовной культуры» [1]).

Что касается указанія В. И. Сергѣевича на «буквальный

[1]) *Л. І. Петражицкій.* Теорія права и государства. Спб. 1910. т. II, стр. 688.

смыслъ», или Н. П. Павлова-Сильванскаго на «прямой смыслъ» статьи, то это указаніе, разумѣется, ничего не доказываетъ, ибо самый этотъ, «прямой», или «буквальный» смыслъ долженъ еще именно быть доказанъ, какъ таковой. Къ тому же, такой «буквальный смыслъ» можетъ иногда оказаться впослѣдствіи совсѣмъ и *не* буквальнымъ, какъ это имѣло мѣсто у проф. Сергѣевича (о чемъ ниже) и т. под. Указаніе же г. Павлова-Сильванскаго на то, что «ничего неправдоподобнаго въ отнятіи у уходящаго крестьянина половины имущества нѣтъ», ибо «у *сервовъ* въ древности при отказѣ отнимали все, отпускали ихъ голыми», а «у насъ впослѣдствіи, если не по закону, то *фактически* господа отнимали у крестьянъ при отказѣ значительную часть имущества»,—такое указаніе и, какъ бы, доказательство грѣшитъ въ двоякомъ направленіи. Во 1-хъ, нельзя приравнивать псковскихъ исполовниковъ—*свободныхъ арендаторовъ*—къ «сервамъ», т. е. *рабамъ* древности, ибо правовое положеніе тѣхъ и другихъ совершенно различно и не понимать этого юристъ не можетъ; во 2-хъ, нельзя смѣшивать право съ фактомъ, юридическое съ фактическимъ, какъ это дѣлаетъ г. Павловъ-Сильванскій, а потому если «*фактически* господа отнимали у крестьянъ при отказѣ часть имущества», то это совсѣмъ не можетъ служить доказательствомъ того, что и *юридически* было предписано данное отнятіе имущества; напримѣръ, *фактически* люди совершаютъ убійства, грабежи, кражи, но *юридически* такое поведеніе не только не предписывается, но преслѣдуется, наказуется, и поэтому на основаніи фактовъ убійствъ, кражъ нельзя доказывать, что само право, законы предписываютъ эти убійства и кражи, а между тѣмъ, г. Павловъ-Сильванскій, какъ разъ, совершаетъ подобную безнадежную для доказательства ссылку. При болѣе вдумчивомъ и внимательномъ отношеніи къ вопросу и дѣлу подобные «буквальные» и «прямые» смыслы должны ясно обнаружить свою научную несостоятельность, или, по крайней мѣрѣ, показаться «мало вѣроятными», какъ это, именно, и призналъ впослѣдствіи самъ В. И. Сергѣевичъ, примыкая къ господствующему мнѣнію въ послѣднемъ изданіи своихъ «Юридическихъ древностей».

Такъ, онъ говоритъ: «Дѣлежъ всего имущества пополамъ и намъ представляется мало вѣроятнымъ. Рѣчь, дѣйствительно, мо-

жетъ быть идетъ о дѣлежѣ только послѣдняго урожая. Къ половникамъ такой способъ разсчета прекрасно примѣняется. Но развѣ во Псковѣ все были половники?» [1]) Странно, почему профессоръ-юристъ задаетъ такой вопросъ. Возможно, что во Псковѣ *не «все* были половники», но юристамъ извѣстно, что отдѣльные случаи не узаконяются, они не создаютъ еще закона и, даже, обычая, не входятъ въ правовую обобщенность соціальной жизни и не запечатлѣваются въ юридическихъ памятникахъ законодательнаго характера, долженствующихъ быть регуляторами общественной жизни, однимъ изъ каковыхъ и была Псковская Судная Грамота, принятая «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ». Положительное право и eo ipso законъ часто не отвѣчаютъ конкретной дѣйствительности во всѣхъ ея единичныхъ проявленіяхъ, ибо они отражаютъ въ себѣ общіе типы, общіе моменты извѣстнаго поведенія и соотвѣтственные институты, регулируя ихъ, въ среднемъ (caeteris paribus), несомнѣнно, совпадая съ жизнью.

Такимъ образомъ, сдѣлавъ всѣ необходимые логическіе и юридическіе выводы изъ толкованія этой статьи, предложеннаго В. И. Сергѣевичемъ и Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ, мы не можемъ съ нимъ согласиться и признать его научно обоснованнымъ.

Другое (нынѣ господствующее) толкованіе, высказанное впервые И. Энгельманомъ въ его студенческомъ сочиненіи, [2]) выгодно отличается отъ вышеразобраннаго толкованія, но только съ одной фактической стороны разрѣшенія вопроса, съ юридической же стороны оно также безнадежно-ошибочно, какъ и предыдущее толкованіе: во 1-хъ, самая статья Грамоты читается неправильно и во, 2-хъ, въ нее привнесенъ тотъ же карательный смыслъ, элементъ роепае. Но нынѣ оно еще никѣмъ не заподозрѣно въ своей существенной погрѣшности, и, напротивъ, всѣ какъ будто успокоились, что дано непогрѣшимое разрѣшеніе трудной проблемы, традиціонно повторяемое и въ учебникахъ, и ученыхъ сочиненіяхъ.

---

[1]) Русскія юридич. древности, т. I. 1902, стр. 246.

[2]) Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ Пск. Судн. Грамоты. Спб 1855. стр. 55, 56 и 57.

Къ этому воззрѣнію примыкаютъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [1]), акад. М. А. Дьяконовъ [2]), Н. Н. Дебольскій [3]) и нѣкот. др.

И. Энгельманъ слѣдующимъ образомъ разбираетъ данное постановленіе Грамоты. «Основываясь на словахъ «все половину своего изорника», можно было бы полагать, что здѣсь рѣчь идетъ объ имуществѣ изорника вообще. Но этого не допускаетъ ст. XIII, 28—XIV, 3 [4]), по которой изорникъ имѣетъ право при уходѣ взять съ собою все свое движимое имущество» [5]). Приведя, затѣмъ, эту статью, онъ, далѣе, заявляетъ «Такимъ образомъ ясно, что въ ст. XI, 8—10 [6]) «половина», слѣдующая господину земли при уходѣ изорника, означаетъ половину послѣдняго урожая, т. е. сверхъ арендной платы за послѣдній годъ (1/4 части дохода) господинъ получаетъ равное ей количество денегъ или сельскихъ произведеній» [7]). И далѣе,— идетъ «порочно»-логическое объясненіе автора. Ибо онъ объясняетъ данную статью (стр. XVII, 3—6 по фототипіи Грамоты или ст. 63 по Владимірскому-Буданову) посредствомъ ссылки на другую статью (стр. XII, 8—11 по фототипіи Грамоты или конецъ статьи 42-ой по Буданову), гдѣ говорится о «четверти» (объ этомъ ниже), и, наоборотъ, ст. 42-ую, объясняетъ ст. 63-ей, чѣмъ еще хуже запутывается узелъ развязки вопроса, образуя бездоказательный «порочный кругъ»—circulus vitiosus логики. А именно, сославшись здѣсь на ст. XII, 8—11 (или ст. 42-ую), онъ при объясненіи, именно, этихъ строкъ 8—11 стр. XII касается снова вопроса о «половинѣ» и карѣ за «отрокъ». Такъ онъ говоритъ:

---

[1]) Христоматія. В. I. стр. 173 прим. 136 и стр. 165 прим. 100.

[2]) Энциклопед. Словарь—Брогкаузъ-Ефронъ—полут. 24, стр. 880, слово «изорникъ», а также: Очерки общ. и госуд. строя. 1908, стр. 97.

[3]) Гражданская дѣеспособность, стр. 125—127.

[4]) И. Энгельманъ пользовался спискомъ Мурзакевича по 1-му изд., поэтому его исчисленіе строкъ и страницъ списка расходится съ моимъ. Указываемая здѣсь статья соотвѣтствуетъ строкамъ 10—14 стр. XXI по фототипіи Грамоты или ст. 87 по Христ. Буданова.

[5]) Op. cit., стр. 56.

[6]) Стр. XVII, 3—6 по фототипическому списку Грамоты или ст. 63 по Буданову.

[7]) Op. cit., 57.

«Послѣднія слова объясняются вполнѣ статьею XI, 8—10 [1]), по которой при дѣйствительномъ прекращеніи договора вслѣдствіе отказа одной изъ сторонъ, послѣдній урожай долженъ быть раздѣляемъ пополамъ между господиномъ земли и изорникомъ; другими словами, государь тогда получалъ двойной оброкъ, такъ какъ обыкновенная «покрута» изорника состояла въ четвертой части доходовъ» [2]). Такъ было заложено начало новой гипотезы о «половинѣ» и повторено привнесеніе въ толкованіе статьи смысла наказуемости «отрока».

Но наиболѣе сжато и ярко выразилъ такую точку зрѣнія М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Онъ категорически утверждаетъ въ примѣчаніи 136 къ ст. 63 Псковской Судной грамоты, что «государь» бралъ при «отрокѣ» «не половину собственнаго движимаго имущества изорника, а половину урожая за послѣдній годъ съ того поля, которое обработывалъ изорникъ» [3]). И тутъ же отсылаетъ (какъ и Энгельманъ) къ статьѣ о «четверти»: «сл. ст. 42»—говоритъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Въ примѣчаніи же 100 къ ст. 42-ой онъ пишетъ: «если отказъ послѣдовалъ со стороны хозяина не въ срокъ, то договоръ расторгается, только при этомъ хозяинъ лишается своей добавочной четверти дохода, которую онъ получилъ бы за послѣдній годъ, при расторженіи договора, если бы отказъ совершился законно». И опять, «порочная» ссылка, circulus vitiosus—«сл. ст. 63»—добавляетъ авторъ [4]). Слѣдовательно, и здѣсь также неправильное чтеніе самой статьи и привнесенная извнѣ кара за *законный* «отрокъ», ибо, согласно пониманію автора, нормально «изорникъ платитъ хозяину только $^1/_4$ дохода, а не половину» [5]).

М. А. Дьяконовъ говоритъ такъ по этому вопросу: «при отказѣ или выходѣ изорникъ долженъ былъ уплатить половину урожая или двойной оброкъ, такъ какъ обычная аренда равня-

---

[1]) Стр. XIII, 3—6 по фототипіи Грамоты или ст. 63 по Христоматіи.

[2]) Op. cit., стр. 55. «Покрута» понимается здѣсь, какъ арендная плата; ниже будетъ дано объясненіе даннаго термина, которое покажетъ ошибочность пониманія г. Энгельмана.

[3]) Христоматія. В. I, стр. 173.

[4]) Христоматія. В. I, стр. 165.

[5]) Христоматія. В. I, стр. 166.

лась четверти урожая» [1]). Слѣдовательно, аналогичное пониманіе [2]). Таковы мнѣнія изслѣдователей въ защиту «гипотезы» И. Энгельмана.

Данное толкованіе имѣетъ, какъ видно, въ виду оба условія постановленія грамоты: а) «а который изорникъ отречется у государя села» и в) «или государь его отречетъ», но отвѣтъ даетъ, опять-таки, все-же одинъ; а именно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ «государь» беретъ половину «послѣдняго урожая» съ арендуемой изорникомъ земли; къ тому же, эта «половина», понимается, какъ poena, наказаніе за законный «отрокъ», какъ «двойной оброкъ» и т. под. Выводится же этотъ элементъ наказуемости изъ ссылки на другую статью, которая, въ свою очередь, объясняется данной статьей, откуда и получается тотъ заколдованный кругъ изъ котораго такъ никто изъ изслѣдователей и не вышелъ въ своемъ объясненіи «половины»—«четвертью», а «четверти»—«половиной».

Изучая Псковскую Судную Грамоту, Н. Л. Дювернуа говорилъ: «юридическія отношенія, которыхъ касается памятникъ, всѣ основаны на нравственныхъ началахъ свободы и равенства и освящены не только внѣшней санкціей вѣчевой автономіи, но вѣковѣчной стариной и силой церковнаго благословенія. При этихъ условіяхъ образованіе права, сила закона во Псковѣ была совершенно иная, чѣмъ въ Москвѣ. Въ законъ вѣрили, какъ нигдѣ и никогда послѣ не вѣрили въ него; въ него вѣрили всѣ, ибо волею всѣхъ онъ получилъ свою силу; за него стояли всѣ; за него стояли не только тогда, когда это было выгодно, и не только тѣ, кому это было выгодно, за него поднимался весь

---

1) Энциклоп. Словарь, слово «изорникъ», стр. 880; а также: Очерки общ. и государ. строя, стр. 97.

2) Къ этому мнѣнію примыкаетъ и *Н. Дебольскій* (Гражданская дѣеспособность, стр. 127), когда онъ, отказываясь разъяснить смыслъ данной статьи, говоритъ: «доискаться точнаго смысла статьи трудно. Но всѣ данныя говорятъ за правильность гипотезъ г.г. Энгельмана и Владимірскаго-Буданова», хотя этихъ «всѣхъ данныхъ» онъ и не доказываетъ, ограничившись замѣчаніемъ, въ концѣ концовъ, что статья «темна и требуетъ еще своего объясненія». Какимъ же образомъ оказалось, что «всѣ данныя» говорятъ за «правильность гипотезы» г. Энгельмана? Таковъ пріемъ доказательства г. Дебольскаго.

Псковъ противъ сильнаго сосѣда, когда это было даже больше опасно, чѣмъ выгодно» [1]). Въ силу этой вѣры въ право, въ законъ, въ силу стихійной, чистой народной вѣры въ Божью правду, каковымъ именемъ окрестили наши предки и самое право, самый законъ, повелѣвая судить, «взирая въ правду» [2]), или когда самые кодексы именовали «Правдой»—«Русская Правда», «Псковская Правда» и т. п.,—въ силу активнаго участія народа въ дѣлѣ законодательства,—необходимо признать, что юридическая природа землепользованія во Псковѣ, юридическое мѣрило фактическихъ хозяйственныхъ отношеній того времени были болѣе правомѣрны и справедливы, чѣмъ это вытекаетъ изъ вышеприведенныхъ толкованій изслѣдователей. Къ тому же, у насъ есть данныя, что партія крупныхъ богачей-землевладѣльцевъ вовсе не получила своего развитія во Псковѣ и доминирующе не вліяла на постановленія всенароднаго вѣча [3]).

Ужъ если стоять на точкѣ зрѣнія необходимости отвѣтственности, кары за «отрокъ», то, чтобы можно было удовлетворительно, юридически-безпристрастно отвѣтить на всѣ условія, возникающія изъ данной статьи Грамоты, необходимо отвѣтить и на слѣдующій вопросъ. Если изорникъ при своемъ «отрокѣ» наказуется и уплачиваетъ, вмѣсто обычной арендной платы= $^1/_4$ урожая, половину всего урожая, какъ толкуютъ эту статью вышеупомянутые авторы, то необходимо слѣдуетъ предположить и, даже, требовать по праву, чтобы и «государь» за свой «отрокъ» исполовника-арендатора несъ одинаковую отвѣтственность, роепап, т. е. самъ бы долженъ былъ уплатить изорнику количество, равное половинѣ урожая истекшаго года. Въ такой законъ, если бы онъ былъ вообще нуженъ и возможенъ, «въ него вѣрили (бы) всѣ», ибо онъ безпристрастенъ и юридически-справедливъ. Но, къ сожалѣнію, на это не обращается вниманіе изслѣдователей.

Однако, м. б., данное толкованіе правильно въ смыслѣ прог-

---

[1]) Источники права, стр. 308.

[2]) Стр. II строка 1-ая по фототипическому списку Грамоты, ст. 4 по Христоматіи Владимірскаго-Буданова.

[3]) См. *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 140—141.

ноза въ былую хозяйственную фактическую жизнь Пскова? Но, конечно, совершенно отрывать право, законы отъ дѣйствительной жизни не приходится, ибо право, приспособляясь къ уровню развитія общества даннаго времени, только отражаетъ въ себѣ соотвѣтственные типы общественныхъ отношеній, регулируя соціально-необходимое поведеніе людей. И поэтому право всегда должно быть тѣсно связано съ фактической жизнью. И вотъ, если мы взглянемъ на дѣло послѣдовательно и объективно съ правнохозяйственной точки зрѣнія распространяя «карательное» толкованіе г. Энгельмана и др. на оба условія «отрока» статьи, т. е. не только «изорника», но и «государя», то спрашивается: былъ-ли бы тогда хоть какой-нибудь смыслъ дать когда-нибудь «отрокъ» «изорнику» со стороны «государя»? Да, конечно, нѣтъ. Ибо, «отрекая» изорника, «государь», согласно равномѣрному постановленію Грамоты, долженъ бы былъ въ наказаніе уплатить изорнику «половину» урожая, какъ изорникъ при своемъ «отрокѣ» уплачивалъ «государю» «половину», вмѣсто обычной «четверти», согласно данному толкованію.

Поразительнѣе всѣхъ въ данномъ случаѣ разсуждаетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. По его толкованію выходитъ, что при «отрокѣ» со стороны «государя» *не въ срокъ* (значитъ и такой «отрокъ» былъ возможенъ во Псковѣ, не смотря на запрещеніе Грамоты?) договоръ все равно расторгался, но «только при этомъ хозяинъ лишался своей *добавочной* четверти дохода, которую онъ получилъ бы за послѣдній годъ при расторженіи договора, если бы отказъ совершился *законно*» [1]). Какъ видно, здѣсь уже наказаніе распространено и на «государя», но при этомъ авторъ впалъ въ другую крупную юридическую ошибку. Выходитъ, слѣдовательно, такъ: за «отрокъ» въ *законный* срокъ, данный изорнику, «государь» (если на него равномѣрно относить постановленіе Грамоты о «половинѣ», какъ роепа) долженъ былъ лишаться «*половины*» урожая, а при «отрокѣ» *не въ срокъ*—только «*четверти*» урожая, какъ пишетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Конечно, послѣ этого, всѣ бы «государи» стали отказывать исполовниковъ, именно, не въ срокъ, установленный закономъ, а беззаконно. А, между тѣмъ,

[1]) Христоматія. В. I, стр. 165.

строки 8—11 стр. XII или конецъ ст. 42-ой показываетъ, какъ разъ, обратное, т. е. «государи» даже судомъ добиваются доказать, что они отказали исполовникамъ въ законный срокъ. Да, это и понятно. Для чего бы нужно было тогда право, законъ, разъ само же это право, или законы поощряли къ беззаконію, создавая особые мотивы выгоды нарушенія закона!

Къ такимъ печальнымъ выводамъ ведетъ нынѣ господствующее и почитаемое непогрѣшимымъ толкованіе. Вся разница между нимъ и предыдущимъ толкованіемъ заключается только въ опредѣленіи содержанія «половины», а юридическая конструкція ихъ совершенно однородна по неправильности. Къ тому же, свои мнѣнія и опредѣленія оба эти толкованія, на самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не обосновали существенными доказательствами. Какъ было показано выше, И. Энгельманъ обосновалъ свой взглядъ на строкахъ 10—14 стр. XXI по фототипіи или на ст. 87-ой Грамоты и косвеннымъ образомъ на стр. XII, 8—11 или на концѣ ст. 42-ой, которую уже М. Ф. Владимірскій-Будановъ выдвинулъ на первый планъ, отвергая ссылку Энгельмана на ст. 87-ую. Но В. И. Сергѣевичъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что взгляды его идейныхъ противниковъ (первоначальной редакціи его толкованія) не обоснованы правильно и доказательно. Такъ, приведя свое (порвоначальное) мнѣніе, В. И. Сергѣевичъ писалъ: «Дѣлежъ всего имущества пополамъ кажется нашимъ изслѣдователямъ совершенно невѣроятнымъ, и потому они принимаютъ здѣсь дѣлежъ поровну только послѣдняго урожая. Въ доказательство правильности такого толкованія одни (проф. Будановъ) ссылаются на... статью 42-ую, другіе (проф. Энгельманъ) на статью 87-ую, предоставляющую изорнику право искать съ господина своихъ движимостей» [1]). В. И. Сергѣевичъ, вполнѣ понятно, не удовлетворяется подобными доказательствами и тутъ же указываетъ почему. «Конецъ 42-ой статьи, которымъ въ данномъ случаѣ желаютъ воспользоваться, самъ не ясенъ и нуждается въ толкованіи, а поэтому на немъ и основать ничего нельзя. Изъ права же изорника искать съ господина своихъ движимостей, неправильно имъ задержанныхъ, конечно, не слѣдуетъ, что дѣлит-

[1]) Русск. Юрид. Древности, т. I. 1890, стр. 239.

ся только послѣдній урожай, а не все имущество». Къ этому возраженію слѣдуетъ прибавить еще слѣдующее: Во 1-хъ, ссылка на строки 8—11 стр. XII или на конецъ ст. 42-ой страдаетъ логическимъ порокомъ circulus vitiosus, т. к. этой статьей пользуются для доказательства именно даннаго объясненія строкъ 3—6 стр. XVI или ст. 63-ей. Во 2-хъ, ссылка на стр. 10—14 стр. XXI или ст. 87 страдаетъ еще тѣмъ, что утверждаетъ, будто эти строки ст. 87 говорятъ о случаѣ *ухода* изорника («изорникъ имѣетъ право *при уходѣ* взять съ собою все свое движимое имущество», какъ увѣряетъ И. Энгельманъ), а на самомъ дѣлѣ данная статья ни слова не говоритъ объ уходѣ изорника, а лишь указываетъ на право изорника искать съ «государя» свое имущество, «животъ» свой, какъ выражается Грамота, если его почему-либо захватитъ «государь».

Итакъ, догадки г. Энгельмана и его послѣдователей, по нашему мнѣнію, не выдерживаютъ научной критики. Ибо при изслѣдованіи юридическихъ институтовъ должно исходить изъ существа ихъ природы, а не опираться на случайныя догадки, могущія въ счастливомъ случаѣ дать совпаденіе съ правильнымъ отвѣтомъ, вытекающимъ изъ юридической природы института. Имѣя дѣло съ правовымъ кодексомъ нормъ, а не съ историческимъ описаніемъ фактическаго хозяйственнаго быта, не съ перечисленіемъ или статистикой конкретныхъ хозяйственныхъ фактовъ, чему, разумѣется, не можетъ быть мѣста въ законодательномъ памятникѣ, изслѣдователи не обратили должнаго вниманія на *юридическую* природу арендnаго землепользованія въ древнемъ Псковѣ (хотя словесно и признаютъ тамъ институтъ аренды), а вмѣсто этого обратились къ подыскиванію разныхъ оправданій своимъ неувѣреннымъ предположеніямъ и «гипотезамъ». Но если бы они строго-научно вдумались въ юридическое существо постановленій Псковской Судной Грамоты, вытекающихъ изъ правового института аренды «исъ-полу», то имъ бы, конечно, не пришлось ни гадать, ни подыскивать разныхъ сомнительныхъ оправданій для своихъ недоразумѣній, а слѣдовало бы лишь объективно, юридически-принципіально констатировать и разсмотрѣть содержаніе даннаго правила въ связи, вообще, съ институтомъ аренды.

Резюмируя все вышеизложенное въ смыслѣ критики даннаго толкованія, слѣдуетъ подчеркнуть слѣдующее. Въ виду того, что данное толкованіе не исходило изъ научно-юридической точки зрѣнія на правовой институтъ арендnаго землепользованія (locatio conductio rei), а лишь словесно говорило объ институтѣ аренды въ древнемъ Псковѣ, получились двѣ ошибки, чисто юридическаго свойства: 1) неправильное чтеніе и пониманіе редакціи постановленія Псковской Судной Грамоты, 2) субъективное привнесеніе, чуждаго статьѣ по существу ея содержанія, элемента кары, роепае за законный «отрокъ». Кромѣ того, перекрестными, обратными ссылками со ст. 63 на ст. 42 и со ст. 42 на ст. 63 образовался въ толкованіи логическій «порочный кругъ» (circulus vitiosus), который обезсилилъ всѣ доказательства даннаго толкованія. Самое же опредѣленіе содержанія «половины» грѣшитъ своею случайностью, вслѣдствіе отсутствія въ толкованіи надлежащаго юридическаго обоснованія. Такія разительныя погрѣшности и дефекты, которые каждому юристу давно бы должны броситься въ глаза, не только остаются не замѣченными, но подобное толкованіе пріобрѣтаетъ себѣ даже новыхъ сторонниковъ, которые на вѣру принимаютъ эту неразборчивую «гипотезу».

Болѣе цѣнныя утвержденія представили Б. Н. Чичеринъ и И. Д. Бѣляевъ по данному вопросу.

Б. Н. Чичеринъ понимаетъ разсматриваемое постановленіе Грамоты такъ, что при законномъ «отрокѣ» «хозяинъ беретъ половину произведеній, а изорникъ другую половину» [1]). Авторъ не ищетъ никакого подтвержденія своего мнѣнія въ статьѣ о «четверти» (ст. 42), и элементъ наказанія при «отрокѣ» у него отсутствуетъ; онъ правильно говоритъ не о карѣ, роепае, а объ арендной платѣ «исполу». Еще опредѣленнѣе говоритъ о «половничествѣ» во Псковѣ И. Д. Бѣляевъ [2]). «По псковскимъ законамъ къ изорникамъ, огородникамъ и кочетникамъ можно отнести названіе... и половниковъ; ибо... статья прямо указываетъ, что хозяинъ земли, отпуская изорника, или огородника, или кочетника, бралъ у него половину дохода, полу-

[1]) Опыты, стр. 192.
[2]) Крестьяне на Руси, стр. 8, 25; 28—29.

ченнаго съ земли» [1]). Здѣсь нѣсколько не ясно: о двусторонемъ-ли «отрокѣ» говоритъ авторъ, или слѣдуетъ буквально понимать его слова «*хозяинъ, отпуская* изорника» [2])... Другое мѣсто его работы заставляетъ думать, что авторъ понималъ «отрокъ» по нормѣ «исполу», какъ общее правило въ древнемъ Псковѣ. Такъ, онъ писалъ: «Общимъ условіемъ для всѣхъ крестьянъ, живущихъ на чужой землѣ, по Псковскимъ законамъ, было *исполовничество*, т. е. крестьянинъ половину плодовъ получаемыхъ съ обрабатываемой имъ земли, долженъ былъ доставлять землевладѣльцу, господину, а половину брать себѣ, по сему во Псковѣ они еще назывались половниками» [3]). Это пониманіе И. Д. Бѣляева есть самое правильное изъ всѣхъ высказанныхъ толкованій, хотя неточное и, какъ бы, невнимательное изложеніе лишаетъ его той цѣнности, которую оно пріобрѣло бы, если бы было должнымъ образомъ юридически обосновано [4]).

---

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 8.

[2]) Относительно выраженія «отпуская» необходимо сказать, что оно неудачно. Во Псковѣ никакихъ «отпусковъ» не было и быть не могло. Тамъ исполовникъ вовсе не нуждался въ «отпускѣ» «государя»; законъ, въ который «вѣрили всѣ», устанавливалъ опредѣленный срокъ для «отрока», а потому, хотѣлъ-ли «отпустить» своего исполовника «государь» или нѣтъ, это нисколько не вліяло на самое право исполовника на «отрокъ», на юридическую возможность разсчитаться съ арендодателемъ однажды въ году,—«О Ѳилипповѣ заговѣньѣ»,—т. е. по окончаніи всѣхъ уже полевыхъ работъ. «Отпускъ» имѣло мѣсто на много позднѣе въ Москвѣ, гдѣ правовой защиты у крестьянъ въ смыслѣ «хартіи вольностей» псковичей не было, и гдѣ милость господина при развивавшемся тогда крѣпостномъ правѣ, дѣйствительно играла крупную роль въ отношеніи къ правовому положенію крестьянъ (см. мою брошюру: Обычный институтъ старожильства и крѣпостное право. СПБ. 1912).

[3]) Крестьяне на Руси, стр. 28—29.

[4]) *Ѳ. Устряловъ* (Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты, стр. 54 — 55; 133 и 175) говоритъ по поводу данной статьи такъ: «Въ случаѣ отказа съ той или другой стороны, хозяинъ и изорникъ должны были взять каждый половину, означенныхъ въ договорѣ, произведеній». Въ другомъ же мѣстѣ книги онъ говоритъ такъ: «Вѣроятно, изорникъ, кромѣ покруты, даваемой ему хозяиномъ впередъ за работу, имѣлъ *иногда* право, вслѣдствіе договора съ хозяиномъ, на половину произведеній, которыя онъ получалъ отъ нанимаемаго имущества». Какъ видно, изложеніе довольно неясное и, къ тому же, не совсѣмъ однородное въ разныхъ ча-

Такое научно-юридическое обоснованіе и представляетъ задачу настоящаго текста, долженствующаго показать юридическую природу и культурно-историческое значеніе института «половничества». Всѣ же безотчетныя и неувѣренныя разсужденія изслѣдователей объ отвѣтственности, poenae «отрока» должны быть съ корнемъ вырваны изъ нашей науки, вслѣдствіе чего въ предыдущемъ и дано было такое подробное разсмотрѣніе существующихъ толкованій, которое можетъ показаться на первый взглядъ даже излишнимъ. Но научныя мнѣнія живучи и, чтобы навсегда покончить съ извѣстными научными ошибками и заблужденіями, надо подробно и *коренным*ъ образомъ выяснить ихъ, тогда только можно надѣяться на нѣкоторый успѣхъ критики.

Прежде всего, что касается юридической редакціи данной статьи Грамоты, то въ ней даны двѣ гипотезы, два условія, на которыя дано и двѣ санкціи, два отвѣта; но такъ какъ оба условія по существу даннаго постановленія равносильны, тожественны, то и отвѣты также вполнѣ равносильны и тожественны. Ибо, вникая въ смыслъ существа юридическаго института арендnаго землепользованія во Псковѣ, какъ равно и въ смыслъ существа правового акта «отрока», слѣдуетъ сказать, что условія «отрока» съ обѣихъ сторонъ равноправны и равномѣрны, и законная санкція «отрока» во Псковѣ не давала преимуществъ ни «государю», ни «исполовнику», требуя отъ нихъ точнаго, неуклоннаго соблюденія и выполненія правилъ, касающихся ихъ правъ и обязанностей, вытекающихъ непосредственно

стяхъ книги по поводу одного и того вопроса. Колеблющееся мнѣніе имѣетъ и акад. *А. С. Лаппо-Данилевскій* (Разысканія, стр. 17—18). Какъ было уже указано выше, А. С. Лаппо-Данилевскій не прянялъ всецѣло институтъ псковской аренды «исъ-полу», а пытается лишь «приравнять» изорника къ исполовнику. При объясненіи данной статьи онъ также стоитъ на этой неувѣренной точкѣ зрѣнія. «Здѣсь—говоритъ онъ—изорникомъ названъ земледѣлецъ, снимающій участокъ исполу; подобно половникамъ и изорники, вѣроятно, не всегда платили ½ урожая, ср. ст. 42 и 43, гдѣ рѣчь идетъ объ «исполовникѣ» (Разысканія, стр. 17 прим. 1). Очевидно, авторъ хочетъ указать на ту же пресловутую «четвертъ» статьи 42-ой, которая ввела въ заблужденіе гг. Энгельмана и Буданова. Но все же аренду «исполу» выдвигаетъ, повидимому, авторъ.

*

специфически изъ самаго института арендnаго землепользованія по нормѣ «исполу».

Теперь, что касается юридическаго содержанія даннаго постановленія Грамоты, то оно заключается въ регулированіи разсчетовъ «государя» и «исполовника» при актѣ, закономъ установленнаго, «отрока». «Отрокъ», какъ *право* обоихъ контрагентовъ юридической сдѣлки аренды или найма, т. е. хозяина (locator) и нанимателя (conductor), въ извѣстный, закономъ точно установленный, срокъ прервать свои взаимныя отношенія, т. е. отказать или отказаться отъ продолженія найма-аренды, это право можетъ быть осуществлено правомѣрно только въ томъ случаѣ, если при этомъ соблюдены тѣ условія, которыя положены въ основаніе самой сдѣлки найма или аренды и eo ipso установляютъ и юридически квалифицируютъ самый характеръ даннаго института аренды [1]). Существеннѣйшимъ условіемъ, института аренды является *арендная плата* за пользованіе предметомъ аренды [2]). Будетъ-ли эта плата состоять въ деньгахъ, или натуральныхъ продуктахъ, будетъ-ли она состоять изъ однородныхъ вещей, или нѣтъ, это все равно,—она одна только специфически-присуща институту аренды, одна только должна быть необходимо выполнена (вмѣстѣ съ представленіемъ въ пользованіе угодья) для юридическаго признанія прекращенія самой аренды. Она даже можетъ состоять въ работѣ человѣка, но по существу она нисколько не измѣняетъ этимъ своей физіономіи; такъ называемая «барщинная» аренда имѣетъ всѣ тѣ же юридическія условія, что и аренда «оброчная». Правда, она болѣе тяжела, но тутъ уже примѣшиваются и играютъ роль чисто-хозяйственныя условія, вліяющія на положеніе арендатора. «Наниматель обязанъ уплатить хозяину postnumerando наемную плату», говоритъ Баронъ [3]), это первая обязанность арендатора.

Итакъ, уплата за пользованіе угодьемъ арендной платы,—

---

[1]) *Баронъ*, Система римскаго гражданскаго права, кн. IV. 1899, стр. 192 (русск. перев. Л. Петражицкаго). Наемъ земли и воды, какъ угодій, дающихъ плоды—урожай или уловъ—принято называть въ наукѣ *арендой*.

[2]) *Баронъ*, Тамъ-же, стр. 190. Вообще о наймѣ (locatio conductio rei) см. стр. 190—197.

[3]) Ibidem, стр. 194.

вотъ условіе, безспорное выполненіе котораго необходимо для юридическаго признанія прекращенія аренды и ео ipso удовлетворенія и осуществленія «отрока». Но въ то же время это условіе арендной платы предопредѣляетъ и самый характеръ, самую форму юридическаго института арендnаго землепользованія. Статья 63-я (стр. XVII, 3—6 по фототипіи) и имѣетъ въ виду: законный «отрокъ», условіе его правомѣрнаго осуществленія и самый характеръ арендnаго землепользованія въ древнемъ Псковѣ.

«Отрокъ» въ Псковской Судной Грамотѣ опредѣленно и категорически установленъ однажды въ году «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ», т. е. по окончаніи всѣхъ лѣтнихъ и осеннихъ работъ, и при томъ, совершенно равносильный для обѣихъ сторонъ арендной сдѣлки. «А иному отроку не быти»—разъ навсегда узаконяетъ Грамота. Слѣдовательно, разбираемая статья только и можетъ имѣть въ виду, именно, этотъ законный «отрокъ» въ опредѣленный срокъ и съ соблюденіемъ условій юридически необходимыхъ для его осуществленія. Таковыми условіями и является: а) предоставленіе въ пользованіе извѣстнаго угодья и б) слѣдуемая за аренду плата «исполу». Поэтому, когда данное постановленіе Псковскаго всенароднаго вѣча говоритъ объ условіи разсчета «государя» и «изорника» при «отрокѣ», оно тѣмъ самымъ говоритъ объ арендной платѣ за пользованіе извѣстнымъ угодьемъ. Такъ что, въ чемъ бы не выражалась эта уплата за аренду, и въ какомъ бы размѣрѣ она не была, рѣчь идетъ (и можетъ идти), всетаки, только о ней. И поэтому, когда статья Грамоты гласитъ: «и государю взять у него всего половину своего изорника, а изорникъ половину», то она имѣетъ въ виду, конечно, не «половину имущества», *какъ такового*, и не «половину урожая», какъ *наказаніе*, кару, «двойной оброкъ», а, именно, *арендную плату*, какъ таковую, причитающуюся «государю» за пользованіе его угодьями. Какова же эта плата, каковъ ея размѣръ,—это другой вопросъ, который и долженъ опредѣлить самый характеръ арендnаго пользованія. Зная, что на извѣстной стадіи хозяйственнаго развитія, когда денежный эквивалентъ за трудъ и проч., вообще, денежная система, какъ таковая, еще не фигурировала на хозяйственномъ рынкѣ, арендная плата вносилась натуральными продуктами (каковое хозяйство и господствовало въ древнемъ Псковѣ),

необходимо слѣдуетъ признать, что «половина», упомянутая въ данной статьѣ Грамоты, и есть именно *половина продуктовъ*, полученныхъ исполовникомъ отъ приложенія своего труда къ извѣстному угодью. А таковыми продуктами, говоря вообще, и являются: для «изорника»—хлѣбъ, для «огородника»—овощи, для «кочетника»—рыба, т. е. урожай, или уловъ.

Придя такимъ образомъ къ опредѣленію «половины», упомянутой въ данной статьѣ, т. е. выведя её непосредственно изъ существа юридическаго института арендnаго землепользованія во Псковѣ, можно увѣренно и обоснованно сказать, что эта «половина» есть, несомнѣнно, ½ урожая или улова, полученнаго за истекшій арендный годъ. Такъ что, если выше было сказано, что опредѣленіе «половины» И. Энгельманомъ выгодно отличается отъ опредѣленія ея, какъ «половины всего имущества», то только въ томъ смыслѣ, что оно болѣе удачно случайно совпало съ подлиннымъ ея содержаніемъ, но въ смыслѣ юридической конструкціи оно было такъ же не научно, ибо вытекало не изъ существа самого института аренды, а изъ разныхъ случайныхъ соображеній съ безполезными для доказательства ссылками на иныя статьи Грамоты (напр., на ст. 87 или стр. XXI, 10 — 14 и на ст. 42 или стр. XII, 8—11), къ тому же, со свободнымъ привнесеніемъ приписокъ для безнадежнаго оправданія своего мнѣнія (какъ, напр., совершенно произвольно г. Энгельманъ привнесъ слова: «при уходѣ» въ ст. 87-ую, чего статья, на самомъ дѣлѣ, спеціально и не имѣетъ въ виду). Опредѣленная и установленная такимъ образомъ «половина» урожая или улова ясно свидѣтельствуетъ объ особомъ видѣ аренды—«исполовничествѣ», при которомъ арендаторъ снималъ землю или воду «исполу», т. е. съ условіемъ, что урожай или уловъ арендnаго года долженъ дѣлиться между «государемъ» и «исполовникомъ» *пополамъ*. Такова сущность аренды по нормѣ «исполу» [1]).

---

[1]) Такова чистая специфическая форма аренды «исполу». Но, какъ было уже замѣчено выше, не вездѣ и не всегда эта чистая «испольная» форма жила и практиковалась; она часто отклонялась отъ своего принципа и на практикѣ устанавливались расплаты, просто, извѣстными долями: $^2/_3$, $^3/_5$, $^3/_4$ и т. под., что, между прочимъ, было свойственно не только нашей исторіи

Итакъ, вотъ несомнѣнный юридическій смыслъ стр. XVII, 3—6 или ст. 63-ей Псковской Судной Грамоты. Никакого другого она не предполагаетъ, никакой другой ей и не нуженъ. «Государь» и «исполовникъ» при законномъ «отрокѣ» обязаны были:— «государь» не требовать, «исполовникъ» не платить болѣе, чѣмъ устанавливаетъ арендная правовая норма «исполу». Этимъ опредѣлялись права и обязанности обѣихъ сторонъ, этимъ опредѣлялся размѣръ арендной платы за пользованіе угодьемъ, этимъ же опредѣлялась и самая форма юридическаго института—«исполовничество». Ни о какой скрытой отвѣтственности, роепае, за «отрокъ» (молчаливо подразумѣваемой изслѣдователями) здѣсь нѣтъ и не можетъ быть рѣчи, и статья эта является простымъ, естественнымъ систематическимъ продолженіемъ статьи о срокѣ «отрока», установленнаго «о Өилипповѣ заговѣньѣ». Такимъ мнѣ представляется единственный научно-правильный отвѣтъ на вопросы, заданные изслѣдователямъ русскихъ юридическихъ древностей данною статьею Псковской Судной Грамоты.

хозяйственнаго быта, но и другихъ народовъ, напр., въ древнемъ Римѣ, при институтѣ «колоната» съ его особой долевой арендной платой—«colonus partiarius». (*Баронъ*, Система рим. гражд. права, кн. IV, стр. 191. Ср. еще Fustel-de-Coulanges, Le colonat romain). Но, внимая законодательному памятнику Псковскаго вѣча, слѣдуетъ отмѣтить, что если и было какое-либо отклоненіе въ древнемъ Псковѣ отъ принципіальной правовой нормы «исполу», то не какъ широкое массовое явленіе, а какъ отдѣльные, немногочисленные случаи, какъ житейскія исключенія изъ всякаго правила права и закона. «Писцовыя книги» по Пскову могли бы служить хорошей иллюстраціей такого отклоненія, если бы мы имѣли таковыя, напр., отъ XIII, XIV или, даже, XV вѣка. Право же, или памятники права отражаютъ въ себѣ лишь господствующее правосознаніе своего времени, доминирующій типъ того или иного института общественно-правовыхъ отношеній. И чѣмъ ближе по своему духу стоитъ законъ къ народному правосознанію, тѣмъ отчетливѣе и убѣжденнѣе выражаетъ онъ правовые принципы и болѣе неуклонно и справедливо регулируетъ общественную жизнь. А такимъ строго-правовымъ законодательнымъ памятникомъ и является Псковская Судная Грамота, установленная «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ». (Ср. отзывы о Пск. Грам. *Н. Л. Дювернуа*, Источники права, стр. 256, 258, 259—261, 271—272, 279, 307—308, 363—364 и др.).

IV.

Норма «исполу». Продолженіе.

Въ связи съ только что разсмотрѣннымъ постановленіемъ Псковской Грамоты, официально квалифицирующимъ арендную плату по нормѣ «исполу», находится еще иная статья Грамоты, по своему контексту представляющаяся наиболѣе темною и ео ipso трудною для комментированія. Соотвѣтственное постановленіе (стр. XII строки 12—15 по фототипіи Грамоты или ст. 43 по Христоматіи Буданова) гласитъ:

А которои котечникъ[а] заложи[тъ] весну[б], йли йсполовникъ[в], оу г[осу]д[а]ря, йно[г] ему заплатит[и] весна[д] своему г[осу]д[а]рю, какъ оу другои чатѣ[е] доставалося на том[ъ] же [и]садѣ[ж].

Примѣчанія: *а.* Очевидно, по ошибкѣ переписчика написано, «котечникъ», слѣдуетъ читать «кочетникъ», т. е. арендаторъ рыбной ловли, такъ наз., «исада» (см. объ этомъ примѣч. *д* къ статьѣ объ «отрокѣ» во второмъ параграфѣ). *б.* «Заложитъ весну»—т. е. утвердится на весну, наймetъ «исадъ» на весенній уловъ, положитъ основаніе арендѣ, заарендуетъ рыбную ловлю (см. различныя объясненія этого выраженія: И. Энгельманъ, Op. cit., стр. 50. Ѳ. Устряловъ, Op. cit., стр. 53, 130 и 169. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія. В. I, примѣч. къ ст. 43. Мурзакевичъ, Op. cit., Пояснительный словарь, стр. 5. И. И. Срезневскій, Матеріалы, т. I. стр. 247 и стр. 926). *в.* «Или исполовникъ»—т. е. или всякій исполовникъ, какъ исполовникъ, арендаторъ «исполу», «половникъ», платящій арендную плату натурой, продуктами своего хозяйственнаго дохода. О существѣ института «исполовничества» см. предыдущій параграфъ. *г.* «ино»=то. *д.* «Заплатити весна»—т. е. заплатить арендную плату за время арендованія, въ частномъ случаѣ, за весну. *е.* «оу другой чатѣ»—довольно темное выраженіе; слѣдуетъ, думается, читать «въ другой части», если, «чата» не есть какое-то подраздѣленіе «исада» (ср. Митроп. Евгеній, Исторія княжества Псковскаго. К. 1831). *ж.* «исадъ»—мѣсто для рыбной ловли, пристань; ср. современное выраженіе «садокъ»—мѣсто мелкой ловли и продажи рыбы. (Мурзакевичъ, Пояснительн. словарь, стр. 6. Энгельманъ, Op. cit., стр. 49. Устряловъ, Op. cit., стр. 167—69. Владимірскій-Будановъ, Христоматія. В. I, стр. 165 прим. 100. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 1111—1112).

Статья эта вызвала весьма различныя толкованія. И. Энгельманъ, напримѣръ, понимаетъ ее такъ: «Къ четнику и огороднику

относится слѣдующее частное правило, касающееся отношеній ихъ къ хозяину имущества («государю»). Если четникъ или огородникъ заложитъ хозяину доходъ текущаго года, т. е. свою половину (другая половина принадлежитъ хозяину уже по договору), то онъ обязанъ отдать хозяину только этотъ доходъ, чѣмъ прекращаются всякія требованія сего послѣдняго по займу» [1]). Такъ же понимаетъ эту статью и М. Ф. Владимірскій-Будановъ [2]). Нѣсколько иначе толкуетъ эту статью Б. Н. Чичеринъ: «Если кочетникъ или исполовникъ отойдетъ отъ хозяина, заложивши напередъ весенній ловъ свой, то онъ обязанъ заплатить ему столько, сколько выловится рыбы на томъ же исадѣ другими рыболовами» [3]). Еще иначе переводитъ данное постановленіе Грамоты Ѳ. Устряловъ: «Если четникъ или исполовникъ сбѣжитъ съ села, не дождавшись окончанія срока своего найма, то онъ долженъ заплатить за остальное время своему хозяину, работая въ другой чети на томъ же исадѣ» [4]). Наконецъ, И. Д. Бѣляевъ толкуетъ данную статью такъ: «Ежели крестьянинъ пропуститъ узаконенный срокъ и проживетъ до весны, или и на весну останется на землѣ господина въ его селѣ, а потомъ пойдетъ прочь, то обязанъ за весну заплатить господину такое же количество дохода съ оставленной имъ земли, какое получится съ другой такой же части земли, съ которой крестьянинъ не уходилъ» [5]). Какъ видно, парафразы изрѣченія Грамоты не только различны у разныхъ изслѣдователей, но и весьма свободны по отношенію къ подлинному тексту статьи.

Итакъ, первые три автора понимаютъ выраженіе «заложи»=заложить въ закладъ, отдать въ залогъ. Слово «заложити» имѣетъ нѣсколько значеній въ древнемъ русскомъ языкѣ, да и теперь можно насчитать до 6—7 значеній этого слова. Мурзакевичъ, напр., переводитъ это слово, какъ «зажить», «прожить» [6]). Къ тому же, всѣ значенія этого выраженія имѣютъ равное

---

[1]) Op. cit., стр. 50.
[2]) Христоматія, В. I, стр. 166 прим. 103.
[3]) Опыты, стр. 193.
[4]) Op. cit., стр. 130 ср. стр. 53 и 169.
[5]) Крестьяне на Руси, 1891 г., стр. 25.
[6]) Пояснительн. Словарь къ Грамотѣ, стр. 5.

право гражданства въ нашемъ языкѣ. Что касается примѣненія смысла «заложити»=отдать въ закладъ къ данному тексту Грамоты, то оно не представляется убѣдительнымъ. Во 1-хъ, Псковская Судная Грамота ни разу больше не употребляетъ даннаго выраженія, хотя не разъ говоритъ о закладѣ; она знаетъ иное выраженіе для даннаго акта, а именно, «закладъ закладывать» [1]). Во 2-хъ, трудно предположить, чтобы въ то отдаленное время возможно было закладывать какую-то неопредѣленную «исполовничью половину», или, вообще, еще неизвѣстный *будущій* урожай, или уловъ. Въ 3-хъ, самая грамматическая конструкція фразы не отвѣчаетъ такому пониманію: въ статьѣ сказано «а которой кочетникъ заложитъ весну... *у государя*», между тѣмъ, залогъ, закладъ отдается *кому*-нибудь, а не *у кого*-нибудь. Такъ понимаетъ и Грамота [2]).

И другіе историческіе юридическіе акты свидѣтельствуютъ о томъ же. Напримѣръ: «Се заложи Обросимъ и Лаврентій Васильевы дѣти сѣло земли... Федору Макарову»... «Се заложи Уласей (Власъ) Степановичъ святому Николи... и игумну Василію полсела»... «Заложили есмя ту пожню съ Федоромъ Петру Родивонову»... «А въ тѣхъ кунахъ заложилъ мнѣ»... и т. д. и т. п. [3]). Какъ видно, къ тому же, во всѣхъ случаяхъ залога обыкновенно имѣется въ виду залогъ опредѣленной конкретной вещи, большей частью, земли; это опять вселяетъ сомнѣніе относительно правильности толкованія разсматриваемаго выраженія въ Псковской Судной Грамотѣ, ибо тамъ идетъ рѣчь не о конкретной, осязательной вещи, а лишь о времени, о веснѣ, или, въ лучшемъ случаѣ, о будущемъ неопредѣленномъ урожаѣ, или уловѣ. Едвали такой залогъ имѣлъ мѣсто въ древнемъ Псковѣ, и врядъ-ли «государи» шли на такую сдѣлку, да еще безъ всякихъ про-

---

[1]) Напр., «тотъ человѣкъ... *закладъ закладывалъ* кому». Ср. ст. 103, по Христоматіи Владимірскаго-Буданова.

[2]) Ср. предыдущее примѣчаніе:—«закладъ закладывалъ *кому*».

[3]) *А. А. Шахматовъ*, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ, ч. II, стр. 12; 14; 27; 123 и др. Ак. Юр. №№ 232, 233, 234, 236, 241 и др. Ак. Юр. Быта, *Н. Калачева*, т. II. № 126. *Владимирскій-Будановъ*, Христоматія, В. II. стр. 234—236, *Н. Дебольскій*, Op. cit., Приложеніе, Акты Кир.-Бѣлоз. мон. III. № 6.

центовъ! И. Энгельманъ, напримѣръ, прямо увѣряетъ въ этомъ: «четникъ или огородникъ... обязанъ отдать хозяину *только этотъ доходъ*, чѣмъ прекращаются *всякія* требованія сего послѣдняго по займу» [1]). Въ виду всего этого, принять данное толкованіе И. Энгельмана и другихъ изслѣдователей не представляется возможнымъ.

Но, кромѣ того, толкованіе г. Энгельмана страдаетъ еще и другими дефектами. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что «исполовникъ», упомянутый въ данной статьѣ, это «огородникъ». «Здѣсь подъ исполовникомъ разумѣется «огородникъ», говоритъ онъ въ прим. *в* относительно даннаго выраженія на стр. 51. Откуда же «разумѣется» здѣсь «огородникъ»? Авторъ отвѣчаетъ: «исполовникъ» есть тотъ, кто платитъ господину земли половину произведеній отъ нея. Поэтому, здѣсь подъ исполовникомъ разумѣется «огородникъ», «потому что оброкъ изорника равнялся ¼ дохода» (ibid). Здѣсь опять всплываетъ, какъ доказательство «четверть» ст. 42-ой. Нѣсколько выше (стр. 50) онъ также говоритъ, что «огородникъ и четникъ» платятъ хозяину «половину», при чемъ ссылается на данное выраженіе статьи: «исполовникъ», а затѣмъ на конецъ ст. 42-ой или строки 10—11 стр. XII по фототипіи Грамоты, гдѣ говорится о «четверти» изорника и огородной и рыбной «частяхъ». Что касается первой ссылки, т. е. на самое выраженіе «исполовникъ», то она, само собой разумѣется, непріемлема, ибо это-то выраженіе и требуется объяснить, его еще требуется понять, а не ссылаться на него, такъ какъ опредѣлять неизвѣстное черезъ неизвѣстное логически неправильно и по существу невозможно. Что же касается ссылки на «четверть» ст. 42-ой и на выраженіе «огородной части и съ исады рыбной части», то есть, на конецъ ст. 42-ой, то, вѣдь, этотъ конецъ «самъ неясенъ и нуждается въ толкованіи, а потому на немъ и основать ничего нельзя» [2]). Итакъ, принятіе выраженія «исполовникъ»=«огородникъ» является совершенно необоснованнымъ и случайнымъ; обѣ ссылки для подтвержденія догадки крайне неудачны и безна-

---

[1]) Op. cit., стр. 50.

[2]) *В. И. Сергѣевичъ*, Русск. Юрид. Древности, 1890, т. I, стр. 239.

дежны, и самое утвержденіе оказывается въ высшей степени произвольно.

Къ тому же, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что изслѣдователи, разсматривая данную статью, обыкновенно, прямо говорятъ: «четникъ или огородникъ», какъ будто здѣсь рѣчь идетъ и дѣйствительно о кочетникѣ и огородникѣ, какъ таковыхъ, а не о характерѣ аренды, арендnаго пользованія рыбными ловлями, «исадами», по нормѣ «исполу», т. е. объ «исполовничествѣ» и «исполовникахъ» вообще. Недаромъ, П. Соколовскій замѣтилъ, что «половничество» господствовало въ Псковской землѣ «не только въ земледѣліи, но и въ рыболовствѣ» [1]). Если бы здѣсь шла рѣчь о кочетникѣ и огородникѣ, какъ просто о двухъ различныхъ лицахъ, то было бы непремѣнно сказано: «а которой кочетникъ, или исполовникъ заложитъ весну»... и т. д., какого порядка перечисленія придерживается Псковская Судная Грамота во всѣхъ другихъ статьяхъ. Такъ, въ ст. 42-ой говорится: «...отрокъ дати... изорнику, или огороднику, или кочетнику»; или «а иному отроку не быти: ни отъ изорника, ни отъ огородника, ни отъ кочетника»; въ стр. 8—9 стр. XII или во второй половинѣ ст. 42-ой говорится: «а запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ отрока государева»... и т. д.; такъ же въ ст. 44-ой: «а государю на изорники, или на огородники, или на кочетники вольно и въ закличь своей покруты»... и т. д. и т. п. Какъ видно, вездѣ, гдѣ нужно говорить объ огородникѣ, тамъ и имѣется терминъ, именно, «огородникъ», а гдѣ этого не нужно, тамъ, естественно, напрасно будутъ искать таковой современные изслѣдователи. Нигдѣ Псковская Грамота не употребляетъ такого перечисленія: «изорникъ, или *исполовникъ*, или кочетникъ». Да это странно и звучало бы въ устахъ тогдашняго псковича, ибо «изорникъ», «огородникъ», «кочетникъ» это названія сельскихъ арендаторовъ по роду, типу ихъ хозяйства, а «исполовникъ» терминъ для обозначенія характера, типа арендnаго пользованія, а именно, «исполовничества».

Между тѣмъ, вѣроятно, для большей доказательности и убѣ-

[1]) Очеркъ исторіи сельской общины, стр. 33.

дительности утвержденія, что «исполовникъ»—это «огородникъ», М. Ф. Владимирскій-Будановъ, даже, произвольно приписываетъ къ концу статьи слово «огородъ» [1]), каковая приписка еще болѣе компрометируетъ сомнительное толкованіе, не имѣющее, какъ-бы, безъ нея твердой опоры. А И. Энгельманъ, къ тому же, смѣшиваетъ еще «залогъ» съ «займомъ», какъ это видно изъ его толкованія данной статьи [2]) и этимъ усугубляетъ еще болѣе неудовлетворительность своего толкованія. Кромѣ того, въ толкованіи И. Энгельмана выраженіе «весна» понимается какъ то противорѣчиво. Такъ, онъ говоритъ, что «весна» *все* то, что растетъ весною въ томъ же году, *прибыль* съ растеній и съ рыбной ловли» [3]); а въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «если четникъ или огородникъ заложитъ хозяину доходъ текущаго года, т. е. свою *половину* »[4]). Въ одномъ случаѣ «весна» *все* то, что растетъ весною», въ другомъ ужъ только, *половина* этого «всего»; а то даже «весна» это «прибыль» и т. д.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ считаетъ, что «весна» это половина всего урожая [5]). Онъ производитъ «весну» отъ слова «весь»= деревня, село [6]) и приводитъ въ доказательство мнѣніе Ѳ. Буслаева о «веснякѣ» [7]). «Веснякъ житель веси, имѣетъ сродство и со словомъ весна, употребляющимся въ Псковской Грамотѣ въ смыслѣ веси, поля, работы на полѣ» [8]). Однако, въ данномъ текстѣ Псковской Судной Грамоты не говорится вовсе ни о полѣ, ни о деревнѣ, ни о работѣ на полѣ, а говорится именно о времени весны, какъ слово «весна» всегда и употребляется въ древнемъ языкѣ русскомъ [9]). Стоитъ только вспомнить, хотя бы, многократныя повторенія стереотипной фразы лѣтописцевъ: «тоя же весны»... гдѣ «весна» есть именно, просто, время года.

---

[1]) Христоматія, В. I, стр. 166 прим. 102 и 103.

[2]) Op. cit., стр. 50.

[3]) Ibidem, стр. 50 прим. *б*.

[4]) Op. cit., стр. 50.

[5]) Христоматія, В. I, стр. 166 прим. 103.

[6]) *И. Срезневскій*, Матеріалы, т. I, стр. 473.

[7]) Христоматія, В. I, стр. 166 прим. 101.

[8]) Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній, кн. I. отд. IV стр. 14—15.

[9]) *Срезневскій*, Матеріалы, т. I, стр. 247. Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. V; стр. 32, 42 и др.

Мнѣніе Б. Н. Чичерина о данномъ правилѣ Псковской Судной Грамоты въ многомъ сходно съ мнѣніями предыдущихъ комментаторовъ и разнится лишь въ томъ, что онъ находитъ здѣсь постановленіе для разсчетовъ хозяина съ отошедшимъ уже арендаторомъ—должникомъ. Однако, текстъ статьи не даетъ никакихъ основаній къ предположенію ухода исполовника. Но выгодно отличаетъ это мнѣніе отъ предыдущихъ то, что здѣсь уже нѣтъ смѣшенія понятій «исполовника» и «огородника» [1]).

Ѳ. Устряловъ значительно слабѣе разбираетъ данную статью и, къ тому же, придумываетъ крайне искусственное объясненіе. Во 1-хъ, ни о какомъ бѣгствѣ исполовника, о каковомъ говоритъ здѣсь авторъ, въ статьяхъ и рѣчи нѣтъ. Во 2-хъ, самое выраженіе «кочетникъ» Устряловъ понимаетъ различно въ разныхъ мѣстахъ книги. Такъ, въ одномъ мѣстѣ «кочетникъ» понимается не какъ занимающійся рыболовствомъ арендаторъ, а какъ лицо должностное въ крестьянскомъ міру—«четникъ», отъ «четы», «четверти», какъ извѣстной мѣры земли; онъ же нанимался на земледѣльческія работы, а не на рыбныя ловли, рыболовствомъ же занимались «изорники» [2]). Однако, разбирая данную статью, онъ признаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о рыбной ловлѣ, объ «исадахъ», къ которымъ относитъ и занятія «четниковъ» [3]). Очевидно, тутъ какое-то недоразумѣніе у автора. Къ тому же, выраженіе «заложить весну» онъ «безъ сомнѣнія» признаетъ за «древній идіотизмъ, означающій, что наемникъ не достоялъ извѣстнаго срока, условленнаго съ хозяиномъ» [4]). Таково свободное обращеніе съ текстомъ со стороны г. Устрялова.

Что касается мнѣнія И. Д. Бѣляева, то оно также нѣсколько искусственно. Выраженіе Грамоты «заложи» И. Д. Бѣляевъ принимаетъ, какъ и Мурзакевичъ, какъ равное «зажить», «прожить». Между тѣмъ, такое пониманіе ни на чемъ ими не основано; въ другихъ историческихъ памятникахъ слово «заложи» не встрѣчается въ подобномъ смыслѣ. Затѣмъ, слова автора: «ежели кре-

---

[1]) Опыты, стр. 193.

[2]) Op. cit., стр. 130, 166, 167, 168—169.

[3]) Op. cit., стр. 169 прим. 97.

[4]) Op. cit., стр. 169 прим. 99. Ср. противорѣчіе конца прим. 99 съ переводомъ статьи на стр. 130.

стьянинъ пропуститъ узаконенный срокъ и проживетъ *до* весны, а потомъ пойдетъ прочь»... совсѣмъ странны. Во 1-хъ, узаконять такой уходъ Грамота не можетъ, разъ она устанавливаетъ уже точный срокъ для «отрока» и ухода «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ»; а, во 2-хъ, рѣчь въ тексѣ Грамоты идетъ, именно, о самой *веснѣ*, а не о *до-весеннемъ* времени. Далѣе, не смотря на то, что И. Д. Бѣляевъ признаетъ, что «кочетникъ» это рыболовъ [1]), онъ, въ то же время, въ данной статьѣ, какъ бы, игнорируетъ кочетника, какъ рыболова и говоритъ только о землѣ. А между тѣмъ признаніе соотношенія «кочетника» съ «исадомъ» проливаетъ свѣтъ и на самое содержаніе понятія «кочетника». Благодаря, именно, этой статьѣ, и выясняется что «кочетникъ» — это рыболовъ, арендаторъ рыбной ловли, «исада», каковое соотношеніе и закрѣплено въ статьѣ закона; косвеннымъ образомъ оно поддерживается еще и строками 8—11 стр. XII или ст. 42, гдѣ ясно указано, что въ «исадѣ» ловится рыба—«с—ысады рыбной части», и что арендаторами «исадовъ» являются «кочетники» [2]).

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 8, 23, 28.

[2]) Любопытно отмѣтить здѣсь еще указаніе въ «Энциклоп. Словарѣ»—*Брокгауза-Ефрона* на слова: «коча, кочь, кача»—на сѣверѣ старинное, теперь уже вышедшее изъ употребленія, мореходное, палубное, объ одной мачтѣ судно. Нѣкогда суда этого типа отправлялись на промыслы изъ Архангельска къ Новой Землѣ и даже къ Обской губѣ черезъ Кайгачскій проливъ и Карское море, оттуда устьемъ р. Мутной доходили до волока версты въ двѣ шириною, перетаскивали черезъ него коча въ озеро Зеленое и оттуда по р. Зеленой спускались въ Обскую губу» (полут. 31, стр. 462). Промыслы эти, возможно, состояли также и въ рыбной ловлѣ; къ тому же, судно было, очевидно, невелико, разъ его тащили по волоку около двухъ верстъ, ходило оно и по рѣкамъ, такъ что вполнѣ возможно, что на такихъ судахъ ходили и рыболовныя ватаги по рѣкамъ и озерамъ сѣвера Руси. А, по свидѣтельству г. Вешнякова, наши предки «издревле были весьма опытными, искусными и отважными рыболовами, и рыбный промыселъ получилъ у нихъ большое развитіе». (*В. И. Вешняковъ*, Рыболовство и законодательство, СПБ. 1894. стр. 436). Весьма возможно, что такое рыболовное судно было извѣстно и въ Псковской землѣ, ибо рыбная ловля была тамъ чрезвычайно распространена (*Н. Д. Чечулинъ*, Города Московскаго государства, стр. 128—129; 143—144 и др.), а можетъ быть данное названіе «кочь» было перенесено, просто, на всякую рыбачью лодку, или же остатки его видны только въ «кочетѣ»—колышкѣ у лодки для привязи весла, то, что теперь называютъ «уключиной».

Такимъ образомъ, существующія толкованія данной статьи Грамоты (стр. XII, 12—15 или ст. 43) оказываются недостаточно убѣдительными, вѣрнѣе, далеко не правильными. Можно предложить иное толкованіе, исходящее изъ существа института «исполовничества». А именно:—если кочетникъ положитъ начало арендѣ, заарендуетъ рыбную ловлю на весну, то, какъ всякій «исполовникъ», онъ обязанъ уплатить арендодателю за свою аренду по нормѣ «исполу», т. е. сколько достанется, получится рыбы въ половинѣ улова на данномъ «исадѣ».

Что слово «заложи» имѣло (да имѣетъ и теперь) подобный смыслъ, т. е. положить начало, основаніе, устроить, и т. п., то это видно хотя бы изъ такихъ рѣченій древне-русскихъ памятниковъ: «Володимеръ заложи градъ Бѣлъ-городъ» (Пов. времен. лѣтъ 6499 г.). «Заложи Ярославъ городъ великый» (Тамъ же, подъ 6545 г.). «Посадники Псковскіе заложили городъ Новый Выборъ» (1-я Пск. Лѣт. 6939 г.) и мн. др. Далѣе, — какъ было уже указано, слово «заложить» = отдать въ залогъ, въ закладъ, обычно требуетъ дательнаго падежа [1]), а въ текстѣ статьи имѣется родительный: «оу государя», что съ предложеннымъ новымъ пониманіемъ вполнѣ согласуется. Заложить, положить начало арендѣ «у государя» — это вполнѣ естественно и грамматически правильно. Къ тому же, тутъ нѣтъ рѣчи и о закладѣ неопредѣленнаго по размѣру, еще только будущаго урожая. Такимъ образомъ, получается уже нѣкоторый плюсъ для предполагаемаго толкованія въ противуположность нѣкоторому минусу толкованія съ пониманіемъ слова «заложи»= отдать въ закладъ, въ залогъ. Слово «весна» употреблено здѣсь, просто, въ смыслѣ извѣстнаго времени. «Заложить весну»—значитъ начать аренду, заарендовать «исадъ» на весну. Почему говорится о веснѣ, это тоже понятно. Вѣдь, извѣстно, что срокъ «отрока» и ео ipso перехода исполовниковъ пріурочивался во Псковѣ къ половинѣ ноября («о Ѳилипповѣ заговѣньѣ»), т. е. тогда именно, когда оканчивались уже всѣ полевыя работы и проч., а также оканчивались и всякія рыбныя ловли, ибо къ этому вре-

---

[1]) См. Ак. Юр. Быта *Н. Калачева*, т. II. № 126: VII, VIII, XI, XIII, XIV, XVI. XVII, XVIII.

мени, вѣроятно, воды уже покрывались льдомъ. Весна для рыболова, весенній ловъ для рыбнаго промысла представляетъ собою надежду и опору всякаго рыболова; весенній уловъ — это главнѣйшій и прибыльнѣйшій уловъ для рыбнаго промысла вообще. Стоитъ только вспомнить всѣ заботливыя предъ-весеннія приготовленія къ рыбной ловлѣ и самыя рыбныя охоты на сѣверѣ Руси того времени, когда, зорко и неустанно слѣдящія за вскрытіемъ водъ ото льда, цѣлыя спеціальныя рыболовныя компаніи, ватаги, жадно набрасывались на весенній ловъ, боясь пропустить этотъ желанный мигъ для рыболовства [1]). Весна для рыболова— то же самое, что лѣто для земледѣльца; это не секретъ, и Псковская Судная Грамота знаетъ объ этомъ. Къ тому же, наибольшее количество договорныхъ сдѣлокъ, «порядовъ», на снятіе въ аренду «исадовъ» происходило именно на весну, что правильно и запечатлѣла Псковская Грамота, долженствующая регулировать хозяйственныя отношенія своего времени и мѣста. Такъ какъ «отрокъ» совершался «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ», то всякій псковскій исполовникъ, слѣдовательно и кочетникъ, отрекшійся отъ одного «государя», могъ перейти къ другому, т. е. снять «исадъ» въ арендное пользованіе только ужъ на весну, т. к. по зимѣ идетъ весна, а половина ноября—время «отрока»—есть уже начало зимы. Слѣдовательно и въ данномъ случаѣ постановленіе Грамоты вполнѣ согласуется съ практикой жизни и съ фактомъ природы, а предлагаемое толкованіе даннаго мѣста текста, именно, и констатируетъ эту фактическую и юридическую зависимость «кочетника» отъ «весны».

Что касается, далѣе, выраженія «исполовникъ», которое употреблено въ данной статьѣ, то оно характерно свидѣтельствуетъ о той формѣ арендnаго пользованія, какая существовала въ древнемъ Псковѣ; находясь въ законодательномъ памятникѣ, оно, какъ-бы, фиксируетъ институтъ «исполовничества», юридически квалифицируетъ его. Мало того, что фактически въ хозяйственномъ быту всѣ были знакомы съ этой формой аренды; для того, чтобы юридически урегулировать отношенія «исполовничества», чтобы изъ распространеннаго хо-

[1]) См. *Вешняковъ*, Рыболовство и законодательство, стр. 438 и сл.

зяйственнаго факта, могущаго непрерывно колебаться и измѣняться въ пользу сильной стороны, чтобы изъ этого привычно-практикуемаго народно-хозяйственнаго факта создать юридическій институтъ,—необходимо, для всего этого, юридически квалифицировать данный фактъ, данныя отношенія, чтобы безпристрастно и вѣрно отразить, какъ въ фокусѣ, въ юридическомъ памятникѣ правовыя воззрѣнія, лежащія въ основѣ правоотношеній института «половничества». Мало того, что фактъ общеизвѣстенъ, необходимо, чтобы онъ былъ и юридически-безпристрастенъ, соціально-справедливъ и нормативенъ, а таковую санкцію и силу только и можетъ дать, именно, право, закрѣпляющее поведеніе обязательно-притязательными нормами [1]).

Вотъ почему въ данномъ постановленіи Псковской Судной Грамоты говорится объ «исполовникѣ», который совсѣмъ, конечно, не означаетъ «огородника», а именно исполовника, т. е. здѣсь указывается на самый характеръ арендnаго пользованія «исадами» въ Псковской землѣ. Вотъ для чего и прибавлено въ постановленіи: «или исполовникъ». А что здѣсь имѣетъ мѣсто, именно, прибавленіе, а не простое перечисленіе арендаторовъ, это видно изъ самой редакціи самаго контекста статьи, что и было выяснено выше на примѣрахъ перечисленія арендаторовъ во всѣхъ другихъ статьяхъ Грамоты. Слѣдовательно, «кочетникъ», снявшій въ аренду «исадъ», есть такой же «исполовникъ» по характеру и условіямъ арендованія, какъ и другіе сельскіе наниматели угодій «государей».

Съ научно-юридической точки зрѣнія слѣдуетъ предположить, что правоотношенія «исполовничества», въ его чистой формѣ—по нормѣ «исполу», были, вѣроятно, весьма сильны и крѣпки во Псковѣ, разъ они запечатлѣны и закрѣплены въ законодательномъ актѣ «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ» (къ тому же, еще въ двухъ статьяхъ: ст. 63, гдѣ говорится объ арендѣ земли, «села» и ст. 43, гдѣ говорится объ арендѣ воды, «исада»). А извѣстно, что разъ какой-нибудь фактъ общественной жизни получилъ юриди-

---

[1]) См. о понятіи права, какъ обязательно-притязательныхъ, императивно-аттрибутивныхъ, явленіяхъ, *Л. І. Петражицкій*, Теорія права и государства, т. I. 1907, стр. 45 и сл.

ческую квалификацію, подчинился позитивнымъ правовымъ нормамъ, онъ держится крѣпче и дольше живетъ не измѣняясь, ибо фиксированъ позитивными, трудно поддающимися измѣненію, нормами. А если отнести соотвѣтственныя правила Грамоты къ «приписькамъ псковскихъ пошлинъ», т. к. «ся Грамота выписана изъ Великого князя Александровы грамоты і изъ княжъ Костянтиновы грамоты і изо *всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ*», какъ гласитъ заголовокъ Псковской Судной Грамоты, то существованіе такой юридической квалификаціи и фиксаціи будетъ исчисляться, можетъ быть, сотнею лѣтъ. А это должно было вести неизбѣжно къ тому, что во Псковѣ наростало крѣпкое правосознаніе, освященное стариною и поведеніемъ предковъ, въ томъ, что «исполовникъ» по праву платитъ своему «государю» половину своего дохода натуральными продуктами, чѣмъ именно и ограничивалась его расплата за арендное пользованіе угодьемъ «государя», каковое народное правосознаніе и отразила въ ст. 63-ей и 43-ей (данной) Псковская Судная Грамота. Возможное усмотрѣніе «государя» отходитъ тутъ на задній планъ и замѣняется неуклоннымъ правовымъ регулированіемъ его отношеній къ «исполовнику», какъ арендодателя къ арендатору. Это юридическое правило незамѣтно, но твердо внѣдряло, упрочивало въ правосознаніи трудящагося населенія должную идею объ институтѣ половнической аренды и о своихъ правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ арендодателямъ - «государямъ», каковые также не должны были быть чужды соотвѣтственнаго правосознанія. Не проявилось-ли это сознаніе своихъ правъ и обязанностей у исполовниковъ («смердовъ») въ извѣстной аграрной революціи во Псковѣ въ 1485 – 86 г.г.? Ибо, если отбросить всю эту выдумку съ «нѣкіимъ попомъ», пущенную въ оборотъ хитрою фантазіею злоумышлявшихъ «государей» въ своихъ собственныхъ интересахъ, то получится весьма наглядная картина правовой борьбы псковскихъ «смердовъ», освященной и укрѣпленной твердымъ активнымъ правосознаніемъ, съ сильными «государями», которые, однако, такъ и не могли ничего подѣлать съ возставшими за свое право «смердами»!

Что касается выраженія «какъ оу другой чатѣ доставалося на томъ же исадѣ», то, съ измѣненіемъ темнаго и нигдѣ болѣе не

*

встрѣчающагося слова «чатѣ» на слово «частѣ» или части, можно сказать, что оно дополняетъ слово, «исполовникъ» въ данной статьѣ, опредѣляя точно содержаніе нормы «исполу» по отношенію къ рыболовству. «Какъ въ другой части доставалося на томъ же исадѣ»—означаетъ: сколько въ половинѣ достанется, получится рыбы отъ улова на данномъ «исадѣ». Т. е., что эту половину «кочетникъ» и долженъ уплатить «государю» за аренду, по «заложенному» договору, какъ арендаторы земли—«изорникъ» и «огородникъ»—расплачивались «половиною» съ «государемъ», согласно ст. 63-ей. Что «половина» и «другая часть» означали тожество, были какъ бы синонимами въ древне-русскомъ языкѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные историческіе документы. Такъ, напр., въ договорной грамотѣ Новгорода съ кн. Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ говорится: «А держати ти свои тивунъ на половинѣ, а новгородецъ на половинѣ во всей волости Волочкой, а на Торъжку ти, княже, держати свой тивунъ на своей части, а новгородецъ на своей части» [1]). Въ еще болѣе ранней грамотѣ Новгорода съ вел. княземъ Ярославомъ Ярославичемъ отъ 1264—65 гг. говорится такъ же: «а что ти, княже, пошло на Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой держати—на своей части держати, а новгородецъ на своей части держати» [2]). Слово «половина» и «часть» здѣсь вполнѣ равнозначны; тѣмъ болѣе, думается, тожественны выраженія «половина» и «другая часть», каковыя и нынѣ еще употребляются равнозначуще. Въ данной статьѣ, слѣдовательно, точно фиксируется арендная норма «исполу» для рыболовства, а косвеннымъ образомъ и вообще. Ибо для права, закона, мало того, что въ хозяйственной практикѣ есть фактическое опредѣленіе отношеній «исполовническаго» типа, для него необходима строгая точность въ опредѣленіи, которая не подаетъ спора въ своемъ смыслѣ и размѣрѣ, а вслѣдъ затѣмъ и вражды, ибо правовая психика—психика бурная и опасная, порождающая изъ-за малѣйшихъ неточностей острые кон-

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ, т. I. № 10.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I. № 1. Ср. еще тамъ же №№ 2, 3, 6, 7, 8, 9, 15, 20 и др. Ср. *А. А. Шахматовъ*, Изслѣдованіе о яз. Новгородскихъ Грамотъ, стр. 237 и слѣд. («Изслѣдованія по русск. языку» т. I. 1885—1895. СПБ. Изд. Акад. Наукъ).

фликты среди людей. И чѣмъ правовая психика, правосознаніе населенія малокультурнѣе, самое право грубѣе и древнѣе, тѣмъ требуется большая точность въ опредѣленіи, строжайшая фиксація всевозможныхъ размѣровъ, дабы не подавать поводовъ къ спорамъ и конфликтамъ. Вѣчевой Псковъ, разумѣется, не былъ изъятъ изъ общей тенденціи существенныхъ функцій права, тѣмъ болѣе, что самъ народъ принималъ въ созданіи законовъ активное участіе. Пора оставить узкую частно-хозяйственную точку зрѣнія на право, какъ на «защиту интересовъ», и перейти къ объективной народно-хозяйственной точкѣ зрѣнія на право, какъ на важный факторъ и продуктъ соціально-психической жизни.

Любопытно отмѣтить еще одну маленькую деталь. Въ данной статьѣ Грамоты сказано: «а которой кочетникъ заложитъ весну, или псполовникъ, *оу государя*, ино ему заплатити весна *своему* государю»... Для чего бы, казалось, нужно было вставить здѣсь это притяжательное мѣстоименіе «своему»? А между тѣмъ, думается, что оно вполнѣ умѣстно и выразительно. Недаромъ, тонкій знатокъ источниковъ русскаго права далъ такую характеристику языка Псковской Судной Грамоты: «языкъ Псковской грамоты прекрасенъ и выразителенъ, насколько можно въ это время» [1]). Если данное постановленіе Грамоты (ст. 43) имѣетъ въ виду регламентировать актъ арендной сдѣлки по нормѣ «исполу» между двумя свободными сторонами—«государемъ» и «исполовникомъ», чужими другъ другу, то вполнѣ умѣстно и понятно данное выраженіе статьи. Сначала, при заключеніи сдѣлки «государь» еще *чужой* по отношенію къ «исполовнику», *своимъ* «кочетникъ» назвать его еще не можетъ, между тѣмъ, какъ по окончаніи срока аренды, «государь» для даннаго «кочетника» уже *свой*, онъ можетъ называть «государя» *своимъ*, т. к. находился съ нимъ уже въ извѣстной юридической и хозяйственной связи, а потому и умѣстно выраженіе статьи: «заплатити весна *своему* государю». Такого же оборота языка держится Грамота въ аналогичныхъ случаяхъ и въ другихъ статьяхъ. Такъ, ст. 42-ая гласитъ: «а которой государь захочеть отрокъ дати *своему* изорнику» и т. д. или ст. 63-я постановляетъ, что по «отроку»

[1]) *Н. Л. Дювернуа*, Источники права, стр. 249.

«государю» взять «половину *своего* изорника» и т. д. Какъ въ первомъ случаѣ (ст. 43), арендаторъ, «исполовникъ», можетъ считать арендодателя, «государя», *своимъ*, ибо они пробыли уже извѣстное время въ правно-хозяйственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ и въ послѣднихъ случаяхъ (ст. 42 и ст. 63) арендодатель можетъ почитать арендаторовъ *своими*.

Итакъ, и данная статья вводитъ насъ въ существо юридическаго института арендnаго землепользованія въ древнемъ Псковѣ—«исполовничества» и офиціально квалифицируетъ чистую половническую аренду по нормѣ «исполу» [1]).

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что возможно еще одно толкованіе даннаго текста Грамоты. Понимать данную статью можно еще такъ: если кочетникъ заложитъ, т. е. заброситъ, запуститъ (лучшее время для улова) весну, имѣя «исадъ» въ арендномъ пользованіи «исполу», то всеравно онъ долженъ запла-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что и въ другихъ юридическихъ актахъ XV, XVI и даже XVII вѣковъ встрѣчаются указанія на чистую форму аренды «исполу». Такъ, въ одномъ изъ актовъ XV вѣка говорится о куплѣ деревни «съ хлѣбомъ и съ сѣмяны, опрочь *половничьи половины*». (Ак. Юр. № 3). Въ духовной Плещеева 1558—59 г. говорится о хлѣбѣ, «который сѣянъ у крестьянъ исполу» (Акты, изд. *Н. Лихачевымъ*, стр. 34, ср. еще Русс. Ист. Биб., т. XII. 198, 200, 201, 202, 204, 261—266 и др., а также Ак. Ист., т. V, № 191). Но не вездѣ господствовала чистая форма «исполовничества». Такъ, *А. Я. Ефименко* говоритъ о «половинѣ и *трети* продукта», платимой за аренду «половниками» на сѣверѣ и даже устанавливаетъ, на ряду съ «половникомъ», другой терминъ—«*третникъ*» (Изслѣдованія народной жизни, стр. 280, 281, 285 и др.). *А. С. Лаппо-Данилевскій* также указываетъ на измѣненіе въ практикѣ жизни чистой аренды «исполу». «Половникъ выплачивалъ землевладѣльцу арендную плату натуральными продуктами въ видѣ половины (иногда $^2/_3$) умолота»... (Организація прямого обложенія, стр. 104—105. см. также «Разысканія»... стр. 17 прим. 1). Еще *Б. Н. Чичеринъ* въ «Обзорѣ исторіи развитія сельской общины» изъ разсмотрѣнія одной «половничьей порядной» (Ак. Юр. № 176) вывелъ заключеніе, что «половниками назывались не только тѣ, которые платили землевладѣльцу половину своихъ произведеній, а вообще всѣ крестьяне, платящіе оброкъ натурою». (Опыты, стр. 15). См. еще *М. А. Дьяконовъ*, Очерки ист. сельск. нас., стр. 160, пр. 1: «книги письма и дозору—109 г. Вятскаго Успенскаге монастыря», гдѣ имѣются записи на половниковъ: «а съ деревень и съ починковъ отъ половниковъ хлѣба идетъ *треть*».

тить своему государю столько же, сколько платятъ другіе кочетники-исполовники на томъ же «исадѣ».

Слово «заложи», дѣйствительно, употребляется въ древнерусскихъ актахъ въ смыслѣ забросить, занустить. Такъ, напр., въ одной Новгородской грамотѣ XV вѣка говорится: «а хто буде игуменомъ, или попомъ, и вы творите память по Дмитреи, по Марьи... и по ихъ племени. А сихъ памятей *не заложите*, а хто *заложитъ*, игуменъ, или попъ, дастъ отвѣтъ предъ Богомъ» [1]). Выраженіе «не заложите», очевидно, употреблено здѣсь въ смыслѣ—не забросьте, не забудьте. Кромѣ того, далѣе, въ одной купчей 1453 г. «залогъ» упомянутъ въ связи со словомъ «езъ», что означало то же самое, что и «исадъ» Псковской Судной Грамоты [2]). Въ ней сказано: «у Мяксовскаго ѣзу *залогъ* на сеи сторонѣ Шексны» [3]). Что значитъ данное выраженіе «залогъ»? Означаетъ ли оно «паровое поле», какъ думаетъ И. И. Срезневскій [4]), или же—заброшенный, запущенный «езъ», т. е. *запущенное мѣсто рыбной ловли?* Если остановиться на послѣднемъ предположеніи, то оно можетъ быть поддержано нѣкоторыми и другими данными. Въ 1-хъ, слово «заложить», несомнѣнно, родственно по смыслу со словомъ «запереложить», которое въ древнихъ актахъ означало запустить, забросить. Стоитъ, напримѣръ, сравнить для того, хотя бы, стереотипную фразу многихъ древнеюридическихъ актовъ: «а ту землю не *запереложите*». Во 2-хъ, если данное выраженіе «залогъ» означало «паровое поле», т. е. землю, то почему въ другихъ актахъ, когда рѣчь идетъ о землѣ при рѣкѣ, всегда упоминается о берегѣ? Такъ, напр., въ выписѣ изъ Бѣлозерской писцовой книги 1585 г. говорится: «а у того езу съ одну сторону рѣки Шексны *берегъ* Ивановскаго помѣстьи... а съ другую сторону рѣки Шексны *берегъ* покосы Олешинскаго помѣстья». Можно было бы прямо сказать... «а съ другую сто-

---

[1]) *А. А. Шахматовъ*, Изслѣдованіе о Двинскихъ Грамотахъ, ч. II, стр. 73. № 54. Ак. Юр. № 110. IV. *И. И. Срезневскій*, Матеріалы, т. I, стр. 926. Ср. еще выраженіе: «памяти залягутъ»—*А. А. Шахматовъ*, Op. cit., ч. II, стр. 134 № 106.

[2]) *И. И. Срезневскій*, Матеріалы, т. I, стр. 821, слово «езъ».

[3]) Ак. Юр. Быта, т. II, № 147, I.

[4]) *Срезневскій*, Матеріалы, т. I, стр. 926.

рону рѣки Шексны покосы» и т. д. Выраженіе: «залогъ на сеи сторонѣ Шексны», думается, показываетъ именно, что «залогъ» на самой рѣкѣ, на водѣ, а не на «берегѣ» рѣки, каковое слово имѣется въ актахъ, когда рѣчь идетъ о землѣ. А разъ это такъ, то выраженіе «у Мяксовскаго езу залогъ» и означаетъ, именно, что самый «езъ» заложенъ, запущенъ, заброшенъ, забытъ. Данное указаніе «купчей» также, слѣдовательно, помогаетъ принятію выраженія «заложи» въ разбираемой статьѣ Псковской Грамоты въ смыслѣ запуститъ, забросить.

Далѣе, если понимать, вмѣстѣ съ митр. Евгеніемъ [1]), выраженіе «оу другой чатѣ» въ томъ смыслѣ, что «чата» или «чать»—это не, просто, часть, а терминъ для извѣстнаго дѣленія «исада», то и при такомъ пониманіи остается вѣрнымъ, что въ этомъ постановленіи Грамоты (ст. 43) рѣчь идетъ объ арендной платѣ «исполу», чего такъ упорно не хотѣли признавать прежніе изслѣдователи. И при этомъ пониманіи «исполовникъ»—это отнюдь не «огородникъ», а всякій арендаторъ «исполу», и упоминаніе о немъ въ данной статьѣ необходимо для того, чтобы опредѣлить, сколько долженъ уплатить, «кочетникъ» за аренду запущеннаго «исада»; т. е. столько, сколько «оу другой чатѣ» уплатятъ за использованную аренду другіе кочетники-исполовники «на томъ же исадѣ».

V.

Судебное разбирательство споровъ и недоразумѣній при «отрокахъ».

Въ настоящее время въ судебныхъ процессахъ и дѣлахъ всѣхъ государствъ фигурируютъ такіе иски и претензіи, которые, не смотря на вполнѣ точный и убѣдительный смыслъ извѣстной юридической статьи закона, попали въ судъ, въ судебное разбирательство изъ за неизбѣжныхъ житейскихъ исключеній изъ всякаго закона, всякаго юридическаго правила. И теперь разсма-

---

[1]) Исторія Княжества Псковскаго, т. I, стр. 27—28 и сл.

тривается въ судахъ масса исковъ, явно неправильныхъ, иногда злостныхъ, иногда вчиненныхъ по недоразумѣнію, но въ томъ и другомъ случаѣ неправильныхъ. То же самое, несомнѣнно, встрѣчалось и въ древнемъ Псковѣ.

Такіе неправильные иски—злостные, или по недоразумѣнію—возникаютъ обыкновенно чаще всего, естественно, при взаимныхъ размѣниваніяхъ тѣми правами и обязанностями, которыми связались обѣ стороны при заключеніи какой-либо юридической сдѣлки. Ибо общественныя отношенія, въ частности хозяйственныя, основаны на извѣстныхъ правахъ и обязанностяхъ, безъ соблюденія и наличности каковыхъ немыслимъ и самый общественный строй, а eo ipso и строй государства. Не было исключенія въ этомъ смыслѣ и для древняго Пскова, въ частности для его хозяйственнаго строя и правно-хозяйственныхъ общественныхъ отношеній. При «отрокѣ», какъ юридически-рѣшающемъ моментѣ размѣниванія правъ и обязанностей между «государемъ» и «исполовникомъ», конечно, и во Псковѣ возникали многочисленныя недоразумѣнія, отсюда, судебные иски и процессы. И вотъ, Псковская Судная Грамота, будучи вѣрнымъ, хотя и не полнымъ, отраженіемъ правовой жизни своего времени, отражаетъ и запечатлѣваетъ въ себѣ и этотъ моментъ спора между «государями» и «исполовинками», вѣрнѣе, споровъ, возникавшихъ на почвѣ осуществленія «отроковъ», установленныхъ Грамотою.

Соотвѣтственное постановленіе Псковской Судной Грамоты (стр. XII строки 8—11 по фототипіи Грамоты или вторая половина ст. 42-й по Христоматіи Владимірскаго-Буданова) гласитъ:

А запрется[а] йзорник[ъ], йли огородникъ, йли котечникъ[б] отрока г[осу]д[а]р[е]ва[в], йно ему правда[г] дать[д]; а[е] г[осу]д[а]рь не доискался[ж] четверти[з], йли огороднои части[и], йли с—ысады рыбно[й] части[і].

Примѣчанія: *а.* «Запрется—т. е. станетъ запираться, отказываться, не признавать чего-нибудь и т. под. (ср. И. И. Срезневскій, Матеріалы, т. I. стр. 940, 939 и 934. Мурзакевичъ, Пск. Судн. Грамота, Словарь, стр. 5). *б.* Очевидно, здѣсь опять описка переписчика, надо читать «кочетникъ». *в.* «Запрется отрока государева»—т. е. будетъ отказываться, не признавать «отрока», утверждать, что «государь» не объявлялъ «отрока», никакого «отрока» не было. *г.* «Правда»—

т. е. присяга, крестное цѣлованіе; «правда»—означаетъ еще: право, законъ, судебное доказательство (см. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 9. а также И. Энгельманъ, Op. cit., стр. 18 примѣч. ж). *д.* «правда дать»—дать присягу, присягнуть, поцѣловать крестъ на томъ, что говоритъ истинную правду. *е.* «а»—т. е., если окажется, что, исполовникъ далъ присягу, поцѣловалъ крестъ, ео ipso доказалъ свою правоту, что «отрока» не было, м. б., даже черезъ свидѣтелей. *ж.*, «Не доискался» — не доискался, проигралъ искъ, потерялъ право etc. «А государь не доискался»—т. е., если окажется на судѣ, что «исполовникъ» правъ, то «государь» проигралъ искъ, терялъ право на полученіе чего-либо, не доискался для себя чего-либо. (И. Срезневскій, Матеріалы, т. I. стр. 691: доискатися; стр. 1114—1115: искати. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 7). *з.* Здѣсь-то и идетъ рѣчь о знаменитой «четверти», которая служитъ, то камнемъ преткновенія, то, благодаря своей неясности, опорой для разныхъ изслѣдователей. Возможно, что тутъ имѣется недописка слова «хлѣба»—«четверти хлѣба», т. е. «государь не доискался четверти хлѣба» съ изорника, а, м. б., «четвертью» только и мѣрили одинъ хлѣбъ, т. е. продукты получаемые изорникомъ, тогда и указанной приписки не требуется; а, м. б., здѣсь рѣчь идетъ о четверти (¼) арендной платы изорника «исполу», т, е. $^1/_8$ всего урожая. *и.* «Огородной части»—т. е. равнаго «четверти» количества овощей, слѣдовательно, такой же «огородной части». *і.* «С—ысады рыбной части»—т. е. такого же, равнаго количества и рыбы, такой же и рыбной части. Смыслъ статьи, слѣдовательно, таковъ: если исполовникъ на судѣ докажетъ свою правоту, ео ipso неправомѣрность вчиненія иска «государя», то послѣдній, проигрывая искъ, наказывался за свою неправомѣрность тѣмъ, что терялъ въ пользу изорника, огородника, или кочетника соотвѣтственно — четверть хлѣба, такое же количество овощей, или равное количество рыбы. Т. е. «государь», какъ бы, возмѣщалъ убытки и издержки неправильно привлеченнаго къ суду «исполовника». Если же тутъ имѣется въ виду часть арендной платы, какъ таковой, то, «государь не доискался» съ изорника, огородника, или кочетника «четверти» (¼), т. е. не дополучалъ ¼ продуктовъ, составляющихъ арендную плату «исполу», или $^1/_8$ урожая или улова. Надо думать, что это правило дѣйствовало во Псковѣ и обратно, т. е., что соотвѣтственно такому же взысканію подвергались и «исполовники» въ случаѣ неправомѣрности ихъ исковъ и соотвѣтственнаго поведенія.

Данное мѣсто Псковской Судной Грамоты служитъ настоящимъ камнемъ преткновенія для изслѣдователей. Его, какъ указано было выше, даже нѣкоторые не признаютъ за отдѣльное самостоятельное постановленіе, а сливаютъ вмѣстѣ съ правиломъ объ установленіи «отрока». Такъ поступаютъ, напримѣръ, И. Энгель-

манъ и Ѳ. Устряловъ въ своихъ изслѣдованіяхъ Псковской Судной Грамоты [1]).

И. Энгельманъ толкуетъ эти, слитыя воедино, разнородныя правила такъ. «Договоръ между содержателемъ и господиномъ земли прекращается въ слѣдствіе своевременнаго отказа со стороны одного изъ нихъ около Филиппова поста (Филиппово заговѣнье—14 ноября). Споръ о дѣйствительномъ объявленіи въ срокъ отказа рѣшается присягою содержателя, послѣ чего онъ остается въ прежнемъ положеніи, и договоръ считается возобновленнымъ, какъ будто бы отказа вовсе не было объявлено» [2]). Далѣе, требуется объяснить самый конецъ ст. 42-ой, или строкъ 10 — 11 стр. XII Грамоты. Въ примѣчаніи къ данному мѣсту текста статьи онъ говоритъ: «чего «государь недоискался», объ этомъ сейчасъ скажемъ» [3]). Тутъ то и начинается, указанный уже выше, логическій circulus vitiosus, со скрытымъ отъ автора другимъ дефектомъ—petitio principii. «Послѣднія слова (т. е. о «четверти») объясняются вполнѣ статьею XI, 8—10 (XVII, 3—6 по фототипіи грамоты или ст. 63), по которой при дѣйствительномъ прекращеніи договора, въ слѣдствіе отказа одной изъ сторонъ, послѣдній урожай долженъ быть раздѣляемъ пополамъ между господиномъ земли и изорникомъ; другими словами, государь тогда получалъ двойной оброкъ, такъ какъ обыкновенная «покрута» изорника состояла въ четвертой части доходовъ» [4]). Однако, дѣйствительно ли этимъ «объясняется вполнѣ» то, что авторъ хотѣлъ объяснить, т. е. «чего государь не доискался»? Безпристра-

---

[1]) Мотивовъ такого чтенія они не приводятъ никакихъ и невольно рождается вопросъ: неужели только изъ-за того, что въ самомъ спискѣ Грамоты эти два правила непосредственно слѣдуютъ одно за другимъ? Но тогда можно почти всю Псковскую Грамоту читать, какъ одну статью, т. к. она почти вся написана слитно. Но къ достоинству нашей науки не всѣ изслѣдователи приняли къ свѣдѣнію это ненаучное и странное сліяніе юридически разнородныхъ правилъ Грамоты, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Б. Н. Чичеринъ, И. Д. Бѣляевъ и В. И. Сергѣевичъ, оказались, если не протестантами, то во всякомъ случаѣ и не пропагандистами мнѣнія г.г. Энгельмана и Устрялова.

[2]) Гражданскіе законы Пск. Судн. Грамоты, стр. 54.

[3]) Op. cit., стр. 55, прим. *ж*.

[4]) Op. cit., стр. 55.

стно и строго-научно отнесясь къ дѣлу, слѣдуетъ признать, что, на самомъ дѣлѣ, г. Энгельманъ никакого объясненія здѣсь не далъ. Онъ сказалъ лишь, что при отказѣ «государя», или «изорника», «государь» одинаково бралъ половину урожая, затѣмъ «другими словами» сказалъ, почему то, что «государь тогда получалъ двойной оброкъ», а въ концѣ концовъ вывелъ и, какъ бы, вдругъ рѣшилъ, что обычная арендная плата, «обыкновенная покрута изорника состояла въ четвертой части доходовъ». Вотъ и все, что сказалъ здѣсь или «объяснилъ» И. Энгельманъ, если онъ считаетъ это объясненіемъ. Но это не все еще вообще. Приведя данное «объясненіе», авторъ продолжаетъ. «*Этимъ объясняется* и значеніе послѣднихъ словъ ст. VIII, 4—10 (стр. XII, 8 — 11 или второй половины ст. 42); что, если содержатель дастъ присягу въ томъ, что «государь» не объявилъ ему «отрока», то «государь не доискался четверти, или огородной части, или съ ысады рыбной части», изъ чего видно (?), что право господина имущества на полученіе, *при прекращеніи* договора найма извѣстной суммы, равняющейся ежегодной арендной платѣ, равномѣрно относилось ко всѣмъ случаямъ взятія имуществъ въ содержаніе» [1]).

Итакъ, совершенно не «сказавъ», т. е. не показавъ и не объяснивъ, въ предыдущей цитатѣ: «чего государь не доискался», И. Энгельманъ и здѣсь снова ничего, на самомъ дѣлѣ, не объяснилъ. Онъ повторилъ лишь постановленіе Грамоты, предпославъ этому повторенію оговорку, что предыдущимъ уже все объяснено, — «этимъ объясняется», говоритъ авторъ и даетъ затѣмъ, повтореніе текста Грамоты. Дѣйствительно, *такъ* можно все и очень быстро «объяснить». Всѣ эти разсужденія относятся скорѣе къ ст. 63 или стр. XVII, 3—6, чѣмъ къ данной статьѣ. Это видно во 1-хъ, изъ того, что при объясненіи конца ст. 42-ой или стр. XII, 8—11, авторъ самъ говоритъ, что наемъ *не прекратился* и «содержатель остается въ прежнемъ положеніи», а во 2-хъ, объ этомъ косвенно свидѣтельствуетъ и примѣчаніе къ вышеприведенному объясненію. «Это правило (о добавочной приплатѣ при уходѣ) существовало и въ другихъ частяхъ Россіи (!), съ

[1]) Op. cit., стр. 57.

тою только разницею, что тутъ образовалась извѣстная постепенность въ количествѣ добавочной уплаты, сообразно болѣе или менѣе продолжительному времени содержанія... Этотъ обычай былъ узаконенъ первымъ Судебникомъ» [1]). Изъ этого примѣчанія снова ясно, что И. Энгельманъ понимаетъ «это правило» о уплатѣ «половины» урожая, при уходѣ какъ «добавочную уплату» по отношенію къ «четверти».

Вотъ и все, что «сказалъ» въ объясненіе г. Энгельманъ. Однако, вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ вопросомъ. «Чего государь недоискался»? Что такое «четверть»? Каковы эти «части» съ огорода и съ исада?—объ этомъ авторъ только пообѣщалъ «сказать». На самомъ же дѣлѣ, онъ лишь ссылался со ст. 42-ой на ст. 63-ю и обратно, объясняя «четверть» черезъ «половину», а «половину» черезъ «четверть» и ео ipso загналъ подлежащій разрѣшенію вопросъ въ «порочный кругъ» со скрытымъ во всемъ «объясненіи» логическимъ дефектомъ — petitio principii. Какъ могли слѣдовать за нимъ и повторять «порочное», бездоказательное «объясненіе» другіе изслѣдователи, это просто остается загадкой. Ко всему этому, И. Энгельманъ еще злоупотребляетъ терминами, придавая одному и тому же термину различныя значенія. Такъ, онъ понимаетъ «покруту», то какъ «вообще деньги, платимыя государю изорникомъ» [2]) то какъ ежегодную нормальную арендную плату изорника, считая ее равной «$^1/_4$ части дохода» [3]).

Итакъ, все «объясненіе» И. Энгельмана заключалось лишь въ простой ссылкѣ на ст. 63 или стр. XVII, 3—6, которою, по его мнѣнію, вполнѣ все уже «объясняется», и въ которую, какъ было показано выше, И. Энгельманъ первый неправильно привнесъ скрытый карательный смыслъ, элементъ наказуемости, роепае. Но если г. Энгельманъ увидѣлъ въ «отрокѣ» изорника злостный умыселъ, то въ одинаковой мѣрѣ онъ долженъ былъ увидѣть и въ «отрокѣ» государя такой же злостный умыселъ. Если онъ признаетъ, что «государь» отказываетъ изорника изъ-за того, что изорникъ

---

[1]) Op. cit., стр. 57, прим. 1.
[2]) Op. cit., стр. 52, прим. *a*.
[3]) Op. cit., стр. 50 и стр. 57.

не надлежащимъ образомъ «жилъ» у «государя», т. е. скверно велъ хозяйство, то въ «отрокѣ» изорника онъ долженъ былъ бы признать печальную необходимость, вслѣдствіе невозможности «жить» за притѣснителемъ-хозяиномъ. И. Энгельманъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ стоитъ на сторонѣ «государя», отдавая ему «двойной оброкъ» при «отрокѣ», и наказываетъ только «исполовника». Но выше уже было указано, что стоять при объясненіи юридическихъ институтовъ, въ частности хозяйственныхъ правоотношеній, на *частно*-хозяйственной точкѣ зрѣнія одной изъ сторонъ, игнорируя совершенно другую, принципіально неправильно. Необходимо встать на нейтральную точку зрѣнія на правоотношенія и разбирать и объяснять ихъ съ общекультурной, соціальной, въ частности *народно*-хозяйственной, точки зрѣнія.

Въ заключеніе еще одно замѣченіе по поводу перекрестныхъ ссылокъ И. Энгельмана со ст. 42 на ст. 63 и обратно, съ какимъ то страннымъ постулированіемъ то «четвертью», то «половиной». А именно, принимая «половину» ст. 63-ей, какъ «двойной оброкъ» изорника, авторъ, глядя на конецъ ст. 42-ой, утверждаетъ, далѣе, что такое «право господина имущества» взимать при всякомъ «отрокѣ» *двойную арендную плату*, «равномѣрно относилось ко всѣмъ случаямъ взятія имущества въ содержаніе» [1]). Т. е. «государь» со всѣхъ исполовниковъ взималъ при «отрокѣ» (даже своемъ) «двойной оброкъ». Такова забота г. Энгельмана о «государѣ». А извѣстно, что И. Энгельманъ признаетъ за «огородникомъ» и «кочетникомъ» чистую форму аренды «исполу». Онъ говоритъ: «изорникъ платилъ обыкновенно четвертую часть дохода, огородникъ и четникъ—половину» [2]). Что же тогда получается? При «отрокѣ» огородника или кочетника «государь» бралъ съ нихъ, слѣдовательно, также двойной оброкъ», т. е. *весь урожай или уловъ сполна*. И даже въ томъ случаѣ, если самъ «государь» ихъ «отрекалъ»! Авторъ, очевидно не продумалъ такого вывода, иначе бы онъ долженъ былъ замѣтить всю неосновательность навязыванія вольному Пскову такого безпримѣр-

[1]) Op. cit., стр. 57.
[2]) Op. cit., стр. 50.

наго по пристрастію къ «государямъ» права, которое создавало умышленно, посредствомъ постановленій вѣчевого законодательства, сильнѣйшіе мотивы къ разграбленію «государями» своихъ исполовниковъ при помощи *законныхъ* «отроковъ».

Конечно, ничего подобнаго не существовало въ подлинной правно-хозяйственной жизни Псковской земли, ибо не случайными и юридически несостоятельными «объясненіями» и толкованіями создавалось право вѣчевого Пскова. Статья XII 8—11 или ст. 42 и ст. XVII, 3—6 или ст. 63—совершенно разнородны и говорятъ о различныхъ вещахъ: первая—о недоразумѣніяхъ и исковыхъ спорахъ на почвѣ «отрока», другая—объ арендной расплатѣ по нормѣ «исполу» при законномъ «отрокѣ» [1]).

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ сливаетъ стр. XII, 1—8 и стр. XII, 8—11 въ одну статью 42-ую [2]). Но онъ уже не согласенъ съ объясненіемъ И. Энгельмана строкъ 8—11 стр. XII или второй половины ст. 42-ой. Такъ, въ примѣчаніи 100-мъ къ ст. 42-ой онъ пишетъ: «Если хозяинъ хочетъ отказать своему изорнику, или огороднику, или рыбаку, то быть отказу на Филиппово заговенье; равно если изорникъ хочетъ отказаться отъ поля, или огородникъ, или рыбакъ, то срокъ отказа тотъ же;

---

[1]) Довольно неясно и кратко толкуетъ эту статью *Ѳ. Устряловъ* (Изслѣд. Псковск. Судн. Грамоты, стр. 54 и стр. 130), сливая строки 1 и 8 стр. XII и строки 8—11 стр. XII въ одну статью. Онъ говоритъ: «если они (исполовники) запирались въ томъ, что получили отказъ, то ихъ должно было вести къ присягѣ; если они давали присягу, то хозяинъ терялъ право на слѣдуемую ему четверть земли, или огородную, или рыбную часть съ исада» (стр. 54). Здѣсь, повидимому, также признается, что «наемники» оставались «въ прежнемъ положеніи», какъ то утверждалъ и И. Энгельманъ, ибо Устряловъ признаетъ, что «иного срока отказа (кромѣ какъ «о Филиповѣ заговѣньѣ») вовсе не существовало» во Псковѣ ни съ чьей стороны (Op. cit., стр. 54). Но вообще непонятно, что авторъ разумѣлъ подъ «четвертью земли», или «огородной» и «рыбной частью». Выраженіе «четверть земли» особенно, думается, неудачно, т. к. рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, не о землѣ, какъ таковой, а о продуктахъ, произведеніяхъ земли; м. б., слѣдовало бы сказать: «четверть съ земли», т. е. извѣстную часть продуктовъ, урожая и т. п. Во всякомъ случаѣ, неясность и необоснованность утвержденій Ѳ. Устрялова здѣсь на лицо.

[2]) Такъ поступаетъ и проф. Мурзакевичъ въ печатномъ текстѣ изданія Пск. Судн. Грамоты, который перепечатанъ проф. Будановымъ безъ перемѣнъ въ его «Христоматіи».

производить отказъ въ другое время не дозволяется ни хозяину, ни изорнику, ни рыбаку, ни огороднику. Если же изорникъ, или огородникъ, или рыбакъ докажетъ, что хозяинъ отказалъ ему не въ срокъ, то оправдать истца (наемника), а хозяинъ теряетъ свою четвертую часть (полевыхъ произведеній), или свою часть огородныхъ овощей, или свою часть рыбы съ исада. Энгельманъ понимаетъ послѣднія слова не такъ: «въ слѣдствіе присяги содержатель (наемникъ) остается въ имѣніи на прежнихъ условіяхъ, до новаго отказа... договоръ считается возобновленнымъ». Но буквальный смыслъ статьи—продолжаетъ проф. Будановъ—не даетъ никакихъ основаній для такого предположенія» [1]).

Отсюда и начинается расхожденіе мнѣній названныхъ изслѣдователей. М. Ф. Владимірскій-Будановъ возражаетъ слѣдующимъ образомъ. «Если отказъ послѣдовалъ со стороны хозяина не въ срокъ, то договоръ расторгается, только при этомъ хозяинъ лишается своей добавочной четверти дохода, которую онъ получалъ бы за послѣдній годъ, при расторженіи договора, если бы отказъ совершился законно. Сл. ст. 63» [2]). Здѣсь, слѣдовательно, снова уже знакомая намъ, «порочная» ссылка на ст. 63, которая, въ свою очередь, объяснялась авторомъ посредствомъ ссылки на ст. 42-ую, образуя два логическихъ порока—petitio principii и circulus vitiosus. Но и по существу данное разсужденіе не безупречно. Надлежащаго пониманія права, его мотивовъ и, вообще, основныхъ функцій права у М. Ф. Владимірскаго-Буданова нѣтъ такъ же, какъ и у И. Энгельмана. Если за отказъ *«не въ срокъ»* «государь» лишался лишь только наградной, «добавочной четверти» и получалъ нормальную арендную плату, а за *законный* отказъ *въ срокъ* усердно награждался «двойнымъ оброкомъ»,—то, во 1-хъ слѣдуетъ сказать, сколь низкую и низменную психологію предполагаетъ авторъ въ псковскихъ «государяхъ» и, во 2-хъ, сколь низкое и несправедливое право должно было существовать въ вольномъ Псковѣ, разъ оно такъ ухаживало за «государями», что создавало для нихъ такіе сильные мотивы къ *законному* «отроку», какъ полученіе «*двойного* оброка» и, въ то же время, такъ безцеремонно

[1]) Христоматія, В. I, стр. 165.

третировало и грабило большинство населенія во Псковѣ—исполовниковъ. Это все показываетъ, что разсужденіе автора неправдоподобно. Такого права быть въ вѣчевомъ Псковѣ не могло, ибо оно вело бы къ страшной дезорганизаціи всего хозяйственнаго строя, къ сплошной хозяйственной и соціальной анархіи. Источники права, однако, не даютъ намъ никакого подобнаго свидѣтельства. Напротивъ, хозяйственный и политическій бытъ Пскова отличался богатымъ расцвѣтомъ и стоялъ несомнѣнно выше первыхъ опытовъ Московскаго управленія.

Однако, слѣдуетъ вникнуть: правъ-ли М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ возраженіи И. Энгельману? Прежде всего, слѣдовательно, проф. Владимірскій-Будановъ признаетъ, что «отрокъ» можетъ состояться только однажды въ году «о Ѳилипповѣ заговеньѣ» и указываетъ: «производить отказъ въ другое время *не дозволяется* ни хозяину, ни изорнику, ни рыбаку, ни огороднику». Далѣе авторъ говоритъ, если наемникъ докажетъ, «что хозяинъ отказалъ ему *не въ срокъ* то *оправдать* наемника, а хозяинъ теряетъ свою—четвертую часть» и т. д., т. е., слѣдовательно, «отрокъ» не признавался, и наемникъ оставался у хозяина «на прежнихъ условіяхъ», какъ утверждалъ И. Энгельманъ. Но М. Ф. Владимірскій-Будановъ, вдругъ, круто измѣняетъ позицію и заявляетъ: «*буквальный смыслъ статьи* не даетъ никакихъ основаній для такого предположенія». И вотъ, оказывается, что по «буквальному смыслу статьи»,—«если отказъ послѣдовалъ со стороны хозяина *не въ срокъ*,то *договоръ расторгается*»... Такова своеобразная логика М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Ибо утверждать въ одномъ и томъ же толкованіи статьи, что «буквальный смыслъ статьи» признаетъ «отрокъ» только «на филиппово заговенье», что «отказъ въ другое время не дозволяется» и, вдругъ, затѣмъ, по тому же «буквальному смыслу статьи» признавать «отказъ не въ срокъ», при чемъ и «договоръ расторгается», какъ онъ расторгается и при «отрокѣ» въ законный срокъ;—разсуждать такъ значитъ логически ошибочно разсуждать; доказывать такимъ образомъ—только дѣлать видъ, что тутъ что-то доказывается; оправдывать такимъ пріемомъ свое утвержденіе—безнадежно оправдывать, ибо такое оправданіе не оправдываетъ, а обвиняетъ. Такъ «буквальный смыслъ статьи» предалъ и М. Ф. Владимірскаго-

Буданова, какъ онъ предалъ когда-то и В. И. Сергѣевича [1]), который самъ впослѣдствіи призналъ свою ошибку, отказавшись отъ своего доказательства и толкованія по данному методу, состоящему въ простой ссылкѣ на «буквальный смыслъ статьи» [2]). Въ данномъ случаѣ, конечно, правъ И. Энгельманъ, когда онъ говорилъ, что «содержатель остается въ имѣніи на прежнихъ условіяхъ до новаго отказа», и «договоръ считается возобновленнымъ». Ибо Псковская Судная Грамота ясно и категорически гласитъ: «а иному отроку не быти», какъ только «о Ѳиллиповѣ заговѣньѣ».

Итакъ, по мнѣнію М. Ф. Владимірскаго-Буданова, за *законный* «отрокъ» въ срокъ хозяинъ награждался «двойнымъ оброкомъ», т. е. сверхъ нормальной арендной платы, еще «добавочной четвертью дохода», а за *незаконный* «отрокъ» не въ срокъ—всего только, не награждался этой, «добавочной четвертью дохода». Какой привилегированный и въ то же время несправедливый и странный законъ! А между тѣмъ, по свидѣтельству Н. Л. Дювернуа, у «людей добровольныхъ», привилегія не играла роли и не имѣла никакой силы въ правѣ [3]). Однако, для подтвержденія своей точки зрѣнія проф. Владимірскій-Будановъ отсылаетъ къ ст. 63-ей—«сл. ст. 63», говоритъ онъ. А тамъ оказывается сказано слѣдующее: при законномъ «отрокѣ» съ какой бы то ни было стороны «государь» всегда беретъ «*половину* урожая за послѣдній годъ съ того поля, которое обработывалъ изорникъ». И вдругъ снова: «сл. ст. 42» [4]). Т. е. ничто само по себѣ не доказано, но доказывается обратными ссылками—«сл. ст. 63»—«сл. ст. 42»—circulus vitiosus со скрытой petitio principii. Читая въ ст. 63 о «половинѣ», а въ ст. 42 о «четверти», авторъ, попросту, производитъ несложное дѣйствіе вычитанія и получаетъ желаемый эффектъ: ½—¼=¼. Т. е., такъ какъ «половина» состоитъ изъ двухъ «четвертей», то одна ¼ есть «добавочная четверть дохода», а другая ¼—это уже нормальная арендная плата изорника, ибо «изорникъ платитъ хозяину ¼ дохода, а не половину», рѣшаетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Слѣдовательно, за *незаконный* «отрокъ» хозяина не

[1]) Русск. Юрид. Древности, т. I, 1890, стр. 239.
[2]) Русск. Юрид. Древн., т. I, 1902, стр. 246.
[3]) *Н. Л. Дювернуа,* Источники права, стр. 272 и др.
[4]) Христоматія, В. 1, стр. 173, прим. 136.

въ срокъ «изорникъ платитъ хозяину ¼ дохода», т. е. *нормальную* арендную плату; «договоръ расторгается», и изорникъ можетъ идти на всѣ четыре стороны, а хозяинъ теряетъ только свою *награду*—«добавочную четверть», по сравненію съ тѣмъ, «если бы отказъ совершился *законно*». Но, очевидно, и такая крупная приманка для «государей», «равняющаяся ежегодной арендной платѣ», какъ увѣряетъ проф. Владимірскій-Будановъ, была не очень сильна на практикѣ, ибо самъ авторъ принужденъ считать *законный* «отрокъ» и ео ipso арендную уплату при немъ *не нормальными*, а *незаконный* «отрокъ»—*нормальнымъ*, ибо расплата при немъ именно признается авторомъ *нормальной*, равной ¼ дохода, а при *законномъ* «отрокѣ»—*двойной*, т. е. *не нормальной*. Къ тому же, Владимірскій-Будановъ говоритъ все время о такомъ незаконномъ «отрокѣ» только съ одной стороны «государя», а отнюдь не «изорника». Изорники, очевидно, по мнѣнію автора, должны уже всегда поступать по закону и поэтому не могутъ предъявлять «отрока» не въ срокъ; и лишь одни «государи» награждаются закономъ за то, что даютъ законный «отрокъ» въ срокъ, т. е. получаютъ «добавочную четверть дохода» за законный «отрокъ».

Но примѣнимы-ли такіе случаи «двойного оброка» къ «огородникамъ» и «кочетникамъ»? И. Энгельманъ, какъ было указано выше, признаетъ опредѣленно, что такое «право господина имущества относилось равномѣрно ко всѣмъ случаямъ взятія имуществъ въ содержаніе»; но М. Ф. Владимірскій-Будановъ ничего не говоритъ объ этомъ, хотя ст. 42-ая упоминаетъ о всѣхъ псковскихъ исполовникахъ, а не только «изорникахъ». Но дѣло, повидимому, объясняется просто. При объясненіи «четверти» изорника авторъ могъ хоть обратиться къ ст. 63 (ибо тамъ говорится объ «изорникѣ», да еще о какой-то «половинѣ»), а для «частей» огородника и кочетника сослаться было не на что, т. к. въ Псковской Грамотѣ не оказалось подходящихъ статей (какой недальновидный народъ!) и пришлось nolens-volens обойти ихъ молчаніемъ. По отношенію къ нимъ авторъ ограничился лишь указаніемъ, что при «отрокѣ» хозяина «не въ срокъ» онъ «теряетъ свою часть огородныхъ овощей, или свою часть рыбы съ исада». А такъ какъ въ Грамотѣ не оказалось случайно никакой другой

статьи, говорящей о «частяхъ» огородника и кочетника, то автору не на что было и сослаться при толкованіи.

Правда, при объясненіи слова «исполовникъ» онъ говорилъ, что это—«огородникъ», такъ какъ послѣдній платитъ «половину», но доказательствъ тому не представилъ никакихъ. Въ толкованіи ст. 43 или стр. XII, 12—15, гдѣ употреблено выраженіе «исполовникъ», онъ лишь говоритъ, что «если кочетникъ или исполовникъ заложитъ своему хозяину *свою часть* весенняго урожая или улова, то платитъ хозяину столько, сколько достанется на другой части того же исада (*или огорода*)», добавляетъ уже отъ себя проф. Будановъ. Въ данномъ толкованіи М. Ф. Владимірскій-Будановъ сходится съ И. Энгельманомъ, и о неправильности этого мнѣнія было уже сказано выше, какъ равно и о неудачности произвольной приписки «или огорода», каковая совершенно текстомъ ст. 43-ей и не требуется. Къ тому же, и ни о какой «*своей* части» въ текстѣ данной статьи не говорится. Каковы же «части» огородника и кочетника—это тоже еще надо выяснить, а не просто принимать ихъ за половины (½), какъ поступаетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Но если огородникъ и кочетникъ уже нормально платятъ за аренду «исполу», половину урожая или улова (при *не законномъ* «оброкѣ», о чемъ, по мнѣнію автора, говорятъ строки 8—11 стр. XII или конецъ ст. 42-ой), то при *законномъ* «оброкѣ» они должны платить еще больше, какъ и изорники. Т. е., если правило о «двойномъ оброкѣ» при законномъ «оброкѣ» въ срокъ, о наградѣ «государя», «равняющейся ежегодной арендной платѣ», примѣнить mutatis mutandis къ огороднику и кочетнику, то, слѣдовательно, имъ придется уплачивать «государю» уже не «половину», а *весь* урожай или уловъ! И. Энгельманъ, какъ видѣли, также скрыто утверждаетъ нѣчто подобное, но М. Ф Владимірскій-Будановъ предпочитаетъ болѣе удобнымъ замолчать вопросъ и затушевать его.

Итакъ, при подробномъ и внимательномъ разсмотрѣніи даннаго толкованія М. Ф. Владимірскаго-Буданова, не смотря на его категорическую ссылку на «буквальный смыслъ статьи», слѣдуетъ сказать, что оно полно противорѣчій, сплошь основано на юридическихъ и логическихъ ошибкахъ, построено на случайныхъ догадкахъ и ненаучныхъ методахъ изслѣдованія и eo ipso должно

быть открыто признано ошибочнымъ и ненаучнымъ. Во 1-хъ, не слѣдуетъ смѣшивать разнородныхъ постановленій Грамоты, а во 2-хъ, данная статья (стр. XII, 8—11) отнюдь не говоритъ о нормальной арендной платѣ «исполу», о которой рѣчь была въ ст. 63-ей, а имѣетъ въ виду случаи спора и недоразумѣній на почвѣ «отрока», установляя взысканіе за неправомѣрные иски.

Н. Н. Дебольскій примыкаетъ, повидимому, всецѣло къ толкованію М. Ф. Владимірскаго-Буданова съ его противорѣчіями и ошибками «Согласно ст. 42 Пск. Судн. грамоты [1]), отказъ изорнику со стороны арендодателя въ продолженіи договора аренды, или обратно, отказъ изорника отъ аренды могъ происходить одинъ разъ въ годъ, именно, 14 ноября. Эта статья, конечно, нисколько не умаляетъ гражданскихъ правъ изорника, кочетника и огородника, такъ какъ имѣетъ дѣйствіе и противъ арендодателя» [2]). Далѣе начинается такое же субъективное привнесеніе автора, какое дѣлаетъ и проф. Будановъ, съ тою лишь разницею, что Н. Дебольскій признаетъ за обѣими сторонами право отказа не въ срокъ. «Договоръ аренды, конечно, могъ нарушаться и не только въ этотъ день. Но тогда онъ влекъ за собой нежелательныя послѣдствія для стороны, нарушившей настоящее правило: хозяинъ лишался причитающейся ему арендной платы и плодовъ, а изорникъ рисковалъ, что его имущество будетъ продано съ публичнаго торга» [3]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказывается о данномъ вопросѣ слѣдующимъ образомъ. «Псковская Судная Грамота, опредѣляя, что отказъ крестьянина можетъ происходить только въ Филиппово заговѣнье, предвидитъ случай нарушенія этого правила: въ такомъ случаѣ сторона, нарушившая договоръ не въ срокъ, наказывается матеріально, а не принуждается къ продолженію договора до срока» [4]).

[1]) Гражданская дѣеспособность, стр. 128. Въ приведенномъ авторомъ въ примѣчаніи текстѣ Грамоты допущены разныя ошибки.

[2]) Op. cit., стр. 128; ср. стр. 126.

[3]) Op. cit. стр. 128; при этомъ авторъ ссылается на ст. 76 по «Христоматіи» Владимірскаго-Буданова.

[4]) Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ, Ж. М. Н. Пр., 1895, № 11, стр. 81. Ср. еще стр. 80, на которой сказано: «мы получаемъ... Псковскую Судную Грамоту (1397—1467 г.), опредѣляющую, что изорникъ могъ отказываться и помѣщикъ могъ ему отказать *только* въ Филипповъ день»,

Здѣсь, какъ видно, то же противорѣчіе: то признается отказъ *«только* въ Филиппово заговѣнье», то отказъ можетъ происходить и *«не* въ срокъ», и все это по смыслу одной и той же статьи Грамоты. Нормальной арендной платой признается также «четверть», опредѣляемая авторомъ также при незаконномъ «отрокѣ». Новостью является лишь ссылка на ст. 76-ую или стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—16. Однако, слѣдуетъ категорически заявить, что ст. 76-ая отнюдь не говоритъ ни объ «отрокѣ» не въ срокъ, ни объ арендной платѣ, а устанавливаетъ лишь одинъ изъ способовъ взиманія съ псковскихъ исполовниковъ т. наз. «покруты государевой» (о чемъ рѣчь будетъ дальше), такъ что данная ссылка на ст. 76-ую не можетъ никоимъ образомъ оправдать субъективно-желательныхъ разсужденій и привнесеній г. Дебольскаго.

Къ тому же, съ точки зрѣнія Псковской Судной Грамоты, т. е. вѣчевого законодательства, или, вообще, съ точки зрѣнія псковичей, установленіе спеціальныхъ правилъ и способовъ на случай взиманія арендной платы «исполу» было бы, просто, излишне и безцѣльно. Ибо институтъ «половничества» тѣмъ и характеренъ, что арендная плата выплачивается «исполовникомъ» натуральными продуктами своего хозяйства. А именно, «половину» всего урожая онъ отдаетъ «государю», а «половину» беретъ себѣ, какова же будетъ эта «половина», это зависитъ отъ самаго урожая. Много уродится — больше получитъ и «государь» и «исполовникъ», ибо больше будетъ каждая половина; мало уродится — меньше получатъ оба, потому что и самая половина будетъ меньше. Но, какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ эту «половину» отдать всегда сможетъ исполовникъ, какъ бы она ни была велика или мала, сообразно съ полученнымъ урожаемъ. Поэтому, никакихъ особыхъ способовъ взиманія арендной платы «исполу» и быть не могло въ подлинномъ древнемъ Псковѣ; она всегда могла быть уплачена безъ всякихъ особыхъ затрудненій по провѣркѣ урожая, и, конечно, не арендную плату и «отрокъ» имѣетъ въ виду ст. 76-ая. Она говоритъ совсѣмъ о другомъ, а именно, о «покрутѣ», такъ широко распространенной во Псковѣ. Вѣдь, со всѣмъ урожаемъ не могъ сбѣжать исполовникъ, не заплативъ арендной платы, а

сбѣжать, не выплативъ, не вернувъ «покруты государевой»,— это было вполнѣ возможно, оставивъ «на селѣ у государя» свой «животъ», т. е. имущество. И Псковская Судная Грамота весьма ясно отличаетъ арендную плату отъ «покруты», т. е. подмоги «государя» исполовнику для лучшаго веденія хозяйства, дабы получалась большая «половина» урожая, получаемая землевладѣльцемъ. И смѣшивать ихъ—значитъ не проникать въ юридическую сущность самаго института «исполовничества».

И. Д. Бѣляевъ такъ разсуждаетъ въ данномъ случаѣ. «Въ отношеніяхъ крестьянина къ господину по Псковскому закону признавалась совершенная свобода: крестьянинъ могъ отойти отъ господина, оставить его землю, ежели находилъ это выгоднымъ; равнымъ образомъ и господинъ могъ сослать крестьянина съ своей земли, ежели не хотѣлъ держать его. Требовалось только одно, чтобы отказы съ той или другой стороны производились въ одинъ срокъ въ году «о Филипповѣ заговеньѣ», какъ въ такое время, которое свободно отъ земледѣльческихъ работъ; кромѣ этого срока, ни господинъ не могъ отказать крестьянину, ни крестьянинъ отказаться отъ господина» [1]).

Далѣе И. Д. Бѣляевъ переходитъ къ другой статьѣ, а именно, къ ст. 43 или стр. XII, 12—15 (которая уже была разобрана выше). Авторъ толкуетъ эту статью, какъ правило, будто бы предусматривающее случаи «отрока» не въ срокъ со стороны арендаторовъ, и сопоставляетъ ее со статьей 42-ой или стр. XII, 8—11. «Ежели крестьянинъ пропуститъ узаконенный срокъ и проживетъ до весны, или и на весну останется на землѣ господина въ его селѣ, а потомъ пойдетъ прочь,—то обязанъ за весну заплатить господину такое же количество дохода съ оставленной имъ земли, какое получается съ другой такой же части земли, съ которой крестьянинъ не уходилъ [2]). Здѣсь, впрочемъ, нѣтъ прямого безусловнаго запрещенія переходить крестьянину съ

---

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 24—25; ср. еще стр. 8.

[2]) Какъ видно переводъ статьи крайне вольный, не соотвѣтствующій подлинному тексту. По существу статья эта уже была разобрана выше, здѣсь важно имѣть только одну сторону, а именно, утвержденіе автора объ «отрокѣ» не въ срокъ, о которомъ, яко-бы, говоритъ данная статья.

одной земли на другую не въ срокъ, а только назначена плата за убытки, которые понесетъ землевладѣлецъ отъ несвоевременнаго перехода крестьянъ; слѣдовательно, съ условіемъ платежа за убытки, крестьянинъ имѣлъ право отойти отъ господина въ любое время. Но, кажется, господинъ не имѣлъ права отказать крестьянину не въ срочное время, или, по крайней мѣрѣ, лишался въ такомъ случаѣ права искать убытковъ, происшедшихъ отъ несвоевременнаго выхода крестьянина. Въ законѣ сказано: «а запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ отрока государева, ино ему правда дать (т. е. доказать это судомъ), а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ исада рыбной части». То есть, ежели по суду показанія крестьянина окажутся вѣрными, то господинъ теряетъ право на искъ дохода съ оставленной крестьяниномъ земли» [1]). Таково мнѣніе И. Д. Бѣляева.

Трудно представить себѣ болѣе свободное пониманіе постановленій Псковской Судной Грамоты, нежели вышеприведенное. Напримѣръ, ссылка на ст. 43-ю, спеціально своеобразнымъ переводомъ приспособленную для подтвержденія своего взгляда на «право» отказа не въ срокъ крестьянина, прямо странна, ибо эта статья ни о чемъ подобномъ и не думаетъ говорить, стоитъ для этого хотя бы просто сличить переводъ автора съ подлиннымъ текстомъ статьи Грамоты, и только безпредѣльно-вольный переводъ ея могъ мнимо выручить почтеннаго профессора. Что касается, далѣе, содержанія даннаго разсужденія автора, то, прежде всего, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить тѣ же противорѣчія: то «отрокъ» производится только «въ *одинъ* срокъ въ году» и «кромѣ этого срока, ни господинъ не могъ отказать крестьянину, ни крестьянинъ отказаться отъ господина», то, вдругъ, «крестьянинъ имѣлъ право отойти отъ господина въ *любое* время», хотя «господинъ не имѣлъ права отказать крестьянину не въ срочное время»; наконецъ, и онъ надѣляется подобнымъ правомъ, только тогда «господинъ терялъ право на искъ дохода съ оставленной крестьяниномъ земли». Къ тому же, это неясное выраженіе: «господинъ теряетъ право на искъ дохода». Что это за доходъ?

---

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 25.

Есть-ли это арендная нормальная плата, какъ полагаютъ И. Энгельманъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и др., или же это только какая-нибудь часть ея, равная «убыткамъ, происшедшимъ отъ несвоевременнаго выхода крестьянина»? Авторъ не разъясняетъ этого. Да, къ тому же, что это за «несвоевременный *выходъ* крестьянина» разъ его *отказываетъ* самъ «государь»? Такъ, изъ области противорѣчій и странныхъ ссылокъ на искусственное толкованіе—авторъ попадаетъ въ область сомнѣній, а далѣе, вполнѣ естественно, въ неясность и недоговоренность... Но истины такъ не ищутъ—она одна, и безъ сомнѣній.

Б. Н. Чичеринъ толкуетъ данное правило Псковской Грамоты кратко, но болѣе содержательно, нежели предыдущіе авторы. «Если изорникъ, огородникъ, или кочетникъ запрется и скажетъ, что хозяинъ не отказалъ ему въ срокъ, то онъ долженъ идти на присягу, и тогда хозяинъ теряетъ уже право на искъ и лишается своей четверти, или огородной части, или рыбной части съ исадовъ» [1]). И тутъ же, во избѣжаніе недоразумѣній, даетъ объяснительное примѣчаніе. «Подъ именемъ четверти разумѣется вѣроятно хлѣбная мѣра вообще; иначе трудно объяснить сопоставленіе четверти съ огородной или рыбной частью и согласить это положеніе съ предыдущимъ, по которому хозяинъ беретъ половину произведеній» [2]). Здѣсь авторъ разумѣетъ ст. 63 или стр. XVII, 3—6, которую онъ правильно толкуетъ, какъ правило, регулирующее естественную арендную расплату «исполу» при законномъ «отрокѣ» [3]).

Какъ видно, толкованіе болѣе простое и безъ противорѣчій. Нѣсколько непонятно только выраженіе «своей», которое произвольно привнесено въ текстъ авторомъ и ничего, собственно, не разъясняетъ въ содержаніи статьи. Это привнесенное выраженіе было понятно въ устахъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, который такимъ путемъ отстаивалъ свою ошибочную точку зрѣнія, считая «свою четверть» равной нормальной арендной платѣ «изорника», но для Б. Н. Чичерина оно явилось со-

---

[1]) Опыты, стр. 192—193.
[2]) Опыты, стр. 193 прим. 1.
[3]) Опыты, стр. 192.

вершенно излишнимъ, ибо онъ понимаетъ «четверть» не какъ арендную плату «изорника», равную ¼ урожая, а, просто, какъ «хлѣбную мѣру вообще».

Еще содержательнѣе толкованіе В. И. Сергѣевича, которое объясняетъ даже мотивы возникновенія подобнаго постановленія [1]). «Отказы»—начинаетъ авторъ—весьма нерѣдко подавали поводъ къ судебному разбирательству. Составители Псковской Судной грамоты нашли даже нужнымъ включить въ грамоту особую статью, опредѣляющую порядокъ рѣшенія такихъ споровъ: «А запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ отрока (отказа) государева, ино ему (изорнику и пр.) правда дать (крестное цѣлованіе); а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ ысады рыбной части» (42).

Приведенная статья предусматриваетъ споръ по поводу отказа. Изорникъ, получившій, по утвержденію господина, отказъ, не съѣхалъ въ свое время. Изъ этого возникъ искъ господина къ изорнику о выѣздѣ и, вѣроятно, уплатѣ убытковъ.

На судѣ изорникъ сказалъ, что господинъ ему отказа не заявлялъ. Въ этихъ случаяхъ, говоритъ статья, предоставляется изорнику право подтвердить свое отрицаніе присягой. Надо думать, согласуясь съ общей системой судебныхъ доказательствъ по Псковской грамотѣ, что статья имѣетъ въ виду случай, когда господинъ не привелъ въ свою пользу свидѣтелей. Если изорникъ присягнетъ, государь не доискался и т. д.» [2]). Разобравъ такимъ образомъ статью, проф. Сергѣевичъ, далѣе, уже не такъ рѣшителенъ, но правъ. «Чего не доискался, это не совсѣмъ ясно. Господинъ искалъ выѣзда и, надо думать, убытковъ. Онъ «не доискался», слѣдовательно, крестьянинъ до новаго отказа остается на землѣ и не платитъ убытковъ. Выраженіе: «не доискался огородной или рыбной части» легко можетъ быть понято въ смыслѣ предлагаемаго толкованія, если допустить, что рыбникъ и огородникъ платили убытки продуктами своего труда. А что значитъ «четверть»? Она можетъ означать мѣру сыпучихъ тѣлъ, т. е.

---

[1]) Юридич. Древности, 1890 т. I стр. 210—211.

[2]) Юр. Др., стр. 210.

тоже часть продуктовъ изорника, которую господинъ получилъ бы въ случаѣ обвиненія изорника» [1]).

Въ этомъ толкованіи нѣтъ уже тѣхъ противорѣчій и «порочныхъ» ссылокъ съ одной статьи на другую; оно не видитъ уже въ незаконномъ поступкѣ регулированія нормальной арендной платы; оно не подыскиваетъ другихъ статей изъ Грамоты для оправданія своей точки зрѣнія. Словомъ, почтенный ученый свободенъ здѣсь отъ подобныхъ недостатковъ, ибо онъ стремится быть ближе къ тексту и смыслу памятника и тѣмъ самымъ къ правдѣ. Несомнѣнно, что мотивъ составленія даннаго постановленія на Псковскомъ вѣчѣ совершенно вѣрно изображенъ В. И. Сергѣевичемъ. Нѣсколько неясной представляется въ данномъ толкованіи лишь рѣчь объ «убыткахъ». О какихъ убыткахъ идетъ здѣсь рѣчь? Авторъ не разъясняетъ этого, но указываетъ лишь, что эти «убытки» хозяинъ «получилъ бы въ случаѣ обвиненія изорника». Суть-ли это хозяйственные убытки, или, можетъ быть, это убытки процессуальные, взысканіе за неправомѣрный искъ?.. Но уже одно и, къ тому же, самое существенное ясно: В. И. Сергѣевичъ опредѣленно не признаетъ «четверть» данной статьи, какъ нормальную арендную плату изорника. Уже Б. Н. Чичеринъ высказался въ смыслѣ пониманія «четверти», какъ «хлѣбной мѣры вообще», В. И. Сергѣевичъ сузилъ эту «хлѣбную мѣру вообще» до предѣловъ конкретной «мѣры сыпучихъ тѣлъ», а эти имена служатъ достаточной гарантіей того, что пониманіе «четверти» И. Энгельманомъ, М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и другими изслѣдователями не имѣло подъ собой прочнаго научнаго базиса и не могло быть доказательно. Но, къ сожалѣнію, никто не далъ подробнаго критическаго анализа толкованія И. Энгельмана и др., и, вслѣдствіе этого, неправильное толкованіе сохранилось и понынѣ въ наукѣ исторіи русскаго права [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 210—211. Засимъ авторъ отсылаетъ къ «иному мнѣнію» И. Энгельмана и М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

[2]) Такъ, напр., еще акад. *М. А. Дьяконовъ* придерживается того же взгляда (Энциклоп. Слов., полут. 24, стр. 880. Очерки общ. и госуд. строя, стр. 97), а также и акад. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, который, хотя и нерѣ-

Итакъ, происхожденіе даннаго постановленія вполнѣ вѣрно отмѣчено В. И. Сергѣевичемъ, а именно, какъ необходимое установленіе «общаго порядка рѣшенія такихъ споровъ», которые возникали на почвѣ «отрока». Это и только это имѣетъ въ виду ст. 42 или стр. XII, 8—11 Псковской Судной Грамоты, и всѣ отклоненія отъ этого смысла и привнесенія лично-желательныхъ авторскихъ взглядовъ въ толкованіе неминуемо должны терпѣть полнѣйшее крушеніе, какъ недопустимые въ наукѣ пріемы изслѣдованія.

Первое, что бросается въ глаза при чтеніи данной статьи, это ея односторонняя редакція: «а запрется изорникъ... отрока *государева*»—гласитъ здѣсь Грамота, между тѣмъ, какъ въ другихъ статьяхъ правно-принципіально выдвигается двусторонняя редакція, какъ гипотезы, такъ и санкціи. Напримѣръ: «а который *государь* захочетъ отрокъ дати... такожъ захочетъ *изорникъ* отречися»... или «а который *изорникъ* отречется у государя села, или *государь* его отречетъ»... или «а государю на изорники... вольно и въ закличь своей покруты... и по отроку *государеву* или *самъ* отречется»... и т. д. Вездѣ имѣется равноправная, равномѣрная двусторонность редакціи постановленій Псковской Судной Грамоты. Вглядываясь же въ данную статью и внимая ея санкціи, невольно напрашивается вопросъ: не имѣетъ-ли въ виду статья злостный умыселъ именно «государя», а не «исполовника»? Ибо, если бы было обратное, какъ видно это въ ст. 51 или стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7 (о чемъ рѣчь дальше), то «государю» были бы предоставлены извѣстныя льготы, какъ, напр., выборъ присяги, поставленіе свидѣтелей и т. под., между тѣмъ, здѣсь ничего подобнаго нѣтъ; ему не только не предоставляется право выбора присяги, но законъ прямо указываетъ, что таковую принести «исполовнику», ео ipso не возлагая на злостнаго истца столь тяжкую для того времени отвѣтственность—отвѣтъ передъ Богомъ. Свидѣтелей же, если бы они и бывали при самомъ актѣ «отрока», «государь» также не всегда могъ бы поставить за себя, ибо, какъ указываетъ Н. Л. Дювернуа, не всякій по-

---

шительно, но все же склоняется къ мнѣнію И. Энгельмана и др. (Разысканія; стр. 17 прим. 1).

шелъ бы свидѣтельствовать, «послушествовать» за неправое дѣло, въ то время, какъ за правое дѣло свидѣтелями были всѣ [1]). Казалось-бы, для чего же тогда понадобилась вся эта процедура самаго суда, указаннаго въ статьѣ? Не лучше-ли сразу признать «государя» виновнымъ? Но, конечно, такой вопросъ можетъ возникнуть только съ перваго взгляда. Ибо, если даже въ долгой житейско-хозяйственной практикѣ подавляющее большинство подобныхъ случаевъ обнаруживало злостный умыселъ «государя», то все же при всякомъ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ судъ долженъ удостовѣриться въ правотѣ и виновности каждой стороны, хотя бы и создалась общая норма въ односторонней редакціи, какъ бы отразившая въ себѣ maximum случаевъ. Отсюда, разумѣется, въ случаѣ виновности «исполовника» наказывался соотвѣтственно и онъ.

Итакъ, если дѣйствительно «государи» злостно вчиняли иски противъ «исполовниковъ», то, разумѣется, необходимо было озаботиться о надлежащихъ мѣрахъ пресѣченія подобныхъ поступковъ, чтобы оградить права и имущественные интересы «исполовниковъ». Это, повидимому, и имѣетъ въ виду данная статья (стр. XII, 8—11) Псковской Судной Грамоты. «Государь» не далъ «отрока» въ законный срокъ «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ», а затѣмъ потребовалъ выѣзда своего «исполовника», заявивъ, очевидно, что далъ ему законный «отрокъ». Конечно, исполовникъ «запрется» такого вымышленнаго «отрока». Отсюда—искъ «государя», судебное разбирательство, а тамъ,—случайно могъ быть и выигрышъ дѣла, исполовникъ обвиненъ и долженъ съѣхать «съ села государя». Но въ большинствѣ случаевъ, надо думать, споръ рѣшался въ пользу исполовника—«государь не доискался». Отсюда, естественно и логически неизбѣжно, исполовникъ не съѣзжалъ, оставался «на селѣ», какъ и раньше. Поэтому, безусловно правы въ этомъ смыслѣ И. Энгельманъ, Б. Н. Чичеринъ и В. И. Сергѣевичъ и неправы М. Ф. Владимірскій-Будановъ, И. Д. Бѣляевъ, Н. Дебольскій и др.

Но нужно имѣть въ виду, что вести искъ, вообще, вести судебный процессъ, тяжбу, по условіямъ того времени, да еще

[1]) *Н. Л. Дювернуа,* Источники права, стр. 27.

для крестьянина, исполовника, было не только обременительно, но прямо таки не по силамъ и потому несомнѣнно и юридически-цѣлесообразно, что виноватая сторона должна была вознаградить невинно-потерпѣвшаго, она должна была терять извѣстную сумму (въ чемъ бы она конечно не выражалась) въ пользу выигравшаго дѣла. Виновный «не доискивался» по своему иску и тѣмъ самымъ «не доискался» у себя, терялъ извѣстную сумму въ пользу оправданнаго, праваго. Здѣсь важна правовая двусторонность отношенія, когда одинъ «не доискался», другой пріобрѣлъ, у одного минусъ, у другого—плюсъ, у одного—право, у другого обязанность. Н. Л. Дювернуа, изслѣдуя судъ, судебный процессъ, у насъ на Руси, писалъ: «Кромѣ процессуальнаго обезпеченія иска, въ процессѣ важенъ еще другой вопросъ. Процессъ для того лица, которое оказывается въ заключеніе правымъ,—есть во всякомъ случаѣ тяжесть, за которую оно справедливо можетъ требовать вознагражденія. Въ этомъ вознагражденіи праваго заключается и штрафной элементъ для неправильно вчинающаго или продолжающаго тяжбу (poena temere litigantium), стало быть, средство предупрежденія напрасныхъ тяжебъ» [1]).

Сообразуясь съ этимъ обстоятельствомъ и примѣняя его, какъ вполнѣ мыслимое и имѣвшее силу дѣйствія, для Пскова, слѣдуетъ сказать, что данное постановленіе (стр. XII, 8—11) Псковской Грамоты и имѣетъ въ виду, именно, этотъ элементъ наказуемости виновнаго и eo ipso вознагражденія праваго; здѣсь, именно, содержится римская poena temere litigantium. То есть статья закона гласитъ: если на судѣ окажется, что исполовникъ правильно «запрется» «отрока государева», т. е., что «государь» дѣйствительно не далъ ему «отрока» въ законный срокъ «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ», а искъ вчинилъ по злостному умыслу,—тогда «государь не доискался», то есть проигрывалъ свой искъ, злостную тяжбу и уже тѣмъ самымъ долженъ былъ вознаградить праваго, невинно потерпѣвшаго, исполовника; на виновнаго налагался штрафъ, какъ «средство предупрежденія напрасныхъ тяжебъ». А это, несомнѣнно, играло большую роль при той примитивной организаціи суда и процесса и той дороговизнѣ веденія дѣлъ,

[1]) Источники права, стр. 177.

каковыя существовали въ то время у насъ на Руси. Но какъ же виновный долженъ былъ вознаграждать? Какъ налагался штрафъ на «государя»? Чего «государь не доискался»? На это отвѣтъ простъ. «Государь не доискался», терялъ искъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ и право на полученіе отъ «неотреченнаго» исполовника части тѣхъ натуральныхъ продуктовъ, которыми обыкновенно расплачивался съ нимъ исполовникъ по специфическому типу своего хозяйства; т. е, съ «изорника»—хлѣба, съ «огородника»—овощей, съ «кочетника»—рыбы. Данное постановленіе такъ и гласитъ: «а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ лысады рыбной части».

Каковы же эти части? На это изслѣдователи, какъ было видно, даютъ различные отвѣты. Ближе всѣхъ подошелъ къ существу дѣла В. И. Сергѣевичъ. Онъ уже не видитъ въ этой «четверти» изорника и «частяхъ» огородника и кочетника нормальной арендной платы, не выводитъ изъ незаконнаго поступка правовой квалификаціи и регламентаціи арендной нормы «исполу», а опредѣленно признаетъ здѣсь штрафъ, poenam, взысканіе за «убытки» (каковые однако, онъ не поясняетъ со стороны исполовника) и т. д. Самую «четверть» онъ сократилъ до «мѣры сыпучихъ тѣлъ» вообще, какъ и Б. Н. Чичеринъ, признавшій ее за «хлѣбную мѣру вообще», такъ что, на ряду съ обозначеніемъ, называніемъ продуктовъ огорода и исада, «четверть» обозначаетъ также лишь называніе продукта поля—хлѣба. Остается, слѣдовательно, опредѣлить самую конкретную цифру взысканія за неправомѣрный искъ. Если признать «четверть», вмѣстѣ съ В. И. Сергѣевичемъ, за «мѣру сыпучихъ тѣлъ», то эта конкретная цифра на лицо въ отношеніи и поля, и огорода, и исада. Если же предположить, что эта «четверть» и «части» суть, дѣйствительно, извѣстныя части, доли изъ урожая или улова, то получается слѣдующій смыслъ: въ наказаніе за свой злостный, неправомѣрный искъ «государь не доискался» ¼ слѣдуемой ему арендной платы «исполу», т. е. 1/8 всего урожая, или же, можетъ быть, не дополучалъ ¼ всего урожая или улова, т. е. ½ арендной платы. Но, само собой разумѣется, что при такомъ пониманіи рѣчь идетъ не о *нормальной* арендной платѣ, а о *взысканіи* (poena temere litigantium) съ виновнаго «государя» въ пользу праваго «исполовника».

Поэтому, детальное опредѣленіе «четверти» и «частей» не играетъ здѣсь существенной роли; важно лишь одно, что здѣсь имѣется роепа, штрафъ и равномѣрность этого штрафа:—«четверть» ржи, хлѣба, слѣдовательно, и равное ей количество овощей и рыбы; ¼ изъ хлѣба,—¼ и съ огорода, и съ исада и т. д.

Разъ принципіально, научно-юридически вопросъ поставленъ правильно и понятъ вѣрно, то конкретная цифра здѣсь мало прибавитъ къ разъясненію существа дѣла. Важно фиксировать лишь одно,—что здѣсь рѣчь идетъ не о регламентаціи и регулированіи на почвѣ незаконныхъ поступковъ нормальной арендной платы, а о спорахъ и искахъ на почвѣ «отроковъ» въ древнемъ Псковѣ, съ наложеніемъ взысканія, роепа temere litigantium, на виновнаго въ пользу праваго, какъ «средства предупрежденія напрасныхъ тяжебъ». Это, и только это, по нашему мнѣнію, имѣетъ въ виду ст. 42 или стр. XII, 8—11 Псковской Судной Грамоты.

VI.

Положительно-юридическіе выводы.

Въ предыдущемъ изложеніи выдвинуты и разсмотрѣны главные, существенные моменты юридическаго института арендnаго землепользованія въ древнемъ Псковѣ, какъ они запечатлѣлись въ статьяхъ Псковской Судной Грамоты. Статьи эти касаются только того, что необходимо связано съ институтомъ аренды «исполу», т. е. самой нормы арендной платы «исполу» и акта «отрока», т. е. прекращенія арендныхъ правоотношеній между «государемъ» и «исполовникомъ». Все иное, не относящееся къ существеннымъ моментамъ института аренды, Псковская Грамота совершенно правильно и принципіально выдѣляетъ особо и относитъ къ добавочнымъ, побочнымъ моментамъ арендnаго землепользованія, имѣвшимъ мѣсто въ правно-хозяйственномъ быту нашихъ предковъ.

Но одного фактическаго констатированія еще мало для пониманія правовыхъ нормъ, или цѣлыхъ юридическихъ институтовъ. Необходимо постараться понять и выяснить формально-юридическій смыслъ и правно-политическое значеніе каждой правовой

нормы, каждаго правового института, иначе всѣ юридическія правила древняго памятника останутся для насъ безжизненными и какъ бы случайно занесенными каракулями на страницы законодательнаго акта. Жизнь общества, жизнь народа того времени не будетъ понята и раскрыта, если изслѣдованіе ограничится случайными догадками, безъ проникновенія въ правосознаніе населенія даннаго изучаемаго времени, опредѣляющее собою характеръ каждаго правового института. Выше были, думается, наглядно обнаружены ошибки изслѣдователей, происходящія отъ отсутствія надлежащаго научно-юридическаго метода изслѣдованія правовыхъ институтовъ и отъ примѣненія ненаучнаго метода случайныхъ догадокъ, въ счастливомъ случаѣ могущихъ оказаться правильными, но все же научно необоснованными. Избѣгая подобныхъ случайныхъ догадокъ во всемъ предыдущемъ изслѣдованіи и держась строгаго научно-юридическаго метода, обосновывающаго должнымъ образомъ выставляемыя положенія, слѣдуетъ теперь и посмотрѣть, къ какимъ результатамъ привело данное изслѣдованіе въ двухъ направленіяхъ: а) съ формально-юридической или догматической точки зрѣнія и б) съ правно-политической или народно-хозяйственной точки зрѣнія.

Первая, разсмотрѣнная выше, статья (стр. XII, 1—8 или ст. 42-ая) установляетъ единообразный срокъ «отрока» въ Псковской землѣ, равноправный и равномѣрный для «государей» и «исполовниковъ». Съ догматическо-юридической точки зрѣнія слѣдуетъ здѣсь сказать, что это правило юридически-безпристрастно и равномѣрно регулируетъ актъ прекращенія арендныхъ правоотношеній, создавая правовую норму единообразнаго и единовременнаго «отрока». Что касается, далѣе, правно-политической точки зрѣнія, то здѣсь слѣдуетъ указать, что правило это не имѣетъ въ виду защиты *частныхъ* интересовъ «государей», или «исполовниковъ», оно стоитъ не на *частно*-хозяйственной, но на *общенародно*-хозяйственной точкѣ зрѣнія, имѣя въ виду планомѣрную, единообразную циркуляцію хозяйственныхъ силъ въ Псковской землѣ для болѣе правильнаго и успѣшнаго функціонированія *общенароднаго* хозяйства.

Статья 63 или стр. XVII, 3—6 регламентируетъ и регулируетъ (какъ равно и статья 43 или стр. XII, 12 — 15) арендную плату

по нормѣ «исполу». Съ юридическо-догматической точки зрѣнія слѣдуетъ сказать, что здѣсь идетъ рѣчь о нормальной арендной платѣ по нормѣ «исполу» при законномъ «отрокѣ». Юридически-безпристрастно и равномѣрно данная правовая норма относится къ «отроку» какъ одной, такъ и другой стороны. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть никакой привилегіи для «государя» и никакого наказанія для «изорника», ибо статья закона направлена на регулированіе арендной расплаты, а отнюдь не на регулированіе какихъ-то наградъ и каръ для «государей» и «исполовниковъ». Нужно строго отграничивать различные правовые институты другъ отъ друга и не смѣшивать ихъ. Статья 43-я также имѣетъ смыслъ регулированія арендной платы «исполу», въ частности, для арендаторовъ-рыболововъ; тотъ же смыслъ имѣетъ статья, если даже понимать ее, какъ предписывающую уплатить нормальную арендную плату всякому «исполовнику», даже и небрежному, «заложившему», запустившему свое арендное угодье. Ни о чемъ иномъ не говоритъ и не можетъ говорить данная статья, ибо она относится къ институту арендnаго землепользованія и вытекаетъ изъ арендныхъ правоотношеній, гдѣ плата за аренду угодья является conditio sine qua non самаго института.

Съ правно-политической точки зрѣнія здѣсь слѣдуетъ снова указать, что статьи эти отнюдь не стоятъ на *частно*-хозяйственной защитѣ интересовъ и для нихъ не приспособлены, онѣ такъ же удачно построены на безпристрастной, *народно*-хозяйственной точкѣ зрѣнія, имѣющей въ виду не привилегіи, не частные интересы «государей», а *народное* хозяйство и общее хозяйственное благо, равномѣрно регулируя арендную плату за угодья по нормѣ «исполу». Не интересы и хозяйство того или иного *частнаго* собственника, «государя», имѣетъ въ виду Псковская Судная Грамота, принятая «*всѣмъ* Псковомъ на вѣчѣ», а *общенародное* благо и хозяйство, съ точки зрѣнія какового и оцѣнивается поведеніе какъ «государей», такъ и «исполовниковъ». Ибо не *частные* интересы, *какъ таковые*, дороги и важны для государства, а «интересы» *правопорядка* и *общенароднаго* хозяйства, *какъ таковыхъ*. Ибо право, а также законы, обычаи и т. п. слагаются не для отдѣльныхъ *частныхъ лицъ*, а для цѣлой *соціальной группы*, для ея блага или интересовъ. Поэтому,

Псковская Судная Грамота, какъ вѣрная отразительница народнаго правосознанія своего времени, стоитъ не на пристрастной *частно*-хозяйственной, а на нейтральной *народно*-хозяйственной точкѣ зрѣнія, безпристрастно регулируя правоотношенія, вытекающія изъ института арендаго землепользованія. Именно, такая точка зрѣнія только и даетъ безошибочный критерій и вѣрную возможность регулированія правомѣрнаго поведенія и обнаруженія неправомѣрныхъ поступковъ, привилегій и т. п. Держась же *частно*-хозяйственной точки зрѣнія подобное обнаруженіе и различеніе не всегда доступно и возможно, почему нѣкоторые изслѣдователи, какъ было показано выше, и впадали въ незамѣтныя для себя, но по существу крупныя юридическія ошибки.

Наконецъ, статья 42 или стр. XII, 8—11 имѣетъ въ виду споры и недоразумѣнія на почвѣ «отроковъ». Съ догматическо-юридической точки зрѣнія здѣсь такъ и слѣдуетъ имѣть въ виду только эти споры и иски, возникшіе на почвѣ «отрока». Ни о чемъ другомъ и не говоритъ данное постановленіе. Къ тому же, правило это, несомнѣнно, должно быть относимо къ обѣимъ сторонамъ арендной сдѣлки, не смотря на ея одностороннюю редакцію, для происхожденія каковой выше уже были указаны нѣкоторые мотивы. Съ правно-политической точки зрѣнія статья эта, разумѣется, не мирволитъ, не потворствуетъ ни «исполовникамъ», ни «государямъ», но, установляя взысканіе съ виновнаго за неправомѣрный искъ въ пользу праваго и невинно-потерпѣвшаго, является вполнѣ цѣлесообразнымъ «средствомъ предупрежденія напрасныхъ тяжебъ», столь обременительныхъ для суда того времени. Взысканіе, poena temere litigantium, имѣло въ виду угрозить злостному умыслу, предупредить неправомѣрные иски и тяжбы и наградить невинно-потерпѣвшаго за потерянное время и причиненные искомъ и процессомъ имущественные убытки. Это былъ вполнѣ цѣлесообразный штрафъ. Ни о какомъ регулированіи *нормальной* арендной платы на почвѣ *незаконныхъ* дѣйствій, *незаконныхъ* «отроковъ», конечно, здѣсь и рѣчи быть не можетъ, ибо это вообще юридическій nonsens.

Таковы постановленія Псковской Судной Грамоты, характеризующія юридическій институтъ «исполовничества» въ древнемъ Псковѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Институтъ „покруты“ и юридическое положеніе исполовниковъ.

I.

«Покрута». Ея значеніе въ институтѣ половничества.

Разсмотрѣвъ статьи Псковской Судной Грамоты, опредѣляющія существенные, главные моменты института «половничества»,—общую норму арендной платы «исполу» и общій срокъ «отрока», равномѣрнаго и равноправнаго для обѣихъ сторонъ арендной сдѣлки,—слѣдуетъ теперь перейти къ разсмотрѣнію косвенныхъ, побочныхъ условій при заключеніи юридической арендной сдѣлки, каковыхъ весьма подробно касается Псковская Судная Грамота. И здѣсь характерно отмѣтить, что и въ данномъ вопросѣ Псковская Судная Грамота стоитъ на должной высотѣ въ своей юридической квалификаціи, правно-удачно отражая въ себѣ сущность дѣла, отнюдь не смѣшивая, но, именно, выдѣляя побочныя, косвенныя условія, возникавшія при арендномъ соглашеніи, изъ сферы существенныхъ моментовъ, составлявшихъ conditio sine qua non самаго института арендnаго землепользованія.

Такія косвенныя, добавочныя условія, несомнѣнно, существовали во Псковѣ и возникали, естественно, въ силу фактической хозяйственной обстановки землепользованія того времени. Земледѣлецъ, садившійся «на село у государя» часто, а можетъ быть эпидемически не могъ приняться за хозяйство безъ посторонней помощи. Личными собственными силами и средствами онъ не могъ надлежащимъ образомъ хозяйственно функціонировать; ему не-

обходима нужна была посторонняя поддержка, матеріальная помощь. Изслѣдователи нашей старины согласно констатируютъ трудность воздѣлыванія земли на нашемъ сѣверѣ и даже центрѣ древней Руси, а Псковская земля, какъ разъ, и находилась въ полосѣ умѣренно-сѣвернаго пояса. [1]). «Государи»-землевладѣльцы охотно прибѣгали на помощь къ исполовникамъ въ подобныхъ случаяхъ, ибо имъ важно было широко вести свое хозяйство, а потому и выгодно было сдавать землю арендаторамъ, снабдивъ ихъ при этомъ всѣмъ необходимымъ для заложенія, устройства первоначальнаго хозяйства. Чѣмъ большее количество земли сдастъ «государь» въ аренду, чѣмъ лучше будетъ сразу поставлено хозяйство на его «селѣ», тѣмъ скорѣе можно ожидать благопріятной хозяйственной производительности и большаго урожая, что уже, само по себѣ, весьма выгодно землевладѣльцу (какъ равно и земледѣльцу) получавшему со всего угодья «половину» урожая или улова по законной нормѣ «исполу». Помощь эта оказывалась и деньгами, и натуральными хозяйственными продуктами. Общее наименованіе этой помощи «государей» было въ древнемъ Псковѣ одно, оно опредѣлялось характернымъ терминомъ того времени «покрута», что вообще означало снабженіе, снаряженіе и т. п.

Въ нашей наукѣ до настоящаго времени идетъ нескончаемый споръ по поводу существа даннаго хозяйственнаго фактора при поселеніи арендатора «на селѣ у государя». Конечно, псковичи и сама Псковская Судная Грамота хорошо знали, что такое «покрута» и споровъ по существу о данномъ факторѣ тамъ не бывало, что можно заключить изъ самой Псковской Грамоты, являющейся вѣрнымъ правовымъ мѣриломъ спорныхъ, тяжебныхъ отношеній въ «стольномъ городѣ Псковѣ». Въ Грамотѣ рѣчь идетъ о «покрутѣ» неоднократно, но лишь о способахъ взысканія таковой съ исполовниковъ, а не о спорахъ о

---

[1]) *А. Рейцъ.* Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. М. 1836, стр. 146 и др. *И. Д. Бѣляевъ,* Крестьяне на Руси, 1879, стр. 17—18; 27—29 и др. *М. А. Дьяконовъ*, Очерки общественнаго и государственнаго строя. 1908. I, стр. 323—33. «Земледѣліе»—статьи *А. Совѣтова*, *Н. Карышева*, *В. Р.* и др. въ „Энциклопед. Словарѣ“,—Брокгауза-Ефрона, полут. 23.

существѣ «покруты». Псковская Судная Грамота вѣрно понимаетъ данный факторъ при арендныхъ отношеніяхъ «государей» и «исполовниковъ» и отводитъ ему должное мѣсто въ принципіально-правовомъ смыслѣ, юридически квалифицируя его, какъ косвенный, побочный элементъ въ институтѣ арендnаго землепользованія.

Выше были приведены и разсмотрѣны статьи Грамоты, относящіяся къ главному, существенному элементу института аренды—арендной платѣ за угодье «исполу». Но ни въ одной изъ соотвѣтствующихъ статей не было ни слова о «покрутѣ», ибо «покрута»—не специфическое начало института арендnаго землепользованія. Какъ было показано выше, «отрокъ» съ обѣихъ сторонъ могъ быть произведенъ однажды въ году «о Ѳилипповѣ заговѣньѣ» (стр. XII, 1—8 или ст. 42), для правомѣрнаго осуществленія его требовалось лишь одно условіе, а именно, полученіе «государемъ» нормальной арендной платы за свое угодье по нормѣ «исполу» (стр. XVII, 3—6 или ст. 63). Съ выполненіемъ данныхъ двухъ условій — срока «отрока» и платы «исполу»—исполовникъ могъ уйти отъ «государя», т. е. прекратить ту правовую связь, которая существовала между ними до «отрока», на основаніи заключенія арендной сдѣлки (стр. XII, 12—15 или ст. 43). Выполненіемъ этихъ, требуемыхъ закономъ, условій со стороны «исполовника» «государь» долженъ былъ вполнѣ удовлетвориться и ни на что большее при «отрокѣ» не претендовать. Какъ видно, о «покрутѣ» нигдѣ здѣсь рѣчи нѣтъ. Слѣдовательно, во Псковѣ ясно умѣли отличить арендную плату за угодье, какъ conditio sine qua non института аренды, отъ «покруты», какъ косвеннаго условія, юридически-случайно возникавшаго при арендномъ землепользованіи. Вотъ почему при «отрокѣ» и его дѣйствительной реализаціи не требуется вовсе одновременнаго же возвращенія и «покруты». Ибо «покрута», какъ косвенное, подсобное явленіе при поселеніи арендатора «на селѣ у государя», разсматривается Псковской Грамотой, именно, какъ таковое. Она специфически связывается съ *долгомъ* арендатора—будь то заемъ или ссуда—и по Псковской Судной Грамотѣ взыскивается, не какъ арендная плата, а какъ обыкновенный долгъ исполовника. Исполовникъ получившій «покруту» могъ правомѣрно «отречься

отъ государя», какъ гласитъ Грамота, не возвращая ему одновременно при этомъ взятую «покруту», но лишь выполнивъ необходимыя существенныя условія аренды—о срокѣ «отрока» и арендной платѣ за угодье по нормѣ «исполу». «Государь» не имѣлъ права «запереться» такого «отрока» и не выпустить «исполовника», но онъ могъ добровольно получить свою «покруту» послѣ «отрока», или вчинить искъ противъ отошедшаго своего должника, не уплатившаго «покруты» и взыскать по суду свою «покруту». Личнаго задержанія Псковская Судная Грамота не допускаетъ. Таково правовое воззрѣніе псковичей, «людей добровольныхъ», таково ихъ правильное разумѣніе правового смысла института арендnаго землепользовнія—«исполовничества».

Первая статья Псковской Судной Грамоты (стр. XII, 15—20 или ст. 44), касающаяся «покруты» и опредѣляющая ея имущественное содержаніе, гласитъ:

А г[осу]д[а]рю на йзорники, йли на огородники, йли на кочетники волно[а] й в[ъ] закличь[б] своеи покруты[в], й[г] сочит[и][д] серебра[е] й всякои верши[ж] по имени[з] йли пшеница яро[и][и] йли озимои й по отр[о]ку г[осу]д[а]р[е]ву[і], йли самъ отречется[к].

Примѣчанія: *а.* «Волно»—вольно, т. е. свободно, съ полнымъ правомъ, по доброй волѣ (И. И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 297). *б.* «Закличь»—устное, гласное заявленіе, обнародованіе, кличъ на торгу, на площади предъ народомъ. (И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр, 919. Мурзакевичъ, Пояснительн. Словарь, стр. 5). «Въ закличь сочить»—искать, требовать свой долгъ съ кого-либо публично, предъ народомъ, какъ бы призывая его въ свидѣтели, или въ судьи по поводу своего иска. Несомнѣнно, такой порядокъ взысканія долга могъ получить довольно широкое примѣненіе въ вѣчевыхъ городахъ, гдѣ граждане привыкли смотрѣть на народъ, какъ на высшую силу и мѣру права, а потому и было въ обычаѣ обращаться къ его суду и голосу: «гласъ (судъ) народа—гласъ (судъ) Божій», гласитъ русская пословица. *в.* «Покрута»—характерное выраженіе Псковской земли, происходитъ отъ глагола «покрутити»; «покручати», что значитъ снабдить, снаряжать, собрать и т. п. «Покрута»—подмога для обзаведенія хозяйствомъ, заимообразная безпроцентная ссуда, даваемая «государемъ» исполовнику на все время его «сидѣнія на селѣ». (И. Срезневскій, Матеріалы, т. II, стр. 1117: «покрута», «покрутити» и еще стр. 1058—59: «подъ крута». Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 8. В. Даль, Словарь, слово «покрута»). *г.* Въ данномъ мѣстѣ текстъ, вѣроятно, нѣсколько испорченъ и далъ

поводъ къ разногласію. И. Энгельманъ, напр., читаетъ такъ: «въ закличь своей покрутыи сочить» сливая данное «й» со словомъ «покруты». Но такое чтеніе представляется неправильнымъ: во 1-хъ, потому, что въ такой формѣ это слово не встрѣчается болѣе въ Грамотѣ, а всегда имѣется «покрута», «покруты» (ср. стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7 или ст. 81; стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—10 или ст. 76; стр. XX, 17—24 или ст. 94; стр. XX, 24—26—XXI, 1—4 или ст. 85; стр. XXI, 4—9 или ст. 86); во 2-хъ, данное «й» имѣетъ надъ собой особый значекъ, обозначающій, что оно должно стоять или одно, какъ союзъ, или же находиться въ началѣ слова, но не въ концѣ его; доказательствомъ тому служитъ вся Псковская Грамота, весь ея текстъ какъ подлиннаго списка, такъ и фототипіи въ изд. Арх. Ком. Слѣдуетъ читать иначе, а именно, какъ указано въ текстѣ. Т. е. «государю» предоставляется право и громогласно, публично объявлять о своей «покрутѣ» и «сочити», искать, требовать «покруты», называя ее «по имени», т. е. деньги, хлѣбъ и т. под., ибо «безымянные» иски не удовлетворяются по Пск. Судн. Грамотѣ: стр. XII, 20—23 или ст. 45. *д.* «Сочити»—искать, требовать по суду (И. Срезневскій, Матеріалы, т. III. В. I, стр. 471). *е.* «Серебра»—т. е. денегъ, данныхъ исполовнику, какъ «покруту» (И. Срезневскій, Матеріалы, т. III. В. I, стр. 335—337 и стр. 479—480). *ж.* «Верши»—выраженіе это не даетъ яснаго понятія, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь, ибо есть два слова: «вершь» и «верша», различныя по значенію, но въ родительномъ падежѣ звучащія одинаково: 1) «Вершь»—хлѣбъ, жито (Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 467 «вершь» и стр. 878—879 «жито»=хлѣбъ (особенно рожь) на корнѣ и въ землѣ. Академическій Словарь: «вершь» Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, «вершь»—«жито» или сѣно въ стогу, скирдѣ». В. Даль, Словарь: «вершь»—жито хлѣбъ, но не зерно; а растеніе, именно, молодой всходъ, побѣгъ, верхъ, вершье». В. И. Сергѣевичъ, Юрид. Древности, т. I. 1890, стр. 190). 2) «Верша»—рыболовная снасть, приборъ, снарядъ для ловли рыбы (Академич. Словарь: «верша». И. Срезневскій, Матеріалъ, т. I, стр. 467. Мурзавевичъ, Op. cit., Словарь: «верша»—рыболовная, плетеная изъ прутьевъ, корзинка». В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др. I, стр. 190). Слово это встрѣчается еще однажды въ Псковской Грамотѣ, но опять въ томъ же падежѣ, а потому и неясно: стр. V, 11—17: «иметь искать соблюденія, или верши»... *з.* «По имени»—т. е. съ обозначеніемъ предмета иска, его количества, качества и т. д.; въ противномъ случаѣ искъ не удовлетворялся: стр. XII, 20—23 или ст. 45 и еще V, 17—20 или ст. 19. *и.* Въ текстѣ списка и фототипіи написано: «ярони ли озимой», вѣроятно, слѣдуетъ читать: ярой или озимой. *і.* «По отроку государеву», т. е. послѣ того, какъ «государь отречетъ» исполовника. *к.* «Или самъ отречется»—т. е. послѣ того, какъ самъ исполовникъ «отречется». Итакъ, слѣдовательно, статья постановляетъ, что хозяинъ имѣлъ право даже публично, «въ закличь» взыскивать свою «покруту» послѣ «отрока», если исполовникъ

не выплачивалъ ее добровольно; но de jure невыплата «покруты» отнюдь не мѣшала осуществленію «отрока», а потому арендныя отношенія могли прекратиться и безъ выплаты «покруты», ибо «покрута»—ссуда, долгъ, но не арендная плата, какъ ошибочно полагали И. Энгельманъ (Op. cit., стр. 55) и Θ. Устряловъ (Op. cit., стр. 169—170, прим. 101 и стр. 190). Эта «покрута» могла состоять и въ «серебрѣ»—деньгахъ, и въ «верши»—хлѣбѣ, рыболовной снасти. Слѣдовательно, она была и денежная и натуральная.

Это постановленіе Псковской Судной Грамоты не вызываетъ разногласій по своему существу, по общему правовому смыслу; всѣ согласно констатируютъ, что оно гарантируетъ хозяйственные интересы «государей», предоставляя имъ право иска по «покрутѣ» даже «въ закличь». Расходятся только въ пониманіи деталей содержанія статьи, а именно, «покруты», «верши» и т. п.

Такъ, И. Энгельманъ говоритъ: «Когда при прекращеніи договора содержатель не платилъ своевременно «покруты», тогда «государю», кромѣ обыкновеннаго суда, предоставлялось право вызывать его для рѣшенія этого спора на судъ предъ обществомъ («въ закличь сочить»). [1]) Но «покрута» для Энгельмана—не то, что всѣ разумѣютъ подъ этимъ техническимъ выраженіемъ. Во 1-хъ, «покрута», по его мнѣнію, то же самое, что и арендная плата, «оброкъ», т. е. «производимая содержателемъ плата за наемъ»; какъ арендная плата, «оброкъ», состояла «въ четвертой части дохода», такъ и «обыкновенная «покрута» изорника состояла въ четвертой части доходовъ». [2]) Въ 2-хъ, въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «покрута» «означаетъ вообще деньги, платимыя государю изорникомъ», т. е. не только «оброкъ» и т. п. [3]). Въ 3-хъ, «покрута»—уже «въ частности деньги, данныя изорнику въ подмогу» [4]).

Такое тройственное значеніе едва-ли могло, однако, совмѣщаться въ одномъ терминѣ, имѣющемъ такое широкое примѣненіе въ хозяйственномъ быту Псковской земли. Если бы «покрута», дѣйствительно, имѣла столько значеній, то трудно

---

[1]) Op. cit., стр. 57—58.
[2]) Op. cit., стр. 49 и стр. 55.
[3]) Op. cit., стр. 52 прим. *a*.
[4]) Op. cit., стр. 52 прим. *a*.

было бы въ каждомъ конкретномъ случаѣ опредѣлить, о какой «покрутѣ» идетъ рѣчь и суду стоило бы не малыхъ хлопотъ разобраться въ такихъ житейскихъ хозяйственныхъ разновидностяхъ «покруты». Законодательный памятникъ, точно фиксирующій нормы и значенія терминовъ, не могъ бы надлежащимъ образомъ функціонировать, не придавъ опредѣленнаго юридическаго смысла каждому термину, ибо въ противномъ случаѣ получалась бы двусмысленность, termini aequivoci, и ео ipso невозможная для суда путаница понятій и самыхъ дѣлъ. Несомнѣнно, подлинная Псковская Грамота, какъ законодательный кодексъ, знала только одинъ смыслъ, одну «покруту» и отнюдь не отвѣтственна за двусмысленности г. Энгельмана.

Что «покрута»—не «*вообще* деньги», видно уже изъ данной статьи Грамоты, гдѣ говорится о «покрутѣ» какъ о «верши» и «пшеницѣ», а эти натуральные продукты Псковская Судная Грамота отдѣляетъ отъ денегъ, какъ таковыхъ. Она знаетъ и счетъ денегъ: «рубли», «гривны» «деньги», [1]) а также умѣетъ оцѣнивать ими и живой хозяйственный инвентарь, какъ-то, барана, овцу, куръ, гусака и проч. [2]) Что «покрута»—не есть «оброкъ» или арендная плата, это видно опять таки изъ самой статьи, которая указываетъ, что «покрута» взыскивается послѣ «отрока» — «по отроку», какъ гласитъ сама Судная Грамота. А, между тѣмъ, арендную плату «исполу» Грамота постановляетъ взыскивать не «*по* отроку», а, именно, *при* «отрокѣ», употребляя при этомъ даже будущее время: «а которой изорникъ *отречется*... или государь его *отречетъ*»... и затѣмъ безъ всякаго суда «государю взяти», причитающуюся ему «половину», т. е. арендную плату «исполу», а изорникъ «половину» по праву оставляетъ себѣ [3]). Безъ этого основного условія, conditio sine qua non института аренды, невозможно осуществленіе и «отрока».

Псковская Судная Грамота, какъ юридическій регуляторъ общественныхъ отношеній «людей добровольныхъ» Псковской земли, весьма удачно понимаетъ институтъ найма вообще [4]), а аренды въ

[1]) Напр., см. самый конецъ Грамоты, а также ея начало.

[2]) Стр. XXVI, 25—26—XXVII, 1—4 или ст. 112.

[3]) Стр. XVII, 3—6 или ст. 63; ср. стр. XII, 12—15 или ст. 43

[4]) Стр. XI или ст. 39; 40; 41 по Христоматіи проф. Владимірскаго-Буданова.

частности; только специфически присущее данному институту относитъ она къ арендѣ и заставляетъ выполнить при прекращеніи таковой, все же побочное, косвенное понимаетъ именно, какъ таковое, въ частности «покруту», какъ подмогу, ссуду на время аренды. И. Энгельманъ признаетъ, между прочимъ, что «покрута»—«деньги, данныя изорнику въ *подмогу*». Самое уже слово «подмога» не должно давать никакихъ сомнѣній о существѣ «покруты», которая есть, именно, подмога, подсобный элементъ при арендѣ, а не самая арендная плата, какъ необходимый факторъ института аренды. Только такое значеніе и возможно придавать «покрутѣ», только его и знаетъ, и имѣетъ въ виду Псковская Судная Грамота.

Ѳ. Устряловъ [1]) понимаетъ «покруту» весьма своеобразно, въ связи съ своимъ пониманіемъ изорника, какъ «закупа» [2]). Данное постановленіе онъ толкуетъ такъ: «хозяинъ имѣетъ право подать изустное объявленіе и взыскивать съ сельскаго наемника, огородника, или четника отданныхъ впередъ денегъ, хлѣбныхъ зеренъ, пшеницы яровой или озимой, поименно и считая по срокъ отказа; онъ также можетъ не воспользоваться своимъ правомъ» [3]). «Отданныя впередъ деньги» Устряловъ и понимаетъ, какъ «покруту». «Покрута значила не что иное, какъ плату или вещи, которыми хозяинъ какъ-бы снабжалъ изорника впередъ, въ видѣ платы; послѣдній, въ свою очередь, ручался свободою за исполненіе наемныхъ работъ» [4]). Итакъ, изорникъ—«закупъ», личный наймитъ, а «покрута» — «отданная впередъ» плата, за которую изорникъ «ручался свободою».

Однако, что изорникъ—не личный наймитъ, объ этомъ гласятъ иныя статьи Грамоты, посвященныя вопросу о личномъ наймѣ (ст. 39; ст. 40 и ст. 41), а что «покрута»—это подмога и т. п., а не спеціальное средство закабаленія исполовниковъ, видно также изъ самой Грамоты (подробнѣе объ этомъ дальше). Къ тому же, по-

---

[1]) Изслѣдованіе Пск. Судн. Грамоты, стр. 169—170.

[2]) Op. cit., стр. 52; стр. 166 прим. 95; стр. 169—170 прим. 101. Ср. еще стр. 154 прим. 53 и стр. 169 прим. 99, а также стр. 188: слово «изорникъ».

[3]) Op. cit., стр. 130 и стр. 54.

[4]) Op. cit., стр. 169—170 прим. 101. Ср. еще стр. 169 прим. 99 и стр. 190: слово «покрута», а также стр. 188: слово «изорникъ».

слѣднюю фразу статьи 6. Устряловъ понимаетъ весьма своеобразно и «для ясности смысла» производитъ даже операцію съ перестановкою знаковъ препинанія. Переставивъ по своему знаки, онъ говоритъ: «безъ сомнѣнія въ настоящемъ случаѣ выраженіе «*или самъ отречется*» относится къ праву производить искъ, а не къ праву отказа найма» [1]), т. е., «государь могъ не воспользоваться своимъ правомъ» производить искъ «въ закличь». На это слѣдуетъ сказать, что «безъ сомнѣнія» авторъ неправъ въ своемъ искусственномъ толкованіи, ибо статья опредѣленно гласитъ: «и по отроку государеву, или самъ отречется» исполовникъ, гдѣ послѣднее выраженіе, «безъ сомнѣнія», относится, именно, къ «отроку» или «къ праву отказа». Исходя изъ ложнаго пониманія «покруты» и «изорника», 6. Устряловъ пришелъ, естественно, и къ ошибочнымъ выводамъ въ толкованіи статьи, которые заставили его «для ясности смысла», даже, «перемѣстить знаки препинанія», чтобы можно было говорить уже «безъ сомнѣнія». А на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго и не требовалось, а нужно было только прочесть правильно самую статью и не привносить въ нее ничего субъективнаго. А статья гласитъ: «государь» имѣетъ право искать съ своего исполовника «покруту», въ чемъ бы она не состояла, равно и послѣ своего «отрока», или же если исполовникъ «самъ отречется». Таковъ простой и ясный смыслъ постановленія Грамоты.

Другіе изслѣдователи, какъ Б. Н. Чичеринъ [2]), И. Д. Бѣляевъ [3]), М. Ф. Владимірскій-Будановъ [4]), В. И. Сергѣевичъ [5]), М. А. Дьяконовъ [6]), В. О. Ключевскій [7]), А. С. Лаппо-Данилевскій [8]), Н. Н. Дебольскій [9]), — всѣ они понимаютъ «покруту»,

---

[1]) Op. cit., стр. 170 прим. 103.

[2]) Опыты, стр. 192—194, а также стр. 201.

[3]) Крестьяне на Руси, стр. 24—28.

[4]) Христоматія, 1899. Вып. I. Стр. 166 прим. 104 и 105, а также: Обзоръ исторіи русск. права, стр. 37—38.

[5]) Юрид. Др., т. I. 1890, стр. 204—205, а также стр. 207.

[6]) Энциклоп. словарь, полут. 24, стр. 880. Очерки сельск. нас., стр. 80, 115, 118, 199 и др. а также: Очерки общ. и госуд. строя, стр. 97—98 и стр. 335.

[7]) Лекціи по русск. исторіи, т. II стр. 116—118.

[8]) Разысканія, стр. 17—18 прим. 1.

[9]) Гражданская дѣеспособность, стр. 125.

какъ пособіе, подмогу, особую ссуду для обзаведенія хозяйствомъ и т. под. Однако, данную статью все же не всѣ понимаютъ одинаково въ ея подробностяхъ, не смотря на согласіе въ общемъ пониманіи «покруты».

Такъ, одни изслѣдователи (Чичеринъ, Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ, Дьяконовъ и др.) понимаютъ, что рѣчь въ данной статьѣ идетъ только о взысканіи «покруты», какъ таковой, въ чемъ бы она не состояла, и сообразно съ этимъ толкуютъ и всю статью. Другіе же изслѣдователи (Бѣляевъ, Лаппо-Данилевскій, Дебольскій), хотя и признаютъ, что «покрута»—это подмога, ссуда, но считаютъ, что данное постановленіе имѣетъ въ виду взысканіе не только «покруты», какъ таковой, какъ специфическаго вида долга «исполовникокъ», но и всякаго долга вообще [1]).

Однако, послѣднее мнѣніе игнорируетъ дѣйствительное юридическое положеніе сельскаго населенія Псковской земли. Сельское населеніе—«изорники», «огородники», «кочетники»—вообще, «исполовники» были такія же personae въ правовомъ смыслѣ, какъ и всѣ вообще псковичи, «люди добровольные». Псковская Грамота, какъ актъ законодательства всенароднаго Псковскаго Вѣча, уже по самому существу своему имѣла въ виду все населеніе Псковской земли, всѣхъ «людей добровольныхъ». Она создавала и фиксировала юридическія правила для всѣхъ гражданъ «стольнаго города Пскова», а не для отдѣльныхъ категорій, сословій, или классовъ населенія. Общеправовыя начала, отображенныя въ юридическихъ статьяхъ закона, равномѣрно и равноправно относились ко всему вольному населенію Псковской земли. Судной Грамотѣ «стольнаго Пскова» должны были подчиняться *всѣ* безъ исключенія, ибо она создавалась для *всей* Псковской земли

---

[1]) Такъ, *И. Д. Бѣляевъ* говоритъ: «господинъ имѣлъ право требовать съ крестьянина все то, что онъ далъ ему въ *покруту* и *ссуду*» (Op. cit, стр. 24; ср. стр. 6). *А. С. Лаппо-Данилевскій* находитъ, что «въ статьѣ 44-ой рѣчь идетъ о вещахъ троякаго рода: 1) *покрутѣ*; 2) *«вершахъ»*, т. е. хлѣбѣ, «пшеницы ярой или озимой» и 3) *серебрѣ* (Разысканія, стр. 17—18 прим. 1. Ср. *Ѳ. Устряловъ*, Op. cit., стр. 54, 130, 169—170 прим. 101 и стр. 190). *Н. Н. Дебольскій* указываетъ, что рѣчь въ этой статьѣ идетъ во 1-хъ, о *«займѣ»*, а во 2-хъ о *«покрутѣ»* или «подмогѣ». (Гражданская дѣеспособность, стр. 125).

и была принята, какъ регуляторъ соціально-правовой жизни, «*всѣмъ* Псковомъ на вѣчѣ». Поэтому, и сельское населеніе, «исполовники», подчинялись данному вѣчевому установленію, оно и для нихъ являлось той же самой «хартіей вольностей», какъ и для всего вольнаго Пскова. Правда, Псковская Судная Грамота говоритъ о нихъ особо и посвящаетъ имъ особыя статьи, но понимать эти статьи, какъ обнимающія *весь* бытъ, *все* юридическое положеніе сельскаго населенія не слѣдуетъ, ибо данныя статьи имѣютъ въ виду извѣстный *спеціальный* юридическій институтъ—аренднаго землепользованія, точно такъ же, какъ Грамота говоритъ и объ институтѣ займа, ссуды, найма, наслѣдства и проч. Не сословіе, какъ таковое, выдѣляетъ и имѣетъ здѣсь въ виду Судная Грамота, а лишь *спеціальный* юридическій институтъ «исполовничества» съ его специфическими особенностями и казусами.

Поэтому, не ограничить права сельскихъ арендаторовъ — «исполовниковъ» — имѣла здѣсь въ виду Псковская Судная Грамота, но лишь офиціально квалифицировать обычно-правовыя нормы, присущія правно-хозяйственнымъ отношеніямъ, возникавшимъ на почвѣ аренднаго землепользованія. «Покрута», какъ особый факторъ правно-хозяйственныхъ отношеній во Псковѣ, *спеціально* относящійся къ обычно-бытовымъ условіямъ крестьянскаго землепользованія, естественно, и квалифицируется Грамотой въ связи съ институтомъ «исполовничества». Поэтому, въ данной статьѣ рѣчь идетъ, именно, о взысканіи «покруты», *какъ таковой*, въ чемъ бы она не заключалась, ео ipso о *специфическомъ* долгѣ «исполовника», возникавшемъ на почвѣ аренднаго землепользованія, а не о займѣ, не о ссудѣ вообще, для которыхъ имѣются иныя, соотвѣтственныя статьи въ Псковской Судной Грамотѣ, распространяющіяся, само собой разумѣется, и на сельское населеніе. Спеціальные юридическіе институты и квалифицируются спеціально, общія же правовыя начала регулируются общими нормами и общеобязательны для всѣхъ. Поэтому, напримѣръ, заявленіе И. Д. Бѣляева, что «господинъ имѣлъ право требовать съ крестьянина все то, что онъ далъ ему» и т. д., отнюдь не вытекаетъ *спеціально* изъ разсматриваемой статьи, а относится къ общеправовому началу относительно права

требованія отдачи долга, а данная статья имѣетъ въ виду лишь особый видъ иска и взысканія «покруты», какъ *специфическаго* долга «исполовниковъ».

Кромѣ этого, существуетъ еще одно разногласіе въ комментированіи даннаго постановленія. Что означаетъ выраженіе: «и всякой верши по имени»? Первый издатель Псковской Судной Грамоты, проф. Мурзакевичъ, привелъ въ своемъ «Пояснительномъ словарѣ» два значенія слова «вершь», имѣющія одинаковое написаніе въ родительномъ падежѣ: 1) «вершь—жито, или сѣно въ стогу, скирдѣ» и 2) «верша—рыболовная, плетеная изъ прутьевъ, корзина». Эти же значенія знаетъ и «Академическій Словарь» и «Толковый словарь» В. Даля. И. Энгельманъ, хотя и зналъ оба эти значенія (онъ ссылается на «Академ. Словарь»), но принялъ для статьи только первое изъ нихъ, переведя слово «верши»—какъ «хлѣбъ, жито» [1]). Къ такому пониманію склонились и многіе другіе изслѣдователи, какъ, напр., Ѳ. Устряловъ [2]), М. Ф. Владимірскій-Будановъ [3]), М. А. Дьяконовъ [4]), А. С. Лаппо-Данилевскій [5]).

Но уже вскорѣ же, послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія И. Энгельмана, Б. Н. Чичеринъ опубликовалъ свои «Опыты по исторіи русскаго права», гдѣ разошелся съ такимъ толкованіемъ выраженія «верши» [6]). Онъ говоритъ: «покрута» «могла состоять изъ денегъ, изъ разныхъ орудій, домашнихъ, земледѣльческихъ, рыболовныхъ, изъ хлѣба озимаго и ярового»; а дальше пишетъ такъ: «государь» могъ искать «покруту» въ закличъ... и при томъ сказавши именно, какія вещи онъ далъ крестьянину—серебро-ли, верши, пшеницу озимую или яровую». Такимъ образомъ, «верши»—это уже не жито, а «разныя орудія».

И. Д. Бѣляевъ разно понимаетъ это выраженіе. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: землевладѣлецъ... могъ и въ закличь искать своей ссуды, и серебра, и пшеницы, и *всякихъ доходовъ*»; въ

---

[1]) Op. cit., стр. 58 прим. *б*. Ср. еще стр. 112 прим. *в*.

[2]) Op. cit., стр. 155 прим. 56, а также стр. 54, 126, 130 и 186.

[3]) Хрестоматія, В. I, стр. 166 прим. 105 и 104. Ср. стр. 155 пр. 53.

[4]) Очерки общ. и госуд. строя, стр. 97.

[5]) Разысканія, стр. 17—18 примѣчаніе.

[6]) Опыты, стр. 192—193.

другомъ мѣстѣ онъ понимаетъ «покруту»—какъ *«рабочій скотъ, земледѣльческія орудія*, сѣмена и хлѣбъ на прокормъ и даже деньги», при чемъ ссылается на данную ст. 44-ую; а въ третьемъ говоритъ о «верши», какъ добавкѣ, добавленіи. Говоря объ условіи полученія «покруты» авторъ пишетъ: «впрочемъ это условіе вовсе не было общимъ и главнымъ, оно даже въ законѣ названо *вершью*, т. е. *дополненіемъ* главнаго условія земли» (Крестьяне на Руси, стр. 6, стр. 24—25 и стр. 28). Такимъ образомъ, получается *три* значенія одного выраженія въ одной и той же статьѣ закона! Это неправдоподобно и, думается, неправильно.

Однако, только В. И. Сергѣевичъ подвергъ критикѣ толкованіе слова «верши» И. Энгельмана. «Со времени выхода въ свѣтъ толкованій проф. Энгельмана, говоритъ онъ, слово «верша» принято переводить словами: жито, хлѣбъ. Академическій словарь, на который ссылается проф. Энгельманъ, знаетъ два слова: вершь и верша.

Верша означаетъ рыболовную снасть, а вершь—жито, хлѣбъ, но не зерно, а растеніе, именно, молодой всходъ, побѣгъ, верхъ, вершье (Даль)» [1]. «Верша»=рыболовная снасть и принимаетъ проф. Сергѣевичъ для Псковской Грамоты. Разбирая ст. 44 или стр. XII, 15—20, онъ говоритъ: «покрута дается, и серебромъ и зерномъ, и рыболовной снастью. Ст. 44» [2]. Такимъ образомъ, здѣсь уже вложено строго-опредѣленное пониманіе «верши»—какъ «рыболовной снасти».

Итакъ, имѣются три значенія «верши»: 1) хлѣбъ, жито; 2) разныя орудія; 3) рыболовная снасть. Относительно второго сразу же можно сказать, что оно неправильно, ибо, подкрѣпляющая его ссылка на данную (44-ую) статью, разумѣется, не выдерживаетъ критики, такъ какъ эту-то статью и ео ipso всѣ ея выраженія и требуется именно еще объяснить, а не просто ссылаться на нее, для, яко-бы, подтвержденія своихъ произвольныхъ мнѣній. Что же касается перваго и третьяго значенія, то они оба имѣютъ право гражданства въ древне-русскомъ языкѣ [3]), а потому на нихъ и слѣдуетъ остановиться.

---

[1]) Юридич. Древн., т. I, стр. 190.
[2]) Юрид. Др., т. I, стр. 205.
[3]) См. *И. И. Срезневскій*, Матеріалы т. I: слова: «вершь» и «жито».

Вдумываясь внимательно въ содержаніе текста данной статьи, слѣдуетъ сказать, что выраженіе: «и всякой верши по имени» имѣетъ здѣсь въ виду оба эти значенія: *вершь*—хлѣбъ, жито, рожь и *верша*—рыболовная снасть. Оттого то здѣсь и сказано и *всякой* верши», т. е. и хлѣба, ржи, жита и рыболовной снасти.

Затѣмъ-то, далѣе, и прибавлено «по имени», т. е. что «государь» долженъ былъ назвать опредѣленно, какой именно «верши» онъ ищетъ: жита-ли, ржи, или рыболовной снасти. Поэтому, оба пониманія, и Энгельмана, и Сергѣевича, являются односторонними.

Объясненіе такой односторонности должно видѣть въ слѣдующемъ. Выраженіе статьи «по имени» изслѣдователи, обыкновенно, противополагали тексту слѣдующей статьи, гдѣ имѣется выраженіе: «безымянно». Однако, правильнѣе относить это выраженіе «по имени» только къ тому, къ чему оно непосредственно относится, т. е. къ словамъ «всякой верши». Къ тому же, выраженіе «всякой» остается въ прежнихъ толкованіяхъ безъ всякаго объясненія.

Данное предположеніе имѣетъ за себя и доказательства. Во 1-хъ, непосредственно слѣдующая статья Грамоты опредѣленно постановляетъ: «а кто иметъ сочитъ... безымянно, ино той не доискался» (стр. XII, 20—23 или ст. 45). Это правило извѣстно всему Пскову и установлялось для всего населенія Псковской земли, не исключая и исполовниковъ; поэтому, едва-ли, еще требовалось постановлять спеціально, что «по имени» же «сочить» можно, это правомочно.

Во 2-хъ, самый текстъ разсматриваемой статьи сразу же показываетъ, что здѣсь все и такъ ищется не «безымянно». Въ ней все названо «по имени». А именно, «государю» предоставляется «сочити покруту»:—«серебра и всякой верши по имени, или пшеницы ярой или озимой». Слѣдовательно, самая «покрута» *названа* «по имени»—это «*серебро*», «*всякая вершь*» и «*пшеница*». «Серебро», въ свою очередь, также названо—это, разумѣется, *серебреныя деньги*; «пшеница»—также названа: «*яровая* или *озимая*»; остаются «верши». Вотъ тутъ то и необходимо это правило: «по имени», ибо «верши» могутъ быть и *хлѣбныя* и *рыболовныя*. Статья Грамоты и гласитъ: «и *всякой* верши *по имени*», т. е.

«государь» долженъ былъ обозначить въ искѣ, какой «верши» онъ ищетъ: хлѣбной, или рыболовной. Къ тому же, выраженіе «по имени» подразумѣваетъ несомнѣнно и опредѣленіе количества. Требуется назвать, какой, именно, «пшеницы», какого «серебра», какой «торговли», какой «поруки», какого «зблюденія», какой «ссудьи» и т. д.; а что при этомъ должно быть обозначено количество, сумма иска, это само собой разумѣется и неизбѣжно, особенно въ древнемъ правѣ, гдѣ требуется и дѣйствительно наблюдается точная фиксація размѣра иска, платежа, дабы не подавать поводовъ для излишнихъ споровъ и столкновеній [1]).

Въ 3-хъ, самое это выраженіе «по имени» стоитъ въ серединѣ текста и приложено, именно, къ «вершамъ», а потому только имъ и принадлежитъ, а ни чему иному; при противномъ пониманіи можетъ произойти аналогичное недоразумѣніе, какъ и съ выраженіемъ «или исполовникъ» въ ст. 43 или стр. XII, 12—15, которое нѣкоторыми изслѣдователями произвольно было перенесено туда, куда имъ казалось было нужно, согласно ихъ субъективнымъ желаніямъ. Выраженіе же нижеслѣдующаго текста «безымянно» стоитъ *послѣ* всего перечисленія, а не *среди* его, какъ употреблено выраженіе «по имени», которое тѣмъ самымъ уже относится ко «всякой верши», и тогда «верши»—жито, рожь, съ одной стороны,—рыболовная снасть, съ другой стороны.

Итакъ, данную статью слѣдуетъ читать такъ: «государю» предоставляется право даже «въ закличь» объявить и «сочить» своей «покруты», могущей состоять изъ денегъ, рыболовныхъ снастей, ржи, или пшеницы, назвавъ все по своему имени; это право онъ можетъ осуществить какъ послѣ своего «отрока», такъ и послѣ «отрока» исполовника, если, разумѣется, послѣдній добровольно не возвращалъ взятой «покруты» своему «государю».

Такимъ образомъ, ясно, что Псковская Судная Грамота вполнѣ умѣетъ отличать арендную плату «исполу» отъ «покруты» и не смѣшиваетъ ихъ даже при судебномъ взысканіи. Арендная плата должна быть выплачиваема при «отрокѣ», безъ чего немы-

---

[1]) Ср., напр., ту же Пск. Судн. Грамоту, гдѣ точно опредѣляются размѣры разныхъ «продажъ», цѣнъ и т. п., или, напр., Русскую Правду, требующую «знаменія» зуба или вырванныхъ волосъ etc. для точности иска.

слимо и самое прекращеніе арендныхъ отношеній, законное и нормальное; къ тому же, благодаря натуральной выплатѣ «исполу», она всегда могла быть уплачена и поэтому въ Грамотѣ даже нѣтъ и статей, которыя говорили бы о разныхъ способахъ и случаяхъ взысканія таковой, ибо ихъ и не возникало въ подлинной жизни Пскова. Но совсѣмъ иное представляла изъ себя «покрута», которая взыскивалась лишь послѣ «отрока», и которая порождала, несомнѣнно, споры и разныя неудобства при взысканіи. Дальше, напримѣръ, будетъ видно, что «покрута» взыскивалась не только послѣ законнаго «отрока», но во всѣхъ вообще случаяхъ прекращенія арендныхъ отношеній, какъ-то: бѣгства исполовника, или его смерти. Псковская Судная Грамота тщательно охраняетъ это несомнѣнное право «государя»—получить обратно свою «покруту» и предусмотрительно гарантируетъ ему такое полученіе.

Здѣсь возникаетъ еще одинъ вопросъ: могъ-ли «государь» потребовать отдачи «покруты» до «отрока», т. е. во время существованія и дѣйствія арендной сдѣлки, или же только послѣ «отрока», и, вообще, послѣ прекращенія таковой юридической сдѣлки? Внимая законодательному кодексу Псковской земли, необходимо остановиться на второмъ предположеніи, ибо всѣ статьи Псковской Судной Грамоты говорятъ о взысканіи «покруты» только *послѣ* прекращенія арендной связи «государей» съ «исполовниками». Таковы, именно, статьи: стр. XII, 15—20 или 44; стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7 или 51; стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—10 или 76; стр. XX, 17—24 или 84; стр. XX, 24—26—XXI, 1—4 или 85; стр. XXI, 4—9 или 86. О взысканіи же «покруты» при дѣйствіи арендныхъ отношеній нѣтъ ни одной статьи въ Грамотѣ. Это даетъ право заключить, что «покрута» — это не обыкновенный заемъ, или процентная ссуда, а спеціальная форма возвратнаго пособія, подмоги, но возвратнаго только тогда, когда прекращается аренда, прекращается та правно-хозяйственная связь, которая дѣлала «государя» и «исполовника» *своими*, какъ гласитъ не разъ Грамота, и прекращеніе которой дѣлаетъ ихъ *чужими* другъ другу. При наличности арендной связи «покрута» равно необходима какъ для исполовника, не могущаго безъ нея устроить свое хозяйство, такъ и для «государя», который заин-

тересованъ въ лучшей постановкѣ и веденіи хозяйства на его «селѣ», такъ какъ отъ интенсивности послѣдняго «государь» получалъ и большій доходъ—«исполу».

Такимъ образомъ, «покрута», какъ-бы, взаимо-подмога, связующая интересы и «государя», и «исполовника». Поэтому, пока они другъ другу «свои», пока, слѣдовательно, ихъ хозяйственные интересы идутъ параллельно, до тѣхъ поръ и, «покрута»—не личный только долгъ «исполовника», но просто подмога на обзаведеніе хозяйствомъ. Но какъ скоро ихъ взаимныя арендныя отношенія прекращаются, тотчасъ же на очередь выступаетъ вопросъ объ удовлетвореніи «государя» за «покруту», ибо данный, прекратившій аренду, исполовникъ уже не будетъ болѣе использовывать данную ему «покруту», на хозяйственное благо «государя», землевладѣльца, а потому послѣднему и необходимо было удовлетвореніе за свою «покруту», которая помогла исполовнику поставить его хозяйство въ болѣе благопріятныя условія и давать ему большую «половину» отъ урожая, т. е. необходимо было возвращеніе «покруты государевой». Ибо она была пособіемъ, подмогой только для *своего* арендатора, но она—не болѣе, какъ ссуда, заемъ для всякаго *чужого* «псковитина». А такимъ чужимъ «псковитиномъ» и становился всякій исполовникъ, коль скоро прерывалась та правно-хозяйственная связь, которая связывала «государя» и «исполовника» на почвѣ института арендаго землепользованія—«исполовничества».

Отсюда слѣдуетъ, что если «покрута» и не представляетъ собою специфическаго условія института аренды, то во всякомъ случаѣ она представляетъ собою специфическій видъ ссуды, долга, каковой въ равной степени былъ важенъ и для «государей» и для «исполовниковъ». «Покрута» равномѣрно помогала обѣимъ сторонамъ арендной сдѣлки, улучшая или облегчая веденіе хозяйства и давая возможность полученія большаго урожая, что въ равной степени было выгодно для обѣихъ сторонъ. Слѣдовательно, «покрута» играла, въ концѣ концовъ, важную роль въ смыслѣ повсемѣстнаго поднятія и улучшенія вообще *народнаго* хозяйства въ Псковской землѣ, воздѣйствуя въ то же время на *частные* хозяйственные интересы «государей» и «исполовниковъ».

Итакъ, «покрута»—это отнюдь не арендная плата, но особый видъ ссуды, возвратное пособіе, которое необходимо возвращалось «государю», разъ «покрута» не могла болѣе, переставала выполнять свое хозяйственное назначеніе на благо «государя». Псковская Судная Грамота отчетливо различаетъ «покруту» и арендную плату «исполу» и нигдѣ не смѣшиваетъ ихъ въ противоположность нѣкоторымъ современнымъ изслѣдователямъ. Это еще разъ свидѣтельствуетъ и документально подтверждаетъ взглядъ на Псковскую Судную Грамоту, какъ на памятникъ весьма удачно разбиравшійся въ юридическихъ понятіяхъ и нормахъ. Недаромъ, В. О. Ключевскій характеризуетъ «Псковскую Правду» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Правда различаетъ юридическія понятія, требовавшія развитого правосознанія, предусматриваетъ юридическіе случаи, какіе могли возникнуть въ живомъ и сложномъ гражданскомъ оборотѣ торговаго города. Въ ея опредѣленіяхъ имущественныхъ и обязательственныхъ отношеній сказывается чутье правды, стремившееся установить равновѣсіе борющихся частныхъ интересовъ и на немъ построить порядокъ, ограждаемый не только законами, но и нравами».

II.

Судебные споры о «покрутѣ».

Какъ при «отрокахъ» могли происходить и происходили споры и недоразумѣнія, которые необходимо было предусмотрѣть и строго-юридически квалифицировать въ законодательномъ кодексѣ, такъ и при взысканіи и возвращеніи «покруты», естественно, возникали всякія тренія и недоразумѣнія, а то и злостные споры, которые Псковская Судная Грамота, благодаря своему высокому юридическому достоинству и качеству, характерно отмѣчаетъ и юридически-удачно регулируетъ. И здѣсь прозорливое око псковскаго законодательства создавало соотвѣтственныя нормы, несомнѣнно, «требовавшія развитого правосознанія» псковскаго народа. Главнымъ поводомъ и столкновеніемъ при подобныхъ спорахъ являлся, вѣроятно, злостный умыселъ одной изъ сторонъ юридической сдѣлки—«государя», или

«исполовника». Псковская Судная Грамота и имѣетъ въ виду на первомъ планѣ такое столкновеніе или споръ арендатора съ арендодателемъ, и, хотя въ одномъ постановленіи, но даетъ вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе подобнаго злостнаго спора изъза «покруты».

Соотвѣтственная статья (стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7 или ст. 51-ая) гласитъ такъ:

А коли йзорникъ ймет[ъ] запирается оу г[осу]д[а]ря покруты, а молвитъ такъ: оу тебе семи на селѣ живал[ъ] [а], а тебѣ есми не виноват[ъ] [б]; іно на то г[осу]д[а]рю тому [в] поставит[и] люди сторонніе [г], человѣки Д і[ли] Ё, а тымъ людемъ сказати, какъ прямо пред[ъ] Б[о]гомъ [д]: какъ ч[ис]то [е] на селѣ сѣдѣлъ [ж]; йно [госу]д[а]рю, правда давши [з], взят[и] свое [и], йли йзорнику вѣритъ [і], то воля г[осу]д[а]р[е]ва [к]. А тол[ь]ко г[осу]д[а]рь не поставит[ъ] людей на то, что [л] йзорникъ на селѣ седѣлъ, йно тотъ ч[е]л[овѣ]къ [м] покруты своея не доискался [н].

Примѣчанія: *а.* «На селѣ живалъ»—т. е. жилъ, обиталъ (И. Срезневскій, Матеріалы, т. I стр. 865 и стр. 876). Слѣдовательно, изорникъ говоритъ, что онъ, дѣйствительно, жилъ «на селѣ у государя», т. е. арендовалъ землю и т. п., ибо только такъ и могъ жить «исполовникъ»-арендаторъ «на селѣ у государя». *б.* «Не виноватъ»—т. е. ничего не долженъ, въ долгѣ не повиненъ, не виноватъ (Срезневскій, Матеріалы, т. I. стр. 260. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 1). *в.* Т. е. который вчинилъ искъ, который ищетъ свою «покруту». *г.* «Люди сторонніе»—т. е. свидѣтели, незаинтересованные въ дѣлѣ люди. «Поставить люди сторонніе» — т. е. представить въ судъ свидѣтелей въ свою защиту, въ доказательство правоты своего иска. *д.* «Какъ прямо предъ Богомъ»—т. е. сказать всю правду, какъ бы самому Богу. *е.* «Какъ чисто»—т. е. какъ истинно, въ дѣйствительности, было дѣло (ср. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 12). *ж.* «На селѣ сѣдѣлъ — т. е. жилъ у «государя на селѣ», арендовалъ землю (Срезневскій, Матеріалы. т. I. стр. 876 и 865: «жити» и т. III. В. II. стр. 890: «сѣдѣти»), Слѣдовательно, свидѣтелямъ нужно было сказать: какъ арендовалъ землю изорникъ — съ «покрутой», или безъ нея, т. е. бралъ у «государя» «покруту», или нѣтъ. *з.* «Правда давши»—т. е. принеся присягу, послѣ показанія свидѣтелей. *и.* «Взяти свое» — т. е. выиграть искъ, получить свою «покруту». *і.* «Йли изорнику вѣритъ» — т. е. если «государь» не захочетъ присягать, то пусть предоставитъ присягнуть изорнику, пусть вѣритъ его крестному цѣлованію. *к.* Т. е. выборъ при-

сяги предоставляется всецѣло на волю «государя», — «то воля государева», т. е. какъ онъ хочетъ: или самъ присягаетъ, или вѣритъ присягѣ изорника. *л.* Здѣсь слово «что» употреблено въ смыслѣ «какъ», что, вообще, нерѣдко встрѣчается въ грамотѣ (см. стр. XIV, 23; стр. XXII, 23; стр. XXIII, 9 и др.). Такое пониманіе вполнѣ соотвѣтствуетъ и началу статьи, гдѣ указывается общая обязанность «стороннихъ людей» засвидѣтельствовать: «*какъ* чисто на селѣ сѣдѣлъ» изорникъ; здѣсь же, какъ разъ, указывается на обратное, т. е. если «государь» не представитъ свидѣтелей на то: «*какъ* изорникъ на селѣ седѣлъ». *м.* «Человѣкъ» — т. е. данный судящійся «государь». *н.* «Не доискался»—т е. проигралъ искъ, не доискался «покруты». Слѣдовательно, если изорникъ отрицалъ взятіе имъ «покруты», а «государь» не могъ представить свидѣтелей на то, что далъ изорнику «покруту», что изорникъ «на селѣ сидѣлъ» съ «покрутой», то терялъ искъ.

Это постановленіе при всей своей ясности и юридической послѣдовательности все же толкуется изслѣдователями различно, съ привнесеніями въ толкованіе субъективныхъ авторскихъ взглядовъ. И невольно приходятъ на память слова покойнаго проф. Леонтовича о хаосѣ въ нашей наукѣ, благодаря какому-то непонятному стремленію изслѣдователей непремѣнно не соглашаться съ своими предшественниками и высказать еще свое особое мнѣніе, вслѣдствіе чего накопляется прямо необозримая масса «воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ *личныхъ* мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода» [1]).

Эта горькая правда весьма примѣнима по отношенію къ Псковской Судной Грамотѣ, относительно статей которой создано столько различныхъ смысловъ, сколько изслѣдователей ихъ комментировало. Повидимому, это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что толкованія производились по преимуществу на основаніи разныхъ случайныхъ догадокъ, безъ примѣненія надлежащихъ научныхъ методовъ правно-историческаго изслѣдованія. Только научно-методическая критика, въ связи съ яснымъ пониманіемъ существа и историческаго значенія юридическихъ институтовъ, правильно можетъ выявить ошибки правно-историческихъ мнѣній и научно обосновать подлежащіе тезисы и соотвѣтственныя ученія. Безъ такой критики ошибочныя мнѣнія продолжаютъ

[1]) Ж. М. Нар. Пр. 1874. № 6.

благополучно существовать въ наукѣ и, даже, находятъ новыхъ послѣдователей.

Одинъ изъ первыхъ комментаторовъ Псковской Судной Грамоты, И. Энгельманъ, напр., такъ толкуетъ данную ст. 51-ую или стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7: «Когда изорникъ для избѣжанія платежа «покруты» утверждалъ, что не бралъ у хозяина земель въ содержаніе («на селѣ сидѣлъ»), а жилъ у него на селѣ только такъ («на селѣ живалъ»), въ такомъ случаѣ хозяинъ долженъ былъ представить свидѣтелей, человѣка 4 или 5, которые бы показали, что изорникъ дѣйствительно имѣлъ отъ него земли въ содержаніи. Затѣмъ вопросъ о платежѣ «покруты» рѣшался присягою хозяина. Если же онъ не хотѣлъ присягать, то долженъ былъ вѣрить изорнику» [1]).

Такое толкованіе возникло, несомнѣнно, изъ-за своеобразнаго (ошибочнаго) пониманія И. Энгельманомъ «покруты»—какъ арендной платы [2]). Авторъ заявляетъ, что «изорникъ для избѣжанія платежа «покруты» утверждалъ, что *не бралъ у хозяина земель въ содержаніе* («на селѣ сидѣлъ»), а жилъ у него не селѣ *только такъ* («на селѣ живалъ»). Однако, это ли, на самомъ дѣлѣ, утверждалъ изорникъ, согласно данной статьѣ? Предварительно слѣдуетъ замѣтить, что дѣлать различіе между словами «сидѣлъ» и «живалъ» нѣтъ никакого основанія (и авторомъ такового не указано). Древне-русскій языкъ не знаетъ особаго различія значеній этихъ словъ; какъ то, такъ и другое означаютъ собою одно и то же и являются синонимами [3]). Далѣе, что значитъ: «жить на селѣ *только такъ*»? Извѣстно, какъ могли жить изорники «на селѣ у «государя»: они жили на условіяхъ *арендnаго пользованія* его угодьями. Поэтому, всякій «исполовникъ»—«изорникъ», «огородникъ», «кочетникъ»—живя «на селѣ у государя» eo ipso арендовалъ землю или воду. «Жить только такъ»—совершенно не вяжется съ положеніемъ арендатора-исполовника. Да и какой бы «государь» держалъ у себя такого изорника, который бы «жилъ

---

[1]) Гражданск. законы Пск. Судн. Грамоты, стр. 51—52.

[2]) Op. cit., стр. 55, а также стр. 49 и 52 прим. *a*.

[3]) См. *Срезневскій*, Матеріалы, т. I, стр. 865 и 876, а также т. III. В. II. стр. 890.

на селѣ только такъ», не работая, не арендуя, точно какой то «дачникъ». И что это за наивный арендаторъ, который вздумалъ бы вдругъ на судѣ утверждать, что онъ «жилъ на селѣ у государя только такъ», «здорово живешь», какъ говорится. Точно не та же Псковская Грамота, по которой его будутъ судить, установляла и регулировала арендное жительство исполовниковъ «на селѣ у государя». А что «изорникъ»—это арендаторъ, признаетъ и И. Энгельманъ.

О чемъ же гласитъ, на самомъ дѣлѣ, данная статья Грамоты, и что дѣйствительно утверждалъ на судѣ изорникъ? Текстъ статьи гласитъ: «а коли иметъ изорникъ запираться у государя *покруты*, а молвитъ такъ: у тебе есми на селѣ живалъ, а тебѣ *не виноватъ*». Отсюда ясно, что изорникъ «запирается» отнюдь не арендной платы, а именно «покруты»; объ арендной платѣ во Псковѣ по нормѣ «исполу» говорятъ другія статьи (43 и 63), изъ ст. 63 или стр. XVII, 3—6 видно, что «отречься у государя села»—значитъ отказаться отъ продолженія аренды, прекратить ту правно-хозяйственную связь, которая существовала между «государемъ» и «изорникомъ» во время дѣйствія арендной сдѣлки; здѣсь же рѣчь идетъ о взысканіи «покруты». И когда изорникъ «молвитъ такъ: у тебе есми на селѣ живалъ, а тебѣ есми не виноватъ», онъ тѣмъ самымъ утверждалъ самъ, что арендовалъ землю, «на селѣ у государя», но только «не виноватъ» въ «покрутѣ» т. е. онъ не долженъ «покруты», не виновенъ въ ея неотдачѣ, если бралъ «покруту» у «государя», или уже добровольно выплатилъ, вернулъ её «государю» и потому-то и «запирается покруты», какъ гласитъ статья Псковской Грамоты. И «люди сторонніе» должны сказать, «какъ прямо предъ Богомъ: какъ чисто на селѣ сидѣлъ» исполовникъ. Что онъ «на селѣ сидѣлъ», т. е. жилъ, какъ арендаторъ, объ этомъ даже и спора нѣтъ, это ясно, какъ Божій день, для всѣхъ, объ этомъ «молвитъ» и самъ «изорникъ», не въ этомъ здѣсь дѣло, а—въ томъ, какъ на самомъ дѣлѣ «изорникъ на селѣ сидѣлъ», «какъ чисто», дѣйствительно, онъ арендовалъ землю:—съ «покрутой» или безъ «покруты»?

Это выраженіе Грамоты лишній разъ указываетъ, что «покрута»—частное, подсобное явленіе при арендномъ землепользованіи

а не специфическое условіе аренды, какъ арендная плата, ибо, слѣдовательно, можно было арендовать и не беря «покруты». Если же «люди сторонніе» не покажутъ: «какъ чисто изорникъ на селѣ сидѣлъ», то «государь» и «покруты» своей «не доискался», что опять указываетъ на то, что «покрута» не связывалась специфически, не ассоціировалась съ арендой, съ институтомъ арендnаго землепользованія, какъ арендная плата, которой «государь» не могъ «не доискаться», ибо она выплачивалась натурально при самомъ «оброкѣ».

Близокъ къ такому пониманію и Ѳ. Устряловъ [1]). Онъ также понимаетъ «покруту», не какъ земледѣльческую ссуду, подмогу, sui generis, а какъ, «наемную плату», да къ тому же, выданную изорнику впередъ, за что послѣдній, «ручался своею свободою». Данную статью онъ толкуетъ такъ. «Если изорникъ начнетъ упорствовать въ возвращеніи хозяину данной ему впередъ платы, говоря, что жилъ у него на селѣ и потому въ правѣ ее удержать у себя, то хозяинъ долженъ представить (въ судъ) постороннихъ людей, человѣкъ 4 или 5, которые обязаны сказать, какъ прямо (право) предъ Богомъ, надлежащимъ-ли образомъ изорникъ жилъ въ селѣ; при этомъ хозяинъ, по своей волѣ, можетъ самъ дать присягу и взять то, чего домогался или повѣрить присягѣ изорника. Если же хозяинъ не представитъ людей, которые засвидѣтельствовали бы, какъ жилъ изорникъ у него на селѣ, то онъ теряетъ право на искъ о данной имъ впередъ платѣ». Почти тоже самое авторъ пишетъ и въ другомъ мѣстѣ по данному поводу (стр. 54). Вообще, довольно искусственное и странное въ деталяхъ толкованіе. Однако выраженіе: «жилъ на селѣ» Устряловъ толкуетъ правильнѣе, нежели Энгельманъ, а именно:—работалъ на землѣ господина, «выработалъ у него на селѣ условленное время» (стр. 54, ср. стр. 173 прим. 116 и стр. 145 прим. 17, а также стр. 187: «жить»). Данное толкованіе, какъ и толкованіе И. Энгельмана, ошибочно, именно, вслѣдствіе пониманія «покруты», какъ арендной, или наемной платы. Отсюда, имъ пришлось вкладывать, лично имъ надобный для объясненія статьи, смыслъ въ отдѣльныя выраженія текста Грамоты, смыслъ,

[1]) Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты, стр. 131.

или неправильный, или неясный и сбивчивый. Рѣчь здѣсь идетъ не объ арендной платѣ вообще, не о наемной платѣ, выданной изорнику впередъ, а также и не о доказательствѣ «сидѣнія», или «живанія» т. е. арендованія изорника «на селѣ у государя»,—рѣчь идетъ здѣсь о взысканіи «покруты», какъ особой земледѣльческой ссуды, хозяйственной подмоги, даваемой «государями» своимъ «исполовникамъ».

Послѣдующіе авторы понимаютъ «покруту», какъ спеціальную ссуду, подмогу и т. под., но, не смотря на это, все же различно толкуютъ данную статью, высказывая при этомъ свои личные, особые взгляды.

Такъ, Б. Н. Чичеринъ пишетъ: «Если изорникъ запирался въ «покрутѣ», говоря, что онъ живалъ у хозяина въ селѣ, но не долженъ ему ничего, то господинъ обязанъ былъ предварительно представить пять или десять (sic!) человѣкъ постороннихъ людей въ свидѣтели, что изорникъ дѣйствительно у него на селѣ не только живалъ, но и сидѣлъ, и потомъ присягнуть и взять искъ свой, или предоставить присягу отвѣтчику. Если же онъ постороннихъ свидѣтелей представить не могъ, то онъ лишался иска» [1]). Первое, что бросается въ глаза здѣсь, это слишкомъ свободное обращеніе съ подлинникомъ. Въ Грамотѣ опредѣленно сказано: «человѣки 4 или 5», а авторъ заставляетъ, вдругъ, «государя» представить 10 свидѣтелей! Даже высокій научный авторитетъ автора не оправдываетъ такого произвольнаго исправленія текста памятника. Далѣе, что значитъ это утвержденіе: «не только *живалъ*, но и сидѣлъ»? Оно оставлено авторомъ безъ разъясненія, но невольно наводитъ на сопоставленіе его съ аналогичнымъ утвержденіемъ И. Энгельмана: «жилъ только такъ» и проч.; ео ipso къ нему примѣнимы и всѣ вышеприведенныя возраженія по этому поводу. Однако, «покрута» для Б. Н. Чичерина—«временная ссуда», и въ этомъ пунктѣ онъ расходится какъ съ И. Энгельманомъ, такъ и съ Ѳ. Устряловымъ.

Весьма сходное мнѣніе высказалъ и М. Ф. Владимірскій-Будановъ по поводу данной статьи 51-ой. «Если изорникъ станетъ отвергать, что онъ бралъ у хозяина покруту (см ст. 44) и ска-

[1]) Опыты, стр. 193.

жетъ такъ: я жилъ въ твоемъ имѣніи, но не долженъ тебѣ, то хозяинъ долженъ поставить сторонних людей, человѣка 4 или 5, а тѣ люди должны сказать по совѣсти, какъ предъ Богомъ, что онъ дѣйствительно занималъ поле. Тогда предоставить хозяину, или пусть присягаетъ самъ и (присягнувши) получаетъ покруту, или пусть предоставляетъ изорнику. Но если хозяинъ не поставитъ свидѣтелей того, что дѣйствительно изорникъ занималъ поле, то хозяинъ лишается своей покруты» [1]). И тутъ же, въ скобкахъ, авторъ даетъ слѣдующее разъясненіе статьи. «Очевидно, что можно было *жить* въ имѣніи, но не занимать поля, можно было занимать поле, не получивши покруты. На судѣ первое рѣшается собственнымъ показаніемъ отвѣтчика; второе—свидѣтельскими показаніями сторонних людей; третье—присягою истца или отвѣтчика». Уже изъ-за одного этого разъясненія невольно слѣдуетъ предположить, что данное толкованіе не въ достаточной мѣрѣ обосновано. И дѣйствительно, сначала авторъ вѣрно понимаетъ, въ чемъ дѣло и говоритъ, что изорникъ дѣйствительно жилъ у «государя», но не долженъ ему «покруты», но далѣе уже онъ вступаетъ на скользкій путь, утверждая, что здѣсь рѣчь идетъ о «заниманіи поля», а не о «покрутѣ». Между тѣмъ, авторъ отличаетъ «покруту» отъ арендной платы (см. стр. 166 прим. 104 и 105) и поэтому здѣсь совершенно непонятно и неумѣстно утвержденіе о «заниманіи поля».

Ибо здѣсь рѣчь идетъ, именно, о доказательствѣ взятія изорникомъ «покруты», а отнюдь не объ арендованіи земли, не о «заниманіи поля». Но авторъ, повидимому, не внимаетъ этому и продолжаетъ далѣе: «если хозяинъ не поставитъ свидѣтелей того, что дѣйствительно изорникъ *занималъ поле*, то хозяинъ *лишается своей покруты*». Такое утвержденіе возможно только тогда, если бы хозяинъ предъявилъ искъ о взысканіи «покруты» къ такому изорнику, который у него никогда и не арендовалъ. Ибо если свидѣтели докажутъ, что изорникъ не арендовалъ, «не занималъ поля», то тѣмъ самымъ «хозяинъ лишался своей покруты», такъ какъ такому чужому изорнику, естественно, и «покрута» не могла быть выдана, ибо она дается только своему

[1]) Христоматія, В. I, стр. 168, прим. 112.

исполовнику для обзаведенія хозяйствомъ. Въ противномъ же случаѣ получается такая дилемма: или «покрута» есть «оброкъ», арендная плата (какъ понимаетъ И. Энгельманъ), или каждый исполовникъ *необходимо* долженъ былъ брать «покруту», т. е. «безпокрутныхъ» исполовниковъ во Псковѣ не было и юридически даже быть не могло. Ибо какъ же иначе понять утвержденіе, что если изорникъ не занималъ поля, то хозяинъ лишается покруты; что при обратной постановкѣ вопроса даетъ: изорникъ занималъ поле, хозяинъ получаетъ «покруту». Т. е. «занимать поле» и имѣть «покруту»—это специфически связанныя понятія при юридическомъ институтѣ арендnаго землепользованія.

Юридическій анализъ института аренды, и сама Псковская Судная Грамота, показываютъ, что это не такъ, и что «покрута» не есть conditio sine qua non института аренды. Но М. Ф. Владимірскій-Будановъ не внялъ этому и добавочнымъ примѣчаніемъ пытается разъяснить неудовлетворительное толкованіе. И здѣсь уже для него вдругъ стало «очевидно», «что можно было *жить* въ имѣніи, но *не занимать поля*». Т. е. авторъ, повидимому, приходитъ къ тому же толкованію, что и И. Энгельманъ, утверждавшій, какъ извѣстно, что арендатору «жить въ имѣніи» или «на селѣ у государя» можно было «только такъ», такъ сказать, на «дачномъ» положеніи. Выше уже была показана неправильность подобнаго утвержденія, а потому здѣсь останавливаться на этомъ особо не слѣдуетъ. Можно, развѣ, добавить, что «жить въ имѣніи, но не занимать поля» могли во Псковѣ или «кочетники», арендовавшіе «исады», или «огородники», снимавшіе не поле, не пахоту, а огороды. *Изорникъ* же «*жить* въ имѣніи, но *не занимать поля*» не могъ; онъ пахарь, ему и нужно было, именно, *поле*, а *не имѣніе* «государя». Послѣднее же добавленіе проф. Владимірскаго-Буданова: — «можно было занимать поле, не получивши покруты»—совершенно не соотвѣтствуетъ предыдущему заявленію автора, что если не будетъ доказано, «что изорникъ дѣйствительно занималъ поле, то хозяинъ лишается своей покруты». Эти два утвержденія не только не подкрѣпляютъ другъ друга, но исключаютъ одно другое и одновременно принимать ихъ для объясненія одного и того же мѣста статьи, является даже непонятнымъ и нѣсколько страннымъ.

Только благодаря такой непослѣдовательности, въ толкованіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова получилось и три способа рѣшенія даннаго спора, такъ сказать, три «воли»: первая — показаніе отвѣтчика, вторая—показаніе свидѣтелей, третья—присяга истца или отвѣтчика. Такія сложныя построенія совершенно излишни при толкованіи данной статьи, они лишь затемняютъ и запутываютъ простой смыслъ постановленія, выраженный въ статьѣ вполнѣ отчетливо. Съ юридической же точки зрѣнія, въ частности съ процессуальной, подобныя построенія судебныхъ доказательствъ сугубо неудовлетворительны.

Наконецъ, И. Д. Бѣляевъ кратко, но вѣрно толкуетъ разсматриваемую статью. «Ежели крестьянинъ будетъ отпираться отъ господскаго пособія (покруты) и скажетъ: «я у тебя жилъ на селѣ, а тебѣ ничѣмъ не виноватъ, т. е. не бралъ отъ тебя пособій», то законъ повелѣваетъ господину представить четверыхъ или пятерыхъ свидѣтелей изъ сторонніхъ людей, и рѣшить дѣло присягой. А ежели свидѣтелей не будетъ, то искъ не имѣетъ силы, и господинъ теряетъ право на требованіе покруты» [1]). Безъ объясненія подробностей здѣсь вѣрно передана мысль, лежащая въ основаніи статьи. А именно, возникъ искъ, вслѣдствіе «запиранія» изорника въ «покрутѣ» и, далѣе, описывается судебный процессъ и передается сущность содержанія спора.

Данное постановленіе (стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7 или ст. 51) весьма сходно по своему характеру съ постановленіемъ Грамоты на случай споровъ при «отрокѣ» (стр. XII, 8—11 или ст. 42); какъ тутъ, такъ и тамъ рѣчь идетъ о судебномъ спорѣ «государя» и «изорника», только тамъ относительно «отрока», а здѣсь относительно «покруты». Какъ тамъ возможно было видѣть злостный умыселъ одной изъ сторонъ, такъ и здѣсь виденъ этотъ умыселъ; данное постановленіе лишь нѣсколько подробнѣе развито и имѣетъ въ виду какъ умыселъ въ «запирательствѣ» со стороны «изорника», такъ и недобросовѣстность со стороны «государя», который не сможетъ поставить за свое дѣло свидѣтелей.

Но, вообще, Грамота, несомнѣнно, гарантируетъ права и

---

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 25.

интересы какъ «государей», такъ и «исполовниковъ», т. е. не стоитъ на *частно*-хозяйственной точки зрѣнія, а проводитъ нейтральную, объективную *народно*-хозяйственную точку зрѣнія, имѣющую въ виду общее благо всей Псковской земли, всего правопорядка и населенія.

Какъ справедливо указываетъ Н. Л. Дювернуа: «первая задача сторонъ, ставшихъ на судъ, заключается въ томъ, чтобы убѣдить судъ въ правотѣ своихъ притязаній. Именно *эти притязанія* долженъ признать судъ, судъ долженъ допустить, что съ правомъ согласно, съ правомъ вообще, взятымъ отвлеченно отъ конкретнаго случая... На судѣ должно *опредѣлиться*—что такое право, и кто изъ двухъ правъ» [1]). Вотъ почему даже въ юридическія статьи законодательнаго памятника вносится этотъ разговоръ, вѣроятно, обычный, стереотипный при разбирательствѣ подобныхъ казусовъ.

Въ чемъ же убѣждаютъ судъ стороны въ данномъ случаѣ? Развѣ въ правѣ на полученіе арендной платы, «оброка»? Отнюдь нѣтъ. Объ этомъ не можетъ быть даже и спора.

Арендная плата во Псковѣ, при ея натуральномъ характерѣ по нормѣ «исполу», не можетъ даже и вызвать подобнаго спора и иска. Вѣдь, эта плата не опредѣлена въ своемъ размѣрѣ заранѣе, не фиксирована въ опредѣленной суммѣ, а зависитъ отъ урожая или улова и всегда можетъ быть выплачена «исполовникомъ». Ибо, какой бы ни былъ урожай, половину арендаторъ всегда сможетъ заплатить арендодателю, и поэтому на этой почвѣ не можетъ быть и рѣчи о невыплатѣ арендной платы. «Запираться» арендной платы исполовникъ также не могъ, т. к. онъ не получилъ бы тогда и «отрока» и не могъ бы отойти отъ «государя», который всегда можетъ удержать изъ урожая и получить свою половину подъ охраной закона (ст. 63); къ тому же, здѣсь уже видно, что исполовникъ отошелъ отъ «государя», у котораго «живалъ», «сидѣлъ», т. е. арендовалъ землю прежде.

Не плата за аренду ищется здѣсь, а «покрута», т. е. спеціальная хозяйственная ссуда, sui generis, подмога, практиковавшаяся въ сельскомъ хозяйствѣ Псковской земли. Сама статья

---

[1]) Источники права, стр. 179.

Грамоты категорически свидѣтельствуетъ объ этомъ, глася: «а коли изорникъ иметъ *запираться* у государя *покруты*» и т. д. Слѣдовательно, искъ вчиненъ о «покрутѣ», и судъ долженъ рѣшить, именно, примѣнительно къ спору о «покрутѣ»—«кто изъ двухъ правъ». Вѣдь, изорникъ и самъ «молвитъ» на судѣ, что онъ, конечно, какъ арендаторъ, «живалъ на селѣ» у «государя», но отрицаетъ, «запирается», именно, «покруты», говоря, что въ ней «не виноватъ», т. е. никакой «покруты» не долженъ. Свидѣтелямъ, какъ людямъ постороннимъ, объективнымъ («люди сторонніе») и требуется подтвердить притязаніе «государя» на полученіе «покруты», т. е. сказать, какъ предъ самимъ Богомъ, по чистой совѣсти, по-истинѣ: имѣлъ изорникъ «покруту» отъ «государя» при своемъ арендованіи, или нѣтъ, «*какъ* чисто на селѣ сидѣлъ»—съ «покрутой», или безъ «покруты». Если «люди сторонніе» засвидѣтельствуютъ правоту притязанія «государя», то на послѣдняго возлагается еще одно могущественное для того времени испытаніе—дать присягу въ томъ, что онъ ищетъ справедливо, что, слѣдовательно, «люди сторонніе» имъ не введены въ заблужденіе, или не застращены, не подкуплены и т. под- Это требованіе присяги отъ «государя», послѣ даже показанія свидѣтелей, для подтвержденія правоты иска невольно наводитъ на мысль, что, вѣроятно, «государи» подобными исками не разъ злоупотребляли и компрометировались. Если же «государь» не осмѣливался призывать всуе имя Божіе, то онъ долженъ былъ тогда «вѣрить» изорнику, его присягѣ; «то воля государева», гласитъ статья, но ясно, къ чему влекла эта «воля»—онъ терялъ искъ, проигрывалъ дѣло, ибо изорникъ, какъ разъ, утверждалъ обратное утвержденію «государя». Также, если «государь» не представлялъ въ защиту своего притязанія свидѣтелей, то онъ проигрывалъ искъ, т. е. «*покруты* своея не доискался». Слѣдовательно, ясно, что рѣчь здѣсь идетъ, именно, о «покрутѣ» и только о ней, а ни о чемъ иномъ.

Н. Л. Дювернуа говоритъ, что во Псковѣ, «если не могло быть спора о правѣ, то потерпѣвшій имѣлъ за себя всѣхъ, кто зналъ» объ его правѣ [1]), а, слѣдовательно, если «государь» былъ

[1]) Источники права, стр. 27.

правъ, ему легко было найти для себя свидѣтелей, т. е. «сторонихъ людей». А что во Псковѣ дѣйствительно жило и дѣйствовало это могучее правило, видно, хотя бы, изъ ст. 44-ой или стр. XII, 15—20, согласно которой «государь» даже «въ закличь» ищетъ своей «покруты», ищетъ ее на торгу, на площадяхъ, призывая въ свидѣтели и судьи собравшійся народъ. Отсюда слѣдуетъ, что если статья закона предвидитъ уже заранѣе возможность непредставленія свидѣтелей, или отказъ отъ присяги, то одно это уже говоритъ за то, что «государи» въ среднемъ, caeteris paribus, бывали неправы, въ противномъ случаѣ они имѣли бы и необходимыхъ свидѣтелей, и не отказывались бы отъ присяги въ пользу исполовниковъ.

Что же касается требованія данною статьею усиленныхъ судебныхъ доказательствъ правоты иска о «покрутѣ», то это также понятно. Съ разрѣшеніемъ спора о «покрутѣ», обыкновенно, наступали крупныя послѣдствія, ибо для исполовника взысканная неправомѣрно «покрута» являлась кореннымъ раззореніемъ, рѣшала всю его дальнѣйшую судьбу, можетъ быть, доводя до нищеты, какъ его самого, такъ и всю семью. Разъ сама Псковская Судная Грамота отводитъ «покрутѣ» половину всѣхъ статей, относящихся къ юридическому положенію сельскаго населенія въ Псковской землѣ, то ясно, что рѣчь идетъ о серьезнѣйшемъ предметѣ, требующемъ тщательнаго и бережнаго разрѣшенія спора о немъ. Вотъ почему, сверхъ свидѣтельскихъ показаній, требуется еще и присяга. А извѣстно, къ тому же, что, «разсматривая принятіе присяги *какъ тяжесть*, Судная Грамота нѣсколько разъ указываетъ, что присяга не должна быть принимаема, совѣсть лица не должна быть отягчаема, когда есть другія средства убѣдить судъ» [1]). Только въ крайнемъ случаѣ, при разборѣ важныхъ дѣлъ, требуется это особое, можно сказать, чрезвычайное для того времени, доказательство правоты тяжущагося, въ видѣ принесенія присяги.

Сравнивая данную статью 51-ую со статьею 42-ю (стр. XII, 8—11), видно, что въ ст. 42-ой принесеніе присяги довѣряется только «исполовнику», а въ настоящей, 51-ой, статьѣ и «госу-

[1]) *Н. Л. Дювернуа*, Источники права, стр. 403.

дарю» и «исполовнику». А такъ какъ «допущеніе присяги, какъ главнаго средства доказывать, предполагаетъ большую долю довѣрія къ тому, чья affirmatio religiosa принимается за доказательство, поэтому она предоставляется лицу только въ нѣкоторыхъ указанныхъ закономъ случаяхъ, и тогда она составляетъ *право* этого лица» [1]). Отсюда можно заключить, что массовымъ обычнымъ опытомъ сложилось во Псковѣ убѣжденіе о принесеніи псковичами присяги на судѣ, «какъ главнаго средства доказательства» своей правоты, только тогда, когда совѣсть ихъ была чиста, когда присягу они почитали, именно, какъ свое *право*, осуществленія котораго они могли, даже, требовать; и сельское населеніе здѣсь выдвигалось, повидимому въ первый рядъ.

В. О. Ключевскій прекрасно поясняетъ такой судебный обычай въ древнемъ Псковѣ. «Такое довѣріе закона къ совѣсти тяжущихся должно было имѣть опору въ характерѣ самого быта. Герберштейнъ, собиравшій свои наблюденія и свѣдѣнія о Россіи немного лѣтъ спустя, послѣ паденія вольности Пскова, съ большой похвалой отзывается о благовоспитанныхъ и человѣчныхъ нравахъ псковичей, говоря, что они... отличались честностью и прямотой»... И далѣе прибавляетъ. «Въ псковскихъ нравахъ и заключалась нравственная сила, смягчавшая дѣйствіе противорѣчій, какія мы замѣтили въ политическомъ быту Новгорода, хотя элементы ихъ были на лицо и во Псковѣ».

Такимъ образомъ, слѣдуетъ прочно и убѣжденно признать, что статья 51-ая или стр. XIII, 23—26—XIV, 1—7 имѣетъ въ виду искъ о «покрутѣ», которой «запирается» изорникъ, и способы судебнаго доказательства правоты со стороны тяжущихся. Несомнѣнно, что это правило относилось во Псковѣ не только къ «изорникамъ», но и «кочетникамъ», и къ «огородникамъ», т. е., вообще, ко всѣмъ «исполовникамъ». Слѣдовательно, изъ вышеизложеннаго видно, что какъ на почвѣ «отрока», такъ и на почвѣ «покруты» могли возникать споры и недоразумѣнія, а тѣмъ самымъ и иски и процессы, каковые и предусматриваетъ Псковская Судная Грамота въ статьяхъ 42-ой и 51-ой, юридически квалифицируя ихъ разрѣшеніе.

---

[1]) *Н. Л. Дювернуа*, Источники права, стр. 403—404.

III.

Взысканіе «покруты» въ случаѣ бѣгства исполовника.

Предоставивъ «государю» право даже «въ закличь своей покруты сочити», а также разрѣшая юридическій casus, споръ «государя» и «исполовника» о «покрутѣ», Псковская Судная Грамота предусматриваетъ еще и другіе случаи взысканія «покруты». И здѣсь первымъ поводомъ былъ самовольный, несвоевременный, незаконный уходъ исполовника безъ отдачи «покруты», или, какъ говоритъ Грамота, когда «изорникъ съ села сбѣжитъ». Въ данномъ случаѣ, естественно, являлся вопросъ о вознагражденіи «государя» за выданную «покруту», точнѣе, о возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ «государемъ» съ потерею «покруты», вслѣдствіе бѣгства исполовника. «Покрута» была выдана, но не возвращена сбѣжавшимъ изорникомъ; отсюда, разумѣется, возникалъ искъ «государя» о возвращеніи «покруты» и ео ipso судебное разбирательство и удовлетвореніе истца.

Псковская Судная Грамота предусматриваетъ и разрѣшаетъ данный casus въ особомъ постановленіи (стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—10 или ст. 76), которое гласитъ такъ:

А которой йзорникъ с[ъ] села збежит[ъ] за рубеж[ъ][а], йли йндѣ гдѣ[б], а йзорничъ животъ[в] на сели останется, [а[г]] г[осу]д[а]рю покрута ймать[д] на йзорники, йно г[осу]д[а]рю оу князя й оу посадника[е] взят[и] пристав[ъ[ж]], да й старость губьских[ъ[з]] позвати й сторонних[ъ] людей[и], да тотъ[і] живот[ъ] йзорнич[ъ] пред[ъ] приставы й пред[ъ] сторонными люд[ь]ми[к] г[осу]д[а]рю попродати[л], да й поимати[м] за свою покруту; а чего не достанетъ[н], а по томъ времени[о] явится изорникъ, йно г[осу]д[а]рю добровольно[п] искат[и] остатка своего[р] покруты, а г[осу]д[а]рю пени[с] нѣт[ъ] а йзорнику на г[осу]д[а]ри живота не сочитъ (а сочит[и] псковскимъ...)[т].

Примѣчанія: *а.* «За рубежъ»—т. е. за границу Псковской земли. *б.* «Индѣ гдѣ»—т. е. куда-нибудь, гдѣ пребываніе его всеравно неизвѣстно. *в.* «Животъ»—т. е. имущество (ср. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 269). *г.* Смыслъ фразы требуетъ здѣсь вставки буквы «а», каторая въ древне-русскомъ языкѣ имѣла значеніе соединительнаго

*

союза «и». *д.* «Имать»—имѣетъ получить, причитается; вообще, выражается притязаніе, притязательное дѣйствіе (И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 1091—1092). *е.* Судъ князя и посадника былъ одинъ общій, юрисдикція ихъ одинакова (Ср. для этого Пск. Судн. Грамоту: ст. 2; 4; 61 и 109; а также и Новгор. Судн. Грамоту: ст. 2; 3; 5; 6; 9 и 27 по Христоматіи проф. Буданова, В, I, стр. 149 и сл. и стр. 360—361 и сл.). *ж.* Пристава—исполнительная власть при судѣ во Псковѣ (ср. Псковскую и Новгородскую Судныя Грамоты, а также, Дювернуа, Op. cit., стр. 360—368). *з.* «Старосты губскіе»—должностныя лица, имѣющія иногда исполнительную, иногда судебную власть. (Н. Л. Дювернуа, Op. cit., стр. 365—368. И. Энгельманъ, Op., cit. стр. 103. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, В. I, стр. 176—77). *и.* Т. е. безпристрастныхъ, постороннихъ лицъ, свидѣтелей. *і.* «Тотъ»—т. е., который остался «на сели», оставшееся имущество сбѣжавшаго изорника *к.* Вѣроятно, по ошибкѣ переписчика, пропущено упоминаніе о «губскихъ старостахъ». *л.* «Попродати»—т. е. распродать, оцѣнивши продать и т. п. (Срезневскій, Матеріалы, т. II, стр. 1.197. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 9). *м.* «Поимати»—т. е. взять, получить etc. (Срезневскій, Матеріалы, т. II. 1094—1095). *н.* «Не достанетъ»—т. е. не хватитъ; окажется мало имущества изорника для покрытія «покруты»; еще не достаетъ нѣкоторой суммы для выплаты долга по «покрутѣ». *о.* «По томъ времени»—т. е. послѣ того; послѣ распродажи имущества сбѣжавшаго изорника. *п.* «Добровольно»—т. е. «государю» предоставляется на добрую волю: искать или нѣтъ недохватившаго «остатка покруты»; но онъ во всякомъ случаѣ долженъ тогда вчинить новый искъ, въ чемъ ему и не можетъ быть запрета, а предоставляется на его добрую волю. *р.* Слово «своего» слѣдуетъ относить къ «остатку», а отнюдь не къ «покрутѣ». *с.* «Пеня»—т. е. запретъ; иногда-же: денежное взысканіе, наказаніе, штрафъ (Срезневскій, Матеріалы, т. II, стр. 895). *т.* Раздѣляя текстъ Псковской Судной Грамоты на отдѣльныя статьи, проф. Мурзакевичъ данную статью оканчиваетъ словами «а сочити псковскимъ»; перепечатывая въ своей Христоматіи, раздѣленный Мурзакевичемъ на статьи, текстъ Грамоты, М. Ф. Владимірскій-Будановъ напечаталъ также дословно и эту статью 76-ую. Однако, думается, что эти слова относятся къ послѣдующему тексту, т. е. къ ст. 77-ой, какъ ея начало. Нижеслѣдующій текстъ разъяснитъ данное предположеніе.

Это постановленіе Псковской Грамоты не вызываетъ особыхъ разногласій изслѣдователей относительно своего содержанія, за исключеніемъ самаго конца статьи, точнѣе, послѣднихъ словъ: «а сочити псковскимъ» [1]).

---

[1]) *Энгельманъ*, Op. cit., стр. 53. *Устряловъ*, Op. cit., стр. 55 и 134. *Бѣляевъ*, Op. cit. стр. 25. *Чичеринъ*, Op. cit., стр. 194. *Сергѣевичъ*, Юридиче-

Данная статья имѣетъ въ виду взысканіе «покруты» со сбѣжавшаго исполовника. Гарантіей такого взысканія, удовлетворенія «государя» за выданную и не возвращенную «покруту», является «животъ», имущество исполовника, оставшееся «на сели у государя»; способомъ взысканія, полученія «покруты» является распродажа «живота изорнича», т. е. оставленнаго имущества. Но имѣетъ здѣсь мѣсто не самовольная, безконтрольная распродажа «государемъ» этого имущества съ публичнаго торга, а узаконенная, такъ сказать, юридически квалифицированная. Для правомѣрности, правомочности своихъ дѣйствій по удовлетворенію за «покруту» «государю» необходимо въ каждомъ конкретномъ случаѣ обратиться съ искомъ къ суду князя и посадника и испросить у нихъ «приставъ» для контроля надъ распродажей, да, кромѣ того, «и старостъ губскихъ позвати», какъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, а также и «стороннихъ людей», какъ обычныхъ свидѣтелей при всякомъ серьезномъ судебномъ дѣлѣ. Только предъ ними, въ ихъ присутствіи и можетъ «государь», «тотъ животъ изочничъ попродати», т. е. подъ строгимъ контролемъ государственной власти, въ лицѣ данныхъ должностныхъ лицъ, а также и общества, въ лицѣ «стороннихъ людей». Только съ нерушимымъ соблюденіемъ такого узаконеннаго порядка «государь» имѣлъ право распродать имущество сбѣжавшаго изорника, и вырученныя деньги взять за свою «покруту». Если же вырученной суммы отъ продажи «живота изорнича» не хватало для полнаго покрытія суммы «покруты», а къ тому времени объявится и сбѣжавшій изорникъ, то «государю» предоставляется право вчинить къ нему искъ на недополученную сумму за «покруту»и запрета въ этомъ «государю» быть не можетъ, ибо это предоставлено на его добрую волю; а возвратившемуся изорнику уже воспрещается требовать свое имущество отъ «государя», который покрылъ имъ долгъ изорника по «покрутѣ»,—«а изорнику на государи живота не сочитъ», гласитъ Грамота. Что же значитъ: «а сочити псковскимъ»?—Это и вызываетъ разногласія.

скія Древности, I. стр. 240. *Владимірскій-Будановъ*, Христоматія, В. I. стр. 176. *Дебольскій*, Гражданская дѣеспособность, стр. 126, а тожже *Дювернуа*, Op. cit., стр. 302 и *Ключевскій*, Курсъ русск. ист., стр. 116.

Такъ, И. Энгельманъ, напр., пишетъ по этому поводу слѣдующее: «если имущество превышаетъ взысканіе, то изорникъ не имѣетъ права на полученіе остатка, который обращается въ пользу города Пскова». Этимъ авторъ объясняетъ фразу: «а изорнику на государи живота не сочитъ» и въ примѣчаніи къ данному толкованію неувѣренно пишетъ: «такъ, по крайней мѣрѣ, кажется, слѣдуетъ понимать послѣднія слова статьи»... Слова же «а сочити псковскимъ» объясняетъ такъ. «Смыслъ послѣднихъ словъ тотъ, что оставшееся за удовлетвореніемъ хозяина имущество не возвращается сему послѣднему, но по распоряженію начальства обращается въ городскую казну. Переписчикъ, кажется, по ошибкѣ выпустилъ слово «судьямъ», будучи введенъ въ заблужденіе, слѣдующими непосредственно за тѣмъ, словами «и судьямъ». Послѣ этого, авторъ исправляетъ «ошибку» переписчика и привноситъ уже отъ себя, недостающее по его мнѣнію, слово «судьямъ», приписывая его въ скобкахъ къ концу статьи:—«а сочити Псковскимъ (судьямъ)»—пишетъ И. Энгельманъ [1]).

Однако, тутъ сейчасъ же является вопросъ: почему же однимъ только судьямъ предоставляется искать «оставшееся за удовлетвореніемъ хозяина имущество изорника»? Вѣдь, по существу роль судей—судить, а не «сочити», да и самъ авторъ говоритъ сначала, что оставшееся имущество изорника «по распоряженію *начальства* обращается въ городскую казну». Но развѣ «начальство» во Псковѣ—это судьи? Вѣдь, «начальство»—это вообще власть административная, исполнительная, а судьи—судебная; слѣдовательно, ужъ поэтому понятіе «начальства» и понятіе «судьи»—не тожественны и не должны быть включаемы одно въ другое, какъ само собой разумѣющееся. А отсюда становится излишней и самая приписка автора. (Подробнѣе объ этомъ дальше).

Вглядываясь, однако, въ существо толкованія И. Энгельмана, слѣдуетъ сказать, что, на самомъ дѣлѣ, для пониманія статьи не требуется совсѣмъ тѣхъ приписокъ и сложныхъ построеній, которыя совершаетъ И. Энгельманъ; для этого, просто, даже почвы нѣтъ въ данномъ постановленіи, каковая появилась въ студенческомъ сочиненіи И. Энгельмана только благодаря чрезмѣрно сво-

---

[1]) Op. cit., стр. 53—54.

бодному обращенію съ текстомъ Грамоты. Простая справка въ самой статьѣ Грамоты тотчасъ же разсѣиваетъ всѣ неудовлетворительныя и излишнія разсужденія автора. Онъ предполагаетъ, что имущество изорника «*превышаетъ* взысканіе» за «покруту», говоритъ объ «*остаткѣ*» этого имущества, который, яко-бы, «обращается въ пользу города Пскова», а, на самомъ дѣлѣ, Грамота говоритъ, что этого имущества, «живота изорнича», не хватаетъ, *не достаетъ* для покрытія суммы «покруты»: «а чего *не достанетъ*... ино государю добровольно искать *остатка* своего *покруты*». Т. е. Грамота имѣетъ въ виду, какъ разъ, противуположное, а именно,—*недостатокъ* имущества изорника, его убогость, а отнюдь не «*превышеніе*», не «*остатокъ*» «живота изорнича», и, наоборотъ, говоритъ о неоплаченномъ «*остаткѣ покруты*», который «государь» можетъ искать по особому иску, когда «явится изорникъ».

Такимъ образомъ, выходитъ, что авторъ, повидимому, не разобрался въ «остаткѣ», упоминаемомъ Грамотой и, даже, привлекъ къ себѣ на помощь и «судей», и «начальство», и «городскую казну» Пскова для разрѣшенія непонятаго постановленія Псковскаго вѣча. Если же отвлечься отъ сухихъ схемъ и гадательно-случайныхъ конструктивныхъ соображеній, а обратиться вдумчиво къ анализу практики даннаго факта—бѣгства крестьянъ, то и онъ, несомнѣнно, покажетъ, что, именно, права Грамота, гласящая о недостаткѣ «живота изорнича» и о неоплаченномъ «остаткѣ покруты», а отнюдь не И. Энгельманъ, предполагавшій, почему-то, объ «остаткѣ» имущества изорника, о «превышеніи» имъ «покруты государевой». Ибо, для чего же тогда сбѣгалъ-бы изорникъ, имѣвшій такое крупное имущество, что только частью его онъ вполнѣ могъ покрыть «покруту государеву», а теперь при бѣгствѣ онъ терялъ *все* свое достояніе, *весь* свой «животъ», такъ какъ часть его шла на покрытіе «покруты», а все остальное имущество «обращалось въ пользу города Пскова», какъ увѣряетъ И. Энгельманъ. Само собой разумѣется, что подлинные псковичи не были столь наивны, и хозяйственная практика псковской жизни не знала подобныхъ безразсудныхъ побѣговъ крестьянъ. Бѣгали, естественно, бѣднѣйшіе исполовники.

Такому бѣдняку, такой голи сельской, нечего было жалѣть своего «живота», ибо весь-то онъ не можетъ покрыть даже одного долга по «покрутѣ», а не только что можно было-бы прокормиться имъ. Состоятельные же, зажиточные исполовники, конечно, не занимались рискованнымъ бѣгствомъ, ибо въ противномъ случаѣ, по толкованію И. Энгельмана, они «сами бы себя сѣкли». Поэтому, пониманіе и все толкованіе И. Энгельмана должно быть отклонено, какъ не отвѣчающее ни самому тексту Грамоты, ни фактической обстановкѣ бѣгства исполовниковъ въ Псковской землѣ.

То же самое слово «судьямъ» привноситъ въ данную статью и И. Д. Бѣляевъ, хотя объясняетъ послѣднюю фразу уже иначе; онъ говоритъ: «Господинъ можетъ продать крестьянское имѣніе не иначе, какъ передъ приставомъ отъ князя и посадника и передъ губскими старостами и сторонними людьми; въ случаѣ же, ежели бы господинъ при продажѣ крестьянскаго имѣнія не соблюлъ узаконеннаго порядка, то за самовольную продажу подвергался иску. Но искать могъ не самъ бѣглый крестьянинъ, а Псковскіе судьи; въ законѣ сказано: «а изорнику на государи живота не сочить, а сочить Псковскимъ *судьямъ*»,—ужъ, даже, не въ скобкахъ приписываетъ авторъ [1]). Но далѣе онъ поясняетъ, что это правило вчиненія иска судьями, вмѣсто изорника, «относится только къ *бѣглому* крестьянину». Итакъ, привнесеніе въ статью даже одного и того же слова двумя изслѣдователями породило уже и два различныхъ толкованія.

И. Энгельманъ, какъ было уже видно, относитъ послѣднюю фразу статьи къ случаю «остатка» имущества изорника, получившагося за покрытіемъ «покруты», а И. Д. Бѣляевъ относитъ ее къ случаю самоуправства «государя», «самовольной продажи» послѣднимъ «живота изорнича» безъ соблюденія «узаконеннаго порядка». И. Энгельманъ не признаетъ за бѣглымъ изорникомъ ни правоспособности, ни дѣеспособности, не дозволяя ему получить *свое* имущество, буде оно окажется превышающимъ «покруту»; такое имущество «по распоряженію начальства» или по иску «судей» должно было поступать «въ городскую казну» Пскова. И. Д. Бѣ-

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 25.

ляевъ, между тѣмъ, признаетъ правоспособность бѣглаго изорника, но исключаетъ его дѣеспособность, т. е. онъ признаетъ право изорника на полученіе своего имущества, и не только «остатка» по покрытіи «покруты», а *всего* имущества, если хозяинъ при распродажѣ его «не соблюлъ узаконеннаго порядка». Такъ что, при первомъ толкованіи наказывается изорникъ за свое бѣгство, при второмъ—«государь» «за самовольную продажу». Къ тому же, И. Энгельманъ считаетъ, что изорникъ сбѣжалъ и уже болѣе не возвратится на свое пепелище, ибо тамъ ничего не осталось: часть «живота» шла на уплату «покруты», остальная же часть «обращалась въ пользу города Пскова». Къ мнѣнію о невозможности возврата сбѣжавшаго изорника присоединяется и В. И. Сергѣевичъ, говоря: «распродажа движимостей изорника даже исключаетъ, кажется намъ, самую возможность возвращенія его къ прежнему занятію». И. Д. Бѣляевъ не утверждаетъ этого, а говоритъ только, что «искать могъ не самъ бѣглый крестьянинъ, а Псковскіе судьи». Однако, Псковская Судная Грамота вполнѣ отчетливо указываетъ на возможный возврата исполовника, глася: «а по томъ времени *явится* изорникъ», поэтому предположенія И. Энгельмана и В. И. Сергѣевича не соотвѣтствуютъ подлинному тексту статьи.

Что касается существа даннаго толкованія И. Д. Бѣляева, то оно является довольно искусственнымъ и, собственно, не имѣетъ достаточной опоры въ самомъ текстѣ статьи, изъ котораго совершенно не видно о наказаніи «государя» за какую-то «самовольную продажу» имущества изорника. Къ тому же, и у И. Д. Бѣляева, какъ и у И. Энгельмана, является непонятнымъ, почему, искать съ «государя» имущество изорника могли только «псковскіе *судьи*»? Ужъ если стоять на такой точкѣ зрѣнія, то слѣдовало бы расширить кругъ лицъ, компетенціи которыхъ могло бы подлежать вѣдѣніе соотвѣтственныхъ исковъ. А для этого вовсе не нужно было бы вносить въ статью слова «судьямъ», а послѣ словъ «а сочити псковскимъ» поставить двоеточіе, за которымъ непосредственно бы и шло перечисленіе тѣхъ лицъ, тѣхъ псковскихъ властей, компетенціи которыхъ надлежало вѣдать дѣла сего рода; тогда бы и «начальство» И. Энгельмана стало болѣе внушительнымъ и разнообразнымъ. Ибо непосредственно слѣдующій

текстъ Грамоты могъ бы весьма помочь такому толкованію. Т.-е. читать бы слѣдовало такъ: «а сочити псковскимъ: и судьямъ псковскимъ, и посадникомъ погородскимъ, и старостамъ пригородскимъ, потому жъ крестъ цѣловать на томъ, што имъ судити право, по крестному цѣлованью, а не судѣть право, ино суди имъ Богъ въ страшный день втораго пришествія Христова» (ст. 77-ая). Такое чтеніе съ точки зрѣнія даннаго толкованія было бы болѣе послѣдовательно. Во 1-хъ, здѣсь показывались бы разные разряды «начальства», а не только «псковскіе судьи». Во 2-хъ, здѣсь показано даже, кому гдѣ «сочити»: 1) въ самомъ городѣ Псковѣ—«судьямъ псковскимъ»; 2) въ другихъ городахъ Псковской земли—«посадникамъ погородскимъ»; 3) на пригородахъ—«старостамъ пригородскимъ». Въ 3-хъ же, указано даже, почему на нихъ можно положиться:—потому что имъ «крестъ цѣловать на томъ, что имъ судити право» и т. д. Т. е. они разсудятъ все по справедливости, а не будутъ мирволить «государямъ».

Сравнительно недавно было высказано особое мнѣніе о данномъ постановленіи Псковской Судной Грамоты, пытавшееся истолковать статью безъ приписки слова «судьямъ», какъ то дѣлали И. Энгельманъ и И. Д. Бѣляевъ. А именно, въ своей диссертаціи «Гражданская дѣеспособность по русскому праву» Н. Н. Дебольскій писалъ: «Конецъ этой статьи»: «а изорникъ на государя живота не сочитъ, а сочити псковскимъ» возбуждаетъ сомнѣніе въ литературѣ... Мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что буквальный смыслъ этого мѣста статьи простъ: сбѣжавшій за рубежъ изорникъ не можетъ заявлять претензій на продажу его движимаго имущества; это право принадлежитъ лишь псковскимъ изорникамъ (т. е. не сбѣжавшимъ» [1]). Итакъ, авторъ «позволилъ себѣ высказать мнѣніе», опирающееся лишь на «буквальный смыслъ» текста статьи; никакихъ другихъ основаній и доказательствъ онъ не представилъ, ихъ у него не имѣется. Слѣдовательно, для признанія этого толкованія правильнымъ, или неправильнымъ необходимо установить: совпадаетъ-ли подлинный текстъ статьи съ «буквальнымъ смысломъ», приписываемымъ ему г. Дебольскимъ.

---

[1]) Op. cit., стр. 126, прим. 5.

Итакъ, авторъ ограничиваетъ право-и-дѣеспособность «сбѣжавшаго за рубежъ изорника»; онъ искать своего оставленнаго имущества не имѣетъ права ни лично, ни черезъ кого другого. Къ тому же, Н. Дебольскій, какъ видно, особенно оттѣняетъ послѣднее слово «псковскимъ», указывая, что «псковскимъ» т. е. «не сбѣжавшимъ» изорникамъ право иска на «государя» принадлежитъ. Но вѣдь, это уже извѣстно и изъ другихъ статей Грамоты, какъ, напр., стр. XXI, 10—14 или стр. 87-ая, а также стр. XVIII, 22—24 или ст. 75 [1]), которыя опредѣленно показываютъ несомнѣнное право иска исполовника на «государя». Для чего же понадобилось, какъ-бы, напоминаніе объ этомъ въ данной статьѣ 76-ой, содержаніе каковой совершенно не соотвѣтствуетъ правилу объ установленіи права изорника вчинять иски къ «государю» объ имуществѣ.

Вѣдь, самая распродажа «государемъ» имущества изорника могла имѣть мѣсто только тогда, когда изорникъ именно сбѣжалъ; имущество не сбѣжавшаго изорника «государь» не могъ «попродати», хотя бы и имѣлъ «покруту» за нимъ. Во 1-хъ, уже потому, что за такое самовольство и самоуправство «государю» пришлось-бы «быти оу грабежу», т. е. онъ судился бы какъ за грабежъ, какъ постановляютъ статья 67-ая или стр. XVII, 19—23 и ст. 48-ая или стр. XIII, 7 — 12 Псковской Судной Грамоты. Во 2-хъ же, потому, что «покрута» выдается на все время «сидѣнія» изорника «на селѣ у государя», на все время ихъ взаимной правно-хозяйственной связи, и только съ прекращеніемъ послѣдней выступаетъ уже «покрута»—*долгъ*, вмѣсто «покруты»—*подмоги*, является искъ о взысканіи этого долга уже съ *чужого* исполовника, прежде бывшаго *своимъ*. Если же авторъ полагаетъ, что изорникъ лишался права иска на «государя» въ наказаніе за свое бѣгство, хотя бы онъ, затѣмъ, и явился, какъ гласитъ статья, то тутъ нарождается тогда новое противорѣчіе, ибо такой «явившійся изорникъ былъ бы ужъ снова «*псковскимъ*», а «псковскіе изорники», какъ особенно настаиваетъ авторъ, «сочить на государя» могли, имѣли полное право. Къ то-

---

[1]) *П. Е. Михайловъ*, Происхожденіе земельнаго старожильства. Спб. 1910, стр. 29.

му же, если изорникъ сбѣжитъ не за «рубежъ», а лишь «индѣ гдѣ», т. е. въ предѣлахъ Псковской земли, то онъ все время продолжалъ оставаться «псковскимъ изорникомъ», а потому къ такимъ сбѣжавшимъ исполовникамъ толкованіе Н. Дебольскаго не подходитъ ни съ какой стороны.

Самое же главное возраженіе, которое слѣдуетъ сдѣлать, заключается въ томъ, что сама статья не даетъ никакой почвы для иска изорнику, ибо «живота» его обыкновенно не хватало для покрытія «покруты государевой», его «не доставало», какъ указываетъ Грамота, а потому и мѣста, и почвы для иска со стороны изорника быть не могло. Грамота говоритъ о запретѣ иска изорника не вообще, а лишь въ примѣненіи къ имуществу, проданному во время бѣгства изорника для покрытія долга по «покрутѣ»; а какъ только сбѣжавшій изорникъ являлся, онъ снова становился полноправнымъ, и «государь» тогда уже могъ только вчинить къ нему искъ по покрытію неоплаченнаго «остатка покруты» и ничего болѣе. Слѣдовательно, въ подлинномъ Псковѣ и не возникало даже никакого сомнѣнія относительно потери изорникомъ, послѣ бѣгства, право-и-дѣеспособности; онъ не могъ лишь «на государи живота сочити», проданнаго правомѣрно и закономѣрно для оплаты невозвращенной «покруты», но такой запретъ являлся вполнѣ правомѣрнымъ и раціональнымъ, въ виду необходимой гарантіи полученія «государемъ» своей «покруты» въ случаѣ зловреднаго бѣгства исполовника.

Такимъ образомъ, даже, на основаніи этихъ бѣглыхъ замѣчаній выясняется полное несоотвѣтствіе особаго оттѣненія послѣдняго слова «псковскимъ», какъ это дѣлаетъ г. Дебольскій, съ существомъ содержанія даннаго постановленія, изъ чего непосредственно вытекаетъ неправильность пониманія и «буквальнаго смысла этого мѣста статьи», на каковомъ и строилъ свое ошибочное толкованіе г. Дебольскій. Слѣдовательно, и даннаго автора постигла та же участь крушенія подобнаго пріема доказательства и толкованія, какъ она постигла по инымъ поводамъ даже такихъ авторитетовъ нашей науки, какъ В. И. Сергѣевичъ и М. Ф. Владимірскій-Будановъ (о чемъ было сказано выше).

Наконецъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и Ѳ. Устряловъ не только не привносятъ при толкованіи данной статьи слова «судь-

ямъ», но даже совсѣмъ не оставляютъ въ статьѣ послѣдней фразы «а сочити псковскимъ». Такъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ понимаетъ конецъ статьи слѣдующимъ образомъ: «Хозяинъ не штрафуется за то, что забралъ имущество изорника, и изорникъ не можетъ искать этого (взятаго за покруту) имущества съ своего хозяина» [1]). Послѣднюю же фразу: «а сочити псковскимъ» авторъ совершенно упраздняетъ, говоря: «послѣднія слова:» а сочити псковскимъ» намъ кажутся не болѣе, какъ опискою переписчика: именно—первое повтореніемъ предыдущаго, второе—повтореніемъ послѣдующаго, т. е. начальныхъ словъ другой статьи: «судьямъ псковскимъ» [2]).

Ѳ. Устряловъ еще раньше высказалъ въ своей работѣ подобное же толкованіе, говоря, что за продажу имущества изорника «хозяинъ не платитъ пошлины, а наемникъ не имѣетъ права требовать у него возвращенія оставленнаго имущества», но только фразу: «а сочити псковскимъ» онъ не упраздняетъ совершенно изъ грамоты, какъ это дѣлаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, а относитъ ее къ слѣдующей статьѣ со значеніемъ: «производить судъ Псковскимъ» (а далѣе идетъ перечисленіе: «и судьямъ псковскимъ»... etc. [3]).

Такое толкованіе представляется наиболѣе отвѣчающимъ тексту данной статьи.

Однако, что касается фразы статьи: «а государю *пени* нѣтъ» то, она толкуется указанными авторами нѣсколько различно. Устряловъ переводитъ ее такъ: «за это хозяинъ не платитъ *пошлины*», а проф. Владимірскій-Будановъ толкуетъ, что «хозяинъ *не штрафуется*». Въ древне-русскомъ языкѣ «пеня» означала: 1) денежное наказаніе, 2) запретъ (см. Срезневскій,—Матеріалы, т, II, стр. 895). «Пеня»=«пошлина», такого значенія не имѣлось. Слово «пошлина» употребляется въ Псковской Судной Грамотѣ, но не въ смыслѣ какой-то платы, а въ смыслѣ незапамятнаго правового обычая, какъ «пошло изстарины» и т. п. А разъ слово «пошлина» имѣетъ мѣсто въ Грамотѣ, какъ особый спеціальный тер-

---

[1]) Христоматія, В. I, стр. 176—177 прим. 156—161.

[2]) Тамъ же, стр. 177 прим. 161.

[3]) Op. cit., стр. 134, а также стр. 55

минъ sui generis, то сомнительно, чтобы слово «пеня» можно было замѣнять словомъ «пошлина» съ инымъ значеніемъ, чѣмъ оно употребляется въ Грамотѣ.

Къ тому же, слово «пошлина», означая и плату, всегда имѣло спеціальный смыслъ: судебная пошлина, таможенная пошлина etc [1]); между тѣмъ Ѳ. Устряловъ не поясняетъ, какую пошлину онъ имѣетъ въ виду. Псковская Судная Грамота упоминаетъ еще разъ выраженіе «пеня» въ ст. 62 или стр. XVI, 25—26—XVII, 1—3. Въ этой статьѣ говорится, что истецъ можетъ на судѣ отказаться отъ полнаго иска и помириться съ отвѣтчикомъ на части, или даже и совсѣмъ отказаться отъ иска, «чтобы и даромъ отпустилъ», какъ гласитъ статья,—«ино въ томъ *пени* нѣтъ»,—говоритъ Грамота.

Итакъ, слово «пеня» понимается изслѣдователями, какъ «штрафъ», «наказаніе» [2]), или, какъ «пошлина» [3]). Однако, можно предположить, что слово «пеня» употреблено здѣсь не въ значеніи штрафа, или пошлины, а, именно, въ значеніи *запрета*, какое значеніе знаетъ древне-русскій языкъ. «Ино въ томъ *пени* нѣтъ»=ино въ томъ *запрета* нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть рѣчь о штрафѣ, или пошлинѣ за то, что истецъ помирится съ отвѣтчикомъ на меньшей суммѣ, или, даже, его «даромъ отпуститъ», т. е. совсѣмъ откажется отъ взысканія. Да къ этому, именно, и долженъ въ принципѣ стремиться судъ, т. е. примирять тяжущихся, оказывая имъ скорѣе въ этомъ направленіи даже извѣстныя льготы, чѣмъ налагая на нихъ штрафы.

Именно, здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что *запрета* такому миролюбивому соглашенію сторонъ со стороны суда во Псковѣ нѣтъ и быть не могло. Что Псковская Судная Грамота ищетъ такого мира, соглашенія, прощенія между тяжущимися, спорящими сторонами, объ этомъ свидѣтельствуетъ и статья 80-ая или стр. XIX, 23—26—XX, 1, согласно которой князь лишается даже

---

[1]) *Срезневскій*, Матеріалы, т. II, стр. 1334.

[2]) *И. Энгельманъ*, Op. cit., стр. 119—120. *М. Ф. Влад.-Буданов*, Христоматія, стр. 172, прим. 135.

[3]) *Ѳ. Устряловъ*, Op. cit., стр. 133 и стр. 134.

«продажи», если стороны «промежъ себе прощенье возмутъ». Такимъ образомъ, если «пеня» употребляется Псковской Грамотой въ значеніи «запрета», то и въ ст. 76-ой она должна имѣть такое же значеніе, и тогда фраза: «а государю *пени* нѣтъ» будетъ значить: «а государю *запрета* нѣтъ», т. е. хочетъ, ищетъ «остатка своего покруты» на явившемся изорникѣ, а хочетъ, откажется отъ своего иска,—въ этомъ ему запрета нѣтъ; ни о какомъ штрафѣ, наказаніи за право вчиненія или невчиненія иска со стороны «государя», конечно, и рѣчи быть здѣсь не можетъ. «А изорнику на государи живота *не сочить*», — это означаетъ, что изорнику есть запретъ въ искѣ на «государя», запрещается «сочить» взысканное за «покруту» имущество.

На этомъ и слѣдуетъ закончить статью. Фразу же: «а сочити псковскимъ» привносить въ данное постановленіе не слѣдуетъ. Скорѣе всего, она должна быть отнесена къ слѣдующей статьѣ со значеніемъ: «а предъявлять иски» такимъ-то судьямъ (далѣе идетъ перечисленіе); въ такомъ смыслѣ слово «сочити» употребляется однажды въ Грамотѣ на стр. V, 20, гдѣ сказано: «а кто на кого иметъ сочить» и т. д., т. е., а кто на кого предъявитъ искъ etc. Съ принятіемъ такого отнесенія данной фразы къ послѣдующему тексту получается общая норма о подсудности гражданскихъ (имущественныхъ) исковъ «судьину суду», въ отличіе отъ «суда князя и посадника» и «суда владычня намѣстника», которые вѣдаютъ иные дѣла и процессы.

Дѣло въ томъ, что нынѣ, когда усиліями Археографической Комиссіи (по иниціативѣ автора данной работы) вновь разысканъ древній списокъ Псковской Судной Грамоты, можно болѣе увѣренно говорить о содержаніи текста Грамоты, а также провѣрить прежнія мнѣнія, высказанныя изслѣдователями относительно даннаго текста.

Прежде всего, нынѣ можно съ достовѣрностью установить правильное чтеніе статей, относящихся къ разграниченію компетенціи судовъ въ древнемъ Псковѣ. Таковыми статьями являются. ст. 2 (по Христоматіи проф. Владимірскаго-Буданова) или стр. 1 строки 7—10 (по fac-simile проф. Мурзакевича и по самому списку), а также ст. 109 или ст. XXVI строки 9—18. Изъ нихъ, первая статья, начиная съ Мурзакевича, традиціонно читается

неправильно, съ произвольнымъ привнесеніемъ постороннихъ словъ (вродѣ слова «князю») для полученія желаемаго смысла статьи, каковое привнесеніе ясно обнаруживаетъ неправильное пониманіе изслѣдователями существа постановленія Псковской Судной Грамоты [1]).

Читать данную статью слѣдуетъ такъ: «Князю и посаднику, и владычню намѣстнику судьина суда не судить; ни судіямъ, ни намѣстнику княжа суда не судити». Т. е. статья постановляетъ: 1) суду князя и посадника, какъ и намѣстника Новгородскаго Владыки, не судить, не разбирать дѣлъ, подлежащихъ компетенціи суда обыкновенныхъ судей и 2) суда князя и посадника не судить ни судьямъ, ни намѣстнику Владыки. Слѣдовательно, здѣсь дано уже извѣстное разграниченіе компетенціи судовъ въ древнемъ Псковѣ, каковое подробнѣе дополняется стр. XXVI, 9—18 или ст. 109-ою. Данный текстъ Грамоты, который можетъ быть подраздѣленъ на три статьи, гласитъ слѣдующее: «А попы, и діаконы, и проскурница, и черньца, и черницу судить намѣстнику владычню. Аже попъ, или діаконъ, или противу черньца, или черницы-жъ, а будетъ обаи не простые люди—церковные, ино не судить князю ни посаднику, ни судіямъ не судить, зане-жъ судъ владычня намѣстника. А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ, мирянинъ, а не церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнимъ намѣстникомъ вопчи, тако-жъ и судіямъ». Т. е. здѣсь установляется: 1) компетенція суда «владычня намѣстника», суда церковнаго; 2) разграниченіе церковнаго и свѣтскаго суда, т. е. суда «владычня намѣстника» не судить ни князю съ посадникомъ, ни судьямъ; 3) смѣшанная компетенція суда свѣтскаго и церковнаго. Таковы опредѣленныя разграниченія компетенціи судовъ по Псковской Судной Грамотѣ.

Къ разграниченію компетенціи псковскихъ судовъ относится, повидимому, какъ разъ, и статья на стр. XIX строки 9—16 или ст. 77-ая съ присоединеніемъ къ ней словъ: «а сочити псков-

---

[1]) Ср. Мурзакевичъ. Псковская Судная Грамота, 1868, стр. 1. И. Энгельманъ, Гражданскіе законы Пск. Судн. Грамоты, 1855, стр. 110. Устряловъ. Изслѣдованіе Пск. Судн. Грамоты, 1855, стр. 123. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія. В. I, стр. 149.

скимъ», традиціонно относимыхъ, безнадежно для толкованія, къ предыдущему тексту ст. 76-ой или стр. XVIII, 23—26—XIX, 1—9. Если принять во вниманіе установленное выше разграниченіе компетенцій псковскихъ судовъ, а также и то, что компетенція суда «владычня намѣстника», распростирающаяся на «людей церковныхъ», опредѣлена въ ст. XXVI, 9—18 или ст. 109-ой, а компетенція суда князя и посадника въ разныхъ другихъ статьяхъ, относящихся къ суду уголовному, то остается какъ-бы неопредѣленнымъ одинъ «судьинъ судъ», которому и подлежали, вѣроятно, разбирательства по гражданскимъ дѣламъ etc. И вотъ, если выраженіе «а сочити псковскимъ» поставить въ началѣ ст. XIX, 9—16, со значеніемъ: предъявлять иски псковскимъ судьямъ, то получается общая норма, указующая компетенцію «судьина суда», каковы бы ни были самые судьи. То есть, слѣдовательно, установлялось, что гражданскіе иски не подлежали вѣдѣнію ни «княжа суда», ни «суда владычня намѣстника», а лишь «судьина суда».

Но данная статья Грамоты интересна еще въ томъ отношеніи, что подала поводъ изслѣдователямъ заподозрить правильность даннаго текста Псковской Судной Грамоты и высказать разныя догадки относительно испорченности текста Грамоты въ данномъ мѣстѣ.

Такъ, напримѣръ, было высказано мнѣніе Ѳ. Устряловымъ, что статья 77-ая или стр. XIX, 9—16 находится не на своемъ мѣстѣ и только «по ошибкѣ переписчика Грамоты помѣщена сюда» [1]). Къ тому же, высказана и догадка, какъ это могло произойти. «Эта ошибка произошла вѣроятно отъ того, что въ подлинникѣ Грамоты листы были перемѣшаны, или неправильно сшиты, чего переписчикъ не замѣтилъ» [2]). Къ сожалѣнію, однако, Ѳ. Устряловъ не далъ никакого обоснованія своей догадки, которая, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія. Почти одновременно другимъ изслѣдователемъ Псковской Судной Грамоты, И. Энгельманомъ, было высказано другое мнѣніе относительно даннаго мѣста текста Грамоты. А именно, «всѣ статьи до этого мѣста—

[1]) Op. cit., стр. 134, прим. *a*.
[2]) Op. cit., стр. 124, прим. *a*.

говоритъ И. Энгельманъ—принадлежатъ къ стариннымъ Псковскимъ пошлинамъ», а затѣмъ уже «начинаются позднѣйшія приписки» [1]). Точнѣе авторъ опредѣляетъ свою догадку такъ—что до ст. 77 или стр. XIX, 9—16 находится «первоначальная часть»—«грамота В. Кн. Александра... и Псковскія пошлины, собранныя послѣ изданія этой грамоты», а начиная съ этой статьи идетъ часть «дополнительная»—«статьи, выписанныя изъ грамоты кн. Константина... и приписки Псковскихъ пошлинъ» [2]). Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и М. Ф. Владимірскій-Будановъ, говоря: «это не болѣе, какъ догадка, но очень правдоподобная» [3]). Одну изъ причинъ возможности такой догадки И. Энгельманъ видитъ въ томъ же самомъ, что и Ѳ. Устряловъ, т. е., что данная статья находится не на своемъ мѣстѣ и только «по ошибкѣ переписчика Грамоты помѣщена сюда».

Вопросъ о томъ, что данная статья находится не въ надлежащемъ мѣстѣ, однако, нѣсколько узокъ и поверхностенъ. Рѣчь должна здѣсь идти не объ одной статьѣ, случайно замѣченной изслѣдователями, а о *цѣлой страницѣ*, которая «по ошибкѣ переписчика Грамоты помѣщена сюда», но которая по своему содержанію должна быть несомнѣнно отнесена къ одной изъ первыхъ страницъ всей Псковской Судной Грамоты. Такою страницею является стр. XIX строка 9—стр. XX, кончая строкою 17-ою. Между тѣмъ, далѣе идетъ непосредственное, систематичное продолженіе статей о взысканіи «покруты» съ «изорниковъ», начиная со стр. XX, 17—24 или ст. 84, которая является прямымъ продолженіемъ ст. 76-ой или стр. XVIII, 23—26—XIX, 1—9 и кончая стр. XXI, 10—14, за каковыми идетъ опять систематическое изложеніе статей, относящихся къ наслѣдственному праву.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ статьи, заключающіяся въ страницѣ XIX, 9—XX, 17, рѣзко выдѣляются изъ окружающаго ихъ общаго контекста Грамоты. Всѣ онѣ относятся къ нормамъ опредѣлительнымъ, каковыя правила находятся, какъ разъ, и на началь-

---

[1]) Op. cit., стр. 5.
[2]) Op. cit., стр. 8.
[3]) Христоматія, В. I, стр. 177, прим. 162.

ныхъ страницахъ Псковской Судной Грамоты. Такъ, статья 77-ая или стр. XIX, 9—16 опредѣляетъ «судъ судьинъ», статья 78 или стр. XIX, 16—18 опредѣляетъ, какъ «княжому человѣку ѣздить на межу съ сотьскими» и т. д. Если остановиться на послѣдней статьѣ, содержащейся въ этой страницѣ, т. е. ст. 83 или стр. XX, 13—17, то ясно видно, что она опредѣляетъ «денгу» за «грамоту за рубежъ». Такимъ образомъ, выдвигается вопросъ о перемѣщеніи не одной только статьи 77 или стр. XIX, 9—16, какъ то дѣлали Ѳ. Устряловъ и И. Энгельманъ, а цѣлой страницы, цѣлаго ряда статей—отъ ст. 77-ой по ст. 83-ю, т. е. стр. XIX, 9—XX, 17.

Статья 84-я или стр. XX, 17—24 наглядно подтверждаетъ это. Эта статья не только по своему содержанію представляетъ простое продолженіе статьи 76-ой или стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—9, предписывающей о взысканіи съ псковскихъ исполовниковъ «покруты», но по своей редакціи прямо непонятна безъ непосредственнаго предшествованія статьѣ 84-й статьи 76-ой. Для лучшей иллюстраціи и большей наглядности необходимо привести обѣ данныя статьи. Такъ, ст. 76-ая гласитъ: «А которой изорникъ съ села сбѣжитъ за рубежъ, или индѣ гдѣ, а изорничъ животъ на сели останется, государю покрута имать на изорники, ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старостъ губьскихъ позвати, и сторонних людей, да тотъ животъ изорничъ предъ приставы и предъ сторонными людьми государю попродати да и поимати за свою покруту; а чего не достанетъ, а по томъ времени явится изорникъ, ино государю добровольно искать остатка своего покруты, а государю пени нѣтъ, а изорнику на государи живота не сочитъ». (Далѣе то и идетъ спорная фраза: «а сочити псковскимъ»). Статья же 84-ая гласитъ такъ: «А которой изорникъ поумреть у государя на сели, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени, ино государю *тако жъ* животъ изорничъ съ приставами и сторонними людми попродавать да за свою покруту поимати, а потому плямени изорничу, ни брату не сочитъ живота изорнича». Статья эта по смыслу своему, а также и по своей редакціи показываетъ, что она непосредственно слѣдовала за ст. 76-ой. Статья 76-ая говоритъ о побѣгѣ «изорника» и о взысканіи

*

съ него «покруты государевой», и статья 84-ая говоритъ также о взысканіи «покруты», но лишь на случай смерти «изорника». За данной же статьей 84-ой идутъ опять постановленія, всецѣло относящіяся къ отношеніямъ «государей» и «исполовниковъ» на почвѣ взысканія «покруты».

Подчеркнутое въ текстѣ выраженіе «тако жъ», думается, выдаетъ безспорно, что ст. 84 или стр. XX, 17—24 слѣдовала въ оригиналѣ Грамоты непосредственно за ст. 76 или стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—9. Въ самомъ дѣлѣ, смыслъ ст. 84-й слѣдующій: и въ случаѣ смерти «изорника» безъ наслѣдниковъ «государю» предоставляется право поступить такъ же, какъ и при побѣгѣ «изорника» т. е. распродать имущество, «животъ изорничъ» въ особой закономъ опредѣленной обстановкѣ. Если бы эта статья не слѣдовала непосредственно за ст. 76-ой, то странно и неумѣстно было бы здѣсь употребленіе выраженія «тако жъ», ибо указаніе на прецедентъ, который имѣетъ въ виду данный текстъ, данная статья, находилось бы за цѣлый листъ ранѣе, а при тогдашней образованности, точнѣе, необразованности и невѣжественности, трудно и представить: какъ бы справлялись судьи объ этомъ прецедентѣ, такъ какъ въ данной статьѣ не указано точно на ст. 76-ую, а только сказано, что «тако жъ»; если же ст. 84 или стр. XX, 17—24 слѣдовала непосредственно за ст. 76 или стр. XVIII, 24—26—XIX, 1—9, т. е., если, слѣдовательно, предыдущая статья гласила объ этомъ прецедентѣ, то выраженіе, «тако жъ» становится вполнѣ умѣстнымъ и понятнымъ.

Итакъ, слѣдовательно, не одна статья, на которую натолкнулись Ѳ. Устряловъ и И. Энгельманъ, находится не на надлежащемъ мѣстѣ въ текстѣ Псковской Судной Грамоты, но цѣлая страница, цѣлый рядъ статей, начиная со ст. 77-ой и кончая ст. 83-ей, или стр. XIX, 9—XX, 17. Принятіе же этого показываетъ, что и догадка И. Энгельмана о раздѣленіи въ данномъ мѣстѣ всей Грамоты на двѣ части является бездоказательной и случайной и приходится признать, вмѣстѣ съ М. А. Дьяконовымъ, что подобныя догадки «являются только чистыми гаданіями» [1].

---

[1]) Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. 1908, стр. 56.

Скорѣе и увѣреннѣе можно сказать, что конецъ Грамоты, начиная со статьи 109-ой, является позднѣйшимъ добавленіемъ [1]).

Итакъ, данная статья 76-ая или стр. XVIII, 23—26—XIX, 1—9 установляетъ правило о взысканіи «покруты государевой» въ случаѣ побѣга исполовника. Предписывая извѣстную закономѣрную обстановку распродажи «живота изорнича», Судная Грамота въ то же время гарантируетъ полученіе «государемъ» своей «покруты», не возвращенной сбѣжавшимъ исполовникомъ. Только при сознаніи такой широкой гарантіи и могли «государи» щедро надѣлять «покрутою» псковскихъ исполовниковъ для лучшей постановки хозяйства, въ каковой были заинтересованы обѣ стороны — арендодатель и арендаторъ, — но что, само по себѣ, разумѣется, не должно было отнимать права у «государя» на полученіе обратно своей «покруты» съ прекращеніемъ хозяйственной арендной связи.

IV.

Взысканіе «покруты» въ случаѣ смерти исполовника.

Обезпечивъ «государю» полученіе «покруты» на тотъ случай, когда «изорникъ съ села сбѣжитъ», Псковская Судная Грамота предусматриваетъ удовлетвореніе «государя» за «покруту» и на случай смерти исполовника. При этомъ, она различаетъ два случая: 1) когда исполовникъ умретъ, не оставивъ наслѣдниковъ и 2) когда по смерти изорника остаются его наслѣдники. Второй случай, въ свою очередь, подраздѣляется на два момента: а) наслѣдниками остаются жена и дѣти, т. е., скажемъ, нисходящая линія и б) наслѣдниками являются «братъ или иное племя», т. е. линія боковая.

Первый случай предусматриваетъ статья 84-ая или стр. XX, 17—24 Псковской Судной Грамоты, которая гласитъ слѣдующее:

---

[1]) Болѣе подробно вопросъ о компетенціи судовъ въ древнемъ Псковѣ разобранъ въ моей брошюрѣ: Новыя данныя для комментарія Псковской Судной Грамоты, гдѣ дано подробное толкованіе относящихся къ этому вопросу статей Грамоты (См. также: Извѣстія Отдѣл. Русск. яз. и Словесности Императорской Академіи Наукъ, 1913, кн. II-ая, стр. 184 и сл.).

А которой їзорникъ поумреть оу г[осу]д[а]ря на сели, а не будетъ оу него ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, йно г[осу]д[а]рю тако ж[ъ[а]] животъ їзорнич[ъ] съ приставами і й[б] сторонними людми попродавать, да за свою покруту поимати, а потому[в] плямени їзорнич[у], ни брату не сочитъ живота їзорнича.

Примѣчанія: *а*. «Тако жъ»—т. е. такъ же. Это выраженіе статьи наглядно подтверждаетъ только что высказанную мысль о томъ, что цѣлый листъ списка—отъ ст. 77 до ст. 84—неправильно вклеенъ въ Грамотѣ, и что ст. 84-ая должна, слѣдовательно, находиться непосредственно за ст. 76. Смыслъ здѣсь, слѣдовательно, такой: въ случаѣ смерти изорника безъ оставленія наслѣдниковъ «государю» предоставляется право поступить *такъ же, какъ* и при побѣгѣ изорника, т. е. распродать «животъ изорничъ» за свою «покруту» въ извѣстной узаконенной обстановкѣ. Если бы эта статья 84-ая не слѣдовала-бы въ подлинникѣ Грамоты непосредственно за ст. 76-ою, то странно бы и неумѣстно было это выраженіе «тако жъ», ибо прецедентъ, на который ссылается здѣсь законодатель, находился бы за цѣлый листъ ранѣе, впереди, а при тогдашней образованности трудно и представить: какъ бы справлялись объ этомъ прецедентѣ судьи, разъ въ данной статьѣ на него прямо не указано, а сказано только «тако жъ»; когда же *предыдущая* статья гласила объ этомъ прецедентѣ, то слово «тако жъ» здѣсь вполнѣ умѣстно и понятно. *б*. Въ данномъ мѣстѣ текста имѣется какая-то ошибка: или здѣсь первоначально было указано число «сторонних людей», какъ и въ ст. 76-ой, или ошибка произошла изъ-за того, что въ подлинномъ спискѣ этими буквами оканчивается строка и идетъ переносъ на другую, или же, наконецъ, должно читать «истороннии» (ср. мнѣніе И. Энгельмана, Op. cit., стр. 56 прим. *б*., который читаетъ: «приставами и сторонними людьми»). *в*. «А потому»—поэтому, т. е. по случаю того, что «животъ изорничъ» пошелъ на удовлетвореніе «государя» по покрытію «покруты», родственники умершаго (если бы таковые оказались впослѣдствіи) не имѣютъ права искать этого «живота», взятаго за «покруту», какъ не имѣетъ права и самъ изорникъ искать своего «живота» у «государя», явившись послѣ бѣгства. Впрочемъ, изслѣдователи (Энгельманъ, Op. cit., стр. 59 прим. *в*. и др.) понимаютъ: «а потому»=послѣ того; однако, думается, здѣсь важенъ не моментъ распродажи, а именно моментъ прекращенія правно-хозяйственной связи.

Это постановленіе Грамоты не вызываетъ особыхъ разногласій среди изслѣдователей, если не считать мелкихъ примѣчаній къ статьѣ, въ которыхъ могутъ быть отмѣчены нѣкоторыя несогласія (ср. примѣчанія къ данной статьѣ). Текстъ даннаго постано-

вленія довольно ясенъ. Если исполовникъ умиралъ, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ, но въ то же время не возвративъ и «покруты государевой», то «государю» предоставляется право поступить такъ же, какъ и въ случаѣ побѣга исполовника; т. е. онъ долженъ предъявить искъ въ судъ, испросить приставовъ въ судѣ князя и посадника, а также позвать постороннихъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей, или «понятыхъ» и въ ихъ присутствіи оцѣнить свою «покруту», а затѣмъ распродать и самый «животъ изорничъ», его имущество. Поступивъ такимъ образомъ, «государь» можетъ уже не опасаться никакого обратнаго иска (restitutio in integrum), ибо ни самъ объявившійся бѣглый изорникъ, ни родственники умершаго изорника не могутъ уже «сочити живота изорнича» у «государя», такъ какъ онъ пошелъ на возмѣщеніе не возвращенной умершимъ исполовникомъ «покруты государевой».

Особенно ясной и юридически послѣдовательной представляется данная статья, если отнести ее непосредственно къ ст. 76-ой, гдѣ говорится о взысканіи «покруты государевой» въ случаѣ бѣгства исполовника, ибо сбѣжавшій исполовникъ приравнивается въ Грамотѣ, какъ бы, къ умершему, погибшему на все время пребыванія его въ неизвѣстности, «индѣ гдѣ», и лишь съ обратнымъ появленіемъ онъ становился снова правоспособнымъ и дѣеспособнымъ «псковитиномъ»; разница лишь въ томъ, что въ ст. 84-ой уже прямо предусматривается взысканіе «покруты» съ исполовника mortis causa.

Взысканіе «покруты государевой» въ случаѣ смерти исполовника съ оставленіемъ послѣднимъ наслѣдниковъ въ нисходящей линіи предусматриваетъ Псковская Судная Грамота въ ст. 85-ой или стр. XX, 24—26—XXI, 1—4, которая постановляетъ слѣдующее:

А оу котораго ч[е]л[овѣ]ка, оу г[осу]д[а]ря[a], йзорник[ъ] помреть в[ъ] записи в[ъ] п[о]крути[б], а жена оу нег[о] останется й дѣти не в[ъ] записи[в], [и]но[г] йзорнич[ѣ] женѣ й дѣтемъ откличи[д] нѣтъ о г[осу]д[а]ревѣ покрут[ѣ][е], а та имъ покрута платитъ по той записи; а будетъ не въ записи

былъ йзорникъ [ж], йно йх[ъ] [з] судити судомъ псковской пошлинѣ [и].

Примѣчанія: *а.* Здѣсь и слово «человѣкъ», и слово «государь» совершенно равнозначущи; въ ст. 51-ой «государь» также названъ «человѣкомъ». *б.* «Въ записи въ покрути»—т. е. имѣя письменный договоръ съ «государемъ» о взятіи «покруты», каковой, вѣроятно, заключался въ большинствѣ случаевъ для большей обезпеченности полученія ея со стороны «государя»; договоръ же аренды по нормѣ «исполу» былъ и такъ ясенъ и, вѣроятно, чаще заключался словесно. *в.* Т. е. жена и дѣти не участвовали въ этой «записи» о взятіи «покруты». *г.* Здѣсь въ спискѣ кончается листъ и идетъ переносъ на другой листъ; переписчикъ написалъ «но йзо» на концѣ одного листа и затѣмъ, начиная новый листъ, снова повторилъ то же самое «но йзорничъ» и т. д. Очевидно, здѣсь простая небрежность переписчика и выводить отсюда новыя слова и выраженія совершенно не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ, напр., И. Энгельманъ (Op. cit., стр. 60), который изъ этой описки выводитъ такую фразу: «ино изъ оной изорничъ женѣ» и т. д., обозначая буквами текста Грамоты, даже, и тѣ буквы, которыя авторъ приписываетъ отъ себя для полученія желаемой фразы. *д.* «Откличь»—изъятіе, освобожденіе, отклоненіе (И. Срезневскій, Матеріалы, т. II, стр. 790). *е.* Т. е., хотя жена и дѣти и не участвовали «въ записи въ покрути», однако, освобожденія отъ уплаты «покруты» имъ нѣтъ. Думается, что такое, казалось-бы, столь суровое правило имѣетъ подъ собой резонную юридическую почву. Дѣло въ томъ, что изорникъ получилъ отъ «государя» «покруту», на которую была заключена и «запись»; «покруту» эту онъ истратилъ, вложивъ ее въ хозяйство etc. Семья его, несомнѣнно, пользовалась плодами этой «покруты», слѣдовательно, она, какъ наслѣдница «живота изорнича», должна была и отвѣчать предъ «государемъ» за «покруту», въ проживаніи и пользованіи которой участвовала вся семья исполовника. Вотъ почему, ей и «откличи нѣтъ о государевой покрутѣ». *ж.* Т. е., если на изорника не было «записи» о «покрутѣ», не было никакого письменнаго обязательства. *з.* «Ихъ»—т. е. «государя» и наслѣдниковъ, семью умершаго изорника. *и.* «Судити судомъ псковской пошлины»—т. е. разобрать дѣло о «покрутѣ» въ судебномъ порядкѣ по «псковскимъ пошлинамъ», т. е., согласно традиціоннымъ мѣстнымъ обычаямъ того времени. Слѣдовательно, здѣсь «государь» уже не имѣетъ безспорнаго права на распродажу «живота изорнича» для возмѣщенія выданной «покруты», а долженъ особо искать своей «покруты» по суду. Здѣсь снова выступаетъ моментъ смерти изорника въ качествѣ рѣшающаго момента. При умершемъ имѣются въ наличности наслѣдники, и «государь» уже обезсиленъ, его право и власть уже не столь широки, какъ въ случаѣ бѣгства исполовника, или смерти его безъ оставленія наслѣдниковъ. Лишь тогда, когда нѣтъ лицъ, имѣющихъ право на

«животъ изорничъ», а самъ изорникъ уже мертвъ, только тогда «государь» получаетъ право и власть распоряженія имуществомъ исполовника въ цѣляхъ удовлетворенія себя за выданную и не возвращенную «покруту».

И эта статья не вызываетъ разногласій среди изслѣдователей. Смыслъ ея понятенъ. Если изорникъ умретъ, оставя по себѣ не выплаченную «покруту», на которую имѣется и «запись» у «государя, а, послѣ смерти его, останутся жена и дѣти, то, хотя они и не значились въ «записи», однако, все же отвѣчаютъ за «покруту», которою, несомнѣнно, пользовались. Къ тому же, являясь наслѣдниками «живота изорнича» и принимая наслѣдство, они вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ ipso facto всѣ права и обязанности, вытекающія изъ принятія наслѣдства. Если же такой «записи» не существовало, то право «государя» на полученіе «покруты» являлось не безспорнымъ, и все дѣло должно было рѣшаться по иску «государя» судомъ, согласно «псковскимъ пошлинамъ», т. е. мѣстнымъ незапамятнымъ обычаямъ. Однако, ясно, что если «покрута» была выдана «государемъ», то жена и дѣти умершаго «изорника» отвѣчаютъ за таковую.

Тотъ случай взысканія «покруты государевой», когда, послѣ смерти исполовника, наслѣдниками являются родственники боковой линіи, Псковская Судная Грамота предусматриваетъ въ ст. 86-ой или стр. XXI, 5—10, которая гласитъ такъ:

А будетъ оу [и]зорника братъ йли йное племя й за животъ поимаются[а], йно г[осу]д[а]рю на них[ъ] й покруты йскат[и]; йзорнич[у] брату, йзорнич[у] племяни г[осу]д[а]ря[б] не татбитъ[в] ни лукошки, ни кадки[г], а толко будетъ кон[ь], йли корова, іно волно йскати оу г[осу]д[а]ря[д].

Примѣчанія: *а.* «Поимаются»—т. е. вступятся, предъявятъ свое право на данный «животъ», объявятся наслѣдниками даннаго «живота», предъявятъ искъ etc. (Срезневскій, Матеріалы, т. II стр. 1096. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 8. Устряловъ, Op. cit., стр. 190). *б.* Смыслъ текста требуетъ, можетъ быть, поставить предъ словомъ «государя» предлогъ «у». *в.* «Татбить»—т. е. брать чужое, воровать, красть (Срезневскій, Матеріалы, т. III. В. II стр. 928. Ср. еще: Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 11: «татбить—утаивать, скрывать»). *г.* Т. е. мелкій домашній хозяйственный инвентарь.

д. Т. е., если, послѣ смерти изорника, останется крупное имущество, какъ «конь или корова» и т. п., то таковое подлежитъ выдачѣ наслѣдникамъ, у нихъ есть полное право требовать отъ «государя» выдачи себѣ сего имущества. Такая регламентація возникла, вѣроятно, для большаго удобства хозяйственныхъ разсчетовъ; закону трудно, не подъ силу, нормировать и опредѣлять каждую мелочь въ имуществѣ, которая, м. б., даже, хорошо и не извѣстно, кому принадлежитъ, такой же хозяйственный инвентарь, какъ конь или корова и т. п., всегда можетъ быть учтенъ и правильно приписанъ къ собственности того или иного лица. Видѣть въ этой регламентаціи ограниченіе правъ исполовниковъ едва-ли возможно; здѣсь, просто, сказывается унификаціонная, согласительная роль правовой нормы, избѣгающей раздоровъ изъ-за мелочей, но пользующейся въ то же время разными суррогатами для установленія точныхъ масштабовъ и размѣровъ въ правѣ, требуемыхъ правовой, быстро воспламеняющейся, психикой.

Данное постановленіе также не вызываетъ различныхъ мнѣній среди изслѣдователей. Содержаніе его, какъ видно, полно правового смысла. Если наслѣдники «живота изорнича» предъявятъ свои права или претензіи на оставленное умершимъ имущество, то съ нихъ «государь» имѣетъ право искать и свою не возвращенную «покруту».

М. Ф. Владимірскій-Будановъ справедливо указываетъ по этому поводу, что въ данномъ правилѣ сказывается «яркій признакъ здраваго взгляда на *право наслѣдства:* принятіе наслѣдства есть вмѣстѣ принятіе обязательствъ наслѣдодателей [1])».

При поступленіи въ собственность наслѣдниковъ «живота изорнича» весь мелкій домашній хозяйственный инвентарь умершаго исполовника не шелъ къ наслѣдникамъ, а оставался безспорно въ пользу «государя», вѣроятно, за «покруту», и никакихъ исковъ предъявлять наслѣдники по такому имуществу не могли; неисполненіе же этого почиталось «татьбою», присвоеніемъ чужого добра и т. под. Если же по смерти изорника оставался «конь, или корова», то такой живой, крупный «животъ» наслѣдники имѣли полное право требовать отъ «государя» по суду, согласно «псковскимъ пошлинамъ». Таковъ юридическій смыслъ даннаго постановленія Псковской Судной Грамоты.

---

[1]) Христоматія, В. I, стр. 179—180 прим. 176.

V.

Юридическое положеніе исполовниковъ въ вопросѣ объ искахъ на «государей».

Разсмотрѣнными выше постановленіями Псковской Судной Грамоты, собственно, и оканчивается область регулированія правохозяйственныхъ отношеній между «государями» и «исполовниками», возникавшихъ на почвѣ института арендnаго землепользованія по нормѣ «исполу» и на почвѣ института «покруты» въ Псковской землѣ. Но ими, однако, не исчерпывается полное опредѣленіе правъ и обязанностей во взаимныхъ отношеніяхъ данныхъ субъектовъ по Псковской Судной Грамотѣ. Грамота знаетъ еще иныя постановленія и правовыя нормы, которыя весьма характерно и рельефно дополняютъ историческую картину юридическаго положенія сельскаго населенія въ «стольномъ городѣ Псковѣ». Обойти ихъ молчаніемъ нельзя по той простой причинѣ, что эти постановленія Псковской Грамоты вполнѣ наглядно установляютъ правовой типъ исполовника въ наиболѣе остромъ вопросѣ взаимныхъ правоотношеній, существовавшихъ между «государями» и «исполовниками»—въ правѣ иска послѣднихъ на своихъ «государей».

Что псковскій исполовникъ имѣлъ свое имущество, это уже извѣстно изъ предшествовавшаго разсмотрѣнія соотвѣтственныхъ статей Псковской Судной Грамоты. Слѣдовательно, отсюда вытекаетъ, что разъ онъ былъ собственникомъ имущества, своего «живота», то у него, разумѣется, должно было быть и соотвѣтственное право на этотъ «животъ». А разъ это такъ, то псковскій исполовникъ былъ вполнѣ правомоченъ въ отысканіи своего имущества (буде оно неправомѣрно присвоялось кѣмъ-либо) отъ всякаго присвоителя, будь то лицо совершенно постороннее, или же его «государь». И, дѣйствительно, Псковская Судная Грамота, именно, такъ и смотритъ на право-и-дѣеспособность псковскихъ исполовниковъ, предоставляя имъ право иска своего имущества на комъ бы то ни было, вплоть до своего «государя».

Соотвѣтственное постановленіе Псковской Судной Грамоты (стр. XXI, 10—14 или ст. 87) гласитъ объ этомъ такъ:

А йзорник[ъ] поимается за жывотъ оу г[осу]д[а]ря [а], й г[осу]д[а]рь йзведется [б] тѣмъ, за что [в] йзорникъ поимался, [какъ [г]] за свой животъ, оу г[осу]д[а]ря, а стороннымъ людемъ вѣдомо будетъ й околнымъ сусѣдомъ [д], что г[осу]д[а]рево [е], йно йзорникъ не доискался, а г[осу]д[а]рь прав[ъ [ж]].

Примѣчанія: *а.* Т. е. изорникъ предъявитъ претензіи на свое имущество къ «государю». *б.* «Изведется»—т. е. докажетъ свое право; «извести—показать по порядку отъ кого получена вещь» (И. Срезневскій, Матеріалы, т. I. стр. 1037: «извести» и стр. 1039—1040: «изводъ». Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 5. Энгельманъ, Op. cit., стр. 56 прим. *б.* Владимірскій-Будановъ, Христоматія, В. I. стр. 180 прим. 178.). *в.* «Тѣмъ, за что»—такой оборотъ рѣчи крайне характеренъ для Псковской Судной Грамоты, что важно отмѣтить здѣсь и для дальнѣйшаго; такими оборотами языка Грамота пользуется для приданія всеобщности, какъ-бы, абстрактности правовой нормѣ, долженствующей охватывать всѣ однородные случаи, стоять, какъ-бы, выше отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ, подпадающихъ подъ данную правовую норму. *г.* Смыслъ текста требуетъ здѣсь для ясности вставки слова «какъ». *д.* «Окольные сусѣди»—близъ живущіе люди, м. б., тѣ же исполовники въ качествѣ понятыхъ и. т. под. *е.* Т. е., что это имущество есть «государево», принадлежитъ «государю». *ж.* Т. е., вслѣдствіе «извода», доказательства со стороны «государя», съ подтвержденіемъ своего права на спорное имущество черезъ свидѣтелей, изорникъ терялъ искъ, «не доискался», а «государь» выигрывалъ искъ, ибо былъ «правъ» и ео ipso ему присуждалось спорное имущество.

Статья эта опредѣленно показываетъ, что псковскій исполовникъ имѣлъ свободное право иска на своего «государя» объ отысканіи своего «живота». Вѣдь, статья гласитъ такъ. Если изорникъ предъявитъ искъ, притязаніе на имущество «государя» какъ на свое имущество, «свой животъ», то «государь» долженъ доказать на судѣ доподлинно, что оспариваемое имущество есть его собственность. Его показанія, «изводъ», должны были подтвердить еще свидѣтели, и тогда только изорникъ проигрывалъ искъ, «не доискался», а «государь» выигрывалъ дѣло, ибо былъ, дѣйствительно, «правъ». Если данная статья и говоритъ о проигрышѣ иска изорникомъ, то она же, въ то же время, опредѣленно указываетъ, что Грамота вообще признаетъ за псковскимъ исполовникомъ несомнѣнное право иска о своемъ имуществѣ, «животѣ», даже, по отношенію къ своему «государю».

Теперь рождается вопросъ: имѣлъ-ли право иска исполовникъ не только о своемъ «животѣ», т. е. движимомъ имуществѣ, которымъ онъ, такъ сказать, живетъ, но—право иска вообще? На это слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, ибо нижеприводимая статья Грамоты, дѣйствительно, покажетъ намъ, что таковое право у псковскихъ исполовниковъ было, признавалось законодательствомъ за ними.

Соотвѣтственное постановленіе (стр. XVIII, 22—24 или ст. 75-ая) Псковской Судной Грамоты, которое вызвало разнообразнѣйшія непримиримыя толкованія, гласитъ такъ:

А которой йзорникъ на г[осу]д[а]ря положитъ въ чемъ доску[а], йно та доска посудитъ[б], а старому йзорнику возивести[в] на г[осу]д[а]ря.

Примѣчанія: *а.* «Доска»—письменный актъ, запись на доскѣ; примитивный юридическій документъ; «счетъ, условіе, начертанное на лубьѣ липовомъ»; «письменный актъ, начерченный на древесной корѣ»; «акты самаго низшаго разряда» (Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 761. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 4. Устряловъ, Op. cit., стр. 187. Энгельманъ, Op. cit., стр. 16.). *б.* Т. е. эта доска будетъ служить основаніемъ для суда, по ней будетъ производиться судъ. *в.* Здѣсь имѣется какая-то ошибка въ спискѣ Грамоты, изъ-за которой и самый текстъ статьи становится спорнымъ и не совсѣмъ понятнымъ. «Возивести»=взвести, etc.—поднять, возбудить противъ, довести (Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 340); съ юридической точки зрѣнія можетъ означать:—подтвердить, показать, привести доказательство. Возможно, далѣе, что, вмѣсто слова «возивести», въ подлинникѣ Грамоты было «то извести», а въ спискѣ съ оригинала переписчикъ совершилъ ошибку. Что такого рода ошибка могла имѣть мѣсто, это ясно для каждаго, кто знакомъ съ начертаніемъ буквъ въ спискѣ Псковской Судной Грамоты, гдѣ буква «*в*» разнится отъ буквы «*т*» только одной черточкой, которая въ буквѣ «*т*» могла стереться и обратить «*т*» въ «*в*»; тогда получается вмѣсто перваго слога «*во*»—«*то*». Остающееся слово «зивести» есть тогда ни что иное, какъ «извести», въ которомъ буква «з» находилась *надъ* словомъ въ подлинникѣ, но переписчикъ, будучи введенъ въ заблужденіе предыдущимъ выраженіемъ, низвелъ букву «з» не *послѣ* буквы «и», а *передъ* нею, изъ-за чего вмѣсто «извести», получилъ «зивести», что съ предыдущимъ словомъ «во» и дало «*возивести*» взамѣнъ «*то извести*». Что подобныя описки и ошибки имѣютъ мѣсто въ спискѣ Грамоты, это видно почти на каждой страницѣ списка (ср. стр. 10, 11, 12, 27 и мн. др.). Слѣдуетъ здѣсь обратить еще вниманіе на соотвѣтствіе между выраженіемъ: «положитъ *въ чемъ* доску»—«*то* извести на государя».

Данное постановленіе Псковской Судной Грамоты вызвало оживленныя пренія въ литературѣ. Начну разсмотрѣніе мнѣній съ первоначальныхъ комментаторовъ. И. Энгельманъ читаетъ эту статью такъ: «А который изорникъ на государя положитъ въ чемъ доску, ино та доска посудитъ. А старому изорнику вози вести на «государя». Слѣдовательно, спорное выраженіе «возивести» авторъ читаетъ раздѣльно, какъ «вози вести». Что она означаетъ?—объ этомъ рѣчь дальше, теперь же слѣдуетъ посмотрѣть, какъ авторъ понимаетъ первую половину статьи. Онъ говоритъ, что если изорникъ предъявитъ искъ къ «государю» на основаніи «доски», то эту «доску» слѣдуетъ суду «отвергать, не принимать въ уваженіе», ибо «требованія изорника на хозяина, основывающіяся только на доскахъ, не должны быть уважаемы судомъ» [1]). Такое толкованіе авторъ даетъ изъ-за принятія имъ выраженія: «посудить», какъ равное «отвергать, не принимать въ уваженіе». Однако, правильно-ли это? Выраженіе «ино та доска посудитъ» нѣтъ никакого основанія понимать, какъ «отвергать, не принимать въ уваженіе». Оно, напротивъ, ясно говоритъ, что, именно, эта самая «доска», эта запись, счетъ, документъ etc. и «посудитъ» тяжущихся, разсудитъ спорящія стороны въ судебномъ процессѣ, по ней и будетъ производиться судъ. А что во Псковѣ признавалась возможность и дѣйствительность иска по «доскамъ» и производства суда по нимъ, объ этомъ наглядно и документально свидѣтельствуютъ многія статьи Псковской Судной Грамоты (ср., напр., статьи: 14, 19, 28, 29, 30, 31, 36, 38, 61, 62, 92 и 103). Итакъ, 12 статей (безъ данной ст. 75-ой), такъ или иначе, говорятъ о «доскахъ» и искахъ по нимъ. Ясно, слѣдовательно, что «доски» играли огромную роль въ правно-хозяйственномъ быту и оборотѣ Псковской земли, иначе бы десятая часть всей Грамоты не говорила о нихъ (по счету проф. Мурзакевича и проф. Владимірскаго-Буданова Псковская Судная Грамота содержитъ 120 статей).

Если бы «доски» никогда (всегда) «не принимались въ уваженіе» судомъ, то странно было бы и говорить о нихъ въ законодательномъ актѣ въ 12-ти статьяхъ, а, просто, достаточно бы-

---

[1]) Op. cit., стр. 113 примѣч. *а.* и *б.*

ло бы оповѣстить въ одной статьѣ, что никакія (всякія) «доски» для суда недѣйствительны, и что онѣ для исковъ юридически ничтожны. Но этого нѣтъ въ Грамотѣ; а, слѣдовательно, «доски» именно принимались въ уваженіе судами вольнаго Пскова. На это указываютъ и самыя вышеприведенныя статьи Псковской Судной Грамоты.

Такъ ст. 36 предписываетъ изъ-за иска по «доскамъ» даже наймита нанимать «на поле»; ст. 38 считаетъ «доску» сильнѣе «рядницы», если копія послѣдней не хранится «въ ларѣ св. Троицы»; ст. ст. 62, 92, 103 прямо говорятъ о производствѣ суда по «доскамъ»: ст. ст. 28, 29, 30, 31 также говорятъ о «доскахъ», какъ о доказательствахъ безспорныхъ. Отсюда, слѣдовательно, ясно вытекаетъ, что «доска» есть актъ формальный, судомъ признаваемый и даже очень распространенный въ гражданско-хозяйственномъ оборотѣ Псковской земли. И нѣтъ никакихъ серьезныхъ, научныхъ основаній считать «доску» не достойной уваженія суда, или принимать ее за «актъ неформальный». Если въ ст. ст. 14 и 19 и нельзя искать по «доскамъ», то не изъ-за того, что здѣсь искъ, именнно, по «*доскамъ*» каковой, яко-бы, вообще запрещается, игнорируется судомъ «Господина Пскова», а лишь изъ-за важности существа самаго *иска*: въ 1-мъ случаѣ при искѣ по «доскѣ» на мертваго, который ужъ не можетъ удостовѣрить, что эта «доска» дана именно имъ, (а почеркъ, конечно, на «доскѣ» не разборчивъ); въ 2-мъ случаѣ искъ по безымянной доскѣ. Но «безыменно» искать нельзя не только по «доскамъ но и никакъ; объ этомъ даже прямо и заявляетъ ст. 45-ая или XII, 20—23.

Такимъ образомъ, недоразумѣніе, очевидно, заключается не въ томъ, не въ «доскахъ», ибо иски по «доскамъ» оставались дѣйствительны для подлинной правовой жизни древняго Пскова и неуязвимы отъ субъективныхъ толкованій современныхъ изслѣдователей.

Но правильно-ли пониманіе со стороны И. Энгельмана выраженія «посудитъ»=«отвергать, не принимать въ уваженіе»? Можетъ быть этимъ пониманіемъ оправдывается его толкованіе? Въ древне-русскомъ языкѣ слово «посудити» имѣло двоякое значеніе: 1) судить, разсудить; 2) отмѣнить. Слово же «посужати»

имѣло одно значеніе—отмѣнять. И. Энгельманъ на стр. 113, въ примѣчаніи къ слову «посудитъ» (въ ст. 75-ой) поясняетъ его, какъ «отвергать, не принять въ уваженіе». При объясненіи же ст. 61-ой или стр. XVI, 22—25 онъ на стр. 100, въ примѣчаніи къ статьѣ, говоритъ слѣдующее. «Посудити» означаетъ: 1) вообще судить, обсудить; 2) осудить, обвинять. Въ настоящей статьѣ оно встрѣчается и въ томъ, и въ другомъ значеніи («правда судомъ посудити» и «грамотъ правыхъ не посужати»).

Основываясь на этомъ толкованіи и принимая во вниманіе то соотвѣтствіе, которое означено здѣсь между объясненіями слова «посудити» и иллюстрирующими эти объясненія фразами-цитатами изъ самой статьи, можно и слѣдуетъ заключить, что слово «посудити» равно значенію «вообще судить, обсудить», а слово «посужати»=«осудить, обвинять». Но въ такомъ случаѣ получается прямое противорѣчіе. А именно, на стр. 100 авторъ говоритъ, что «посудити»=«вообще судить, обсудить», а на стр. 113 уже говоритъ, что «посудити» = «отвергать, не принимать въ уваженіе» (т. е. то же, что означаетъ «посужати»). Произошло же это, вѣроятно, вотъ почему. Ст. 61-ая или стр. XVI, 22—25 гласитъ: «А князю и посаднику грамотъ правыхъ не *посужати*, а лживыхъ грамотъ и доски, обыскавши правда, судомъ *посудити*». Тутъ, какъ видно, употреблено два различныхъ глагола: «посужати» и «посудити». И. Энгельманъ не принимаетъ этого во вниманіе и, повидимому, считаетъ ихъ тожественными, равнозначащими. Но это несомнѣнная ошибка, которая и ввела автора въ заблужденіе. Итакъ, характерно, что при разборѣ ст. 61 или стр. XVI, 22—25 Энгельманъ слово «посудити» принимаетъ, какъ судить, обсудить, и у него, даже, не возникаетъ и сомнѣнія относительно правильности такого толкованія, хотя бы и въ примѣненіи къ «доскамъ», а въ ст. 75 или стр. XVIII, 22—24 то же слово «посудити» онъ принимаетъ, какъ «отвергать, не принимать въ уваженіе» въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же актамъ—«доскамъ». [1])

---

[1]) См. по поводу этой статьи Грамоты мою замѣтку: Новыя данныя для комментарія Псковской Судной Грамоты во 2-ой книгѣ за 1913 г. «Извѣстій Отдѣленія русскаго яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ».

Итакъ, данная ст. 61-ая еще лишній разъ подтверждаетъ, что по «доскамъ» судъ во Псковѣ, именно, производился, (что признаетъ для данной статьи и Энгельманъ). «Доски», слѣдовательно, документъ юридическій, актъ формальный, закономъ вѣчевого Пскова вполнѣ признаваемый. Слово «посудитъ» означаетъ, именно, судить, разсмотрѣть, а потому и всю первую половину ст. 75-ой слѣдуетъ понимать такъ: если изорникъ вчинялъ искъ къ «государю» по «доскѣ», то судъ на основаніи этой «доски» и производилъ разбирательство дѣла.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ толкованіи этой половины статьи примыкаетъ къ И. Энгельману. «Если изорникъ представитъ на своего хозяина доску въ чемъ-либо, то доски не принимать во вниманіе (какъ актъ неформальный; см. ст. 14)» [1]). Такого же взгляда придерживается и Н. Н. Дебольскій. «Постановленія о томъ, что простыя доски не могутъ служить доказательствомъ обязательства помѣщика крестьянину, не есть ограниченіе, такъ какъ по Псковской судной грамотѣ вообще онѣ не доказательство» [2]). Такое утвержденіе авторъ подкрѣпляетъ ссылками на ст. 14-ую и на данную ст. 75-ую. Но, разумѣется, одна изъ этихъ ссылокъ совершенно безполезна и логически неправильна,—т. е. ссылка на данную же статью. Вѣдь, данное постановленіе о «доскахъ» въ ст. 75-ой, именно, и требуется еще объяснить и такое объясненіе обосновать и доказать, а никакъ ужъ не ссылаться на него при его же объясненіи. Что же касается ссылки на ст. 14-ую Грамоты, то на нее ссылался уже и проф. Владимірскій-Будановъ, какъ это видно изъ приведенной цитаты. По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что ст. 14-ая говоритъ только объ одномъ весьма спеціальномъ случаѣ, а именно—объ исканіи наслѣдства «на приказникахъ», «безъ заклада и безъ записи», и обобщать этотъ юридически-исключительный casus отнюдь не слѣдуетъ, если понимать всю исключительность юридической обстановки этого casus'a.

Здѣсь,—нѣтъ уже въ живыхъ самого хозяина имущества,

---

[1]) Христоматія, В. I, стр. 175 прим. §154.

[2]) Къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ, Ж. М. Нар. Пр., 1895. кн. XI, стр. 81.

выдавшаго «доску» на себя, а потому и провѣрить подлинность «доски» невозможно, т. к. почерка на ней не разберешь, да и каллиграфіей и дактилоскопіей въ то время не занимались. Вслѣдствіе этого, «доска» и не могла служить существеннымъ доказательствомъ, разъ не было при этомъ ни заклада, ни записи, которые подтвердили бы правильность иска по «доскѣ». Именно, только этотъ спеціальный casus, когда «кто положитъ доску на мертваго о зблюденіи», и имѣетъ въ виду ст. 14-ая; поэтому обосновывать и утверждать на ней общее правило, общую юридическую норму неправомѣрности исковъ по «доскамъ» вообще, представляется неправильнымъ. Да и самъ проф. Владимірскій-Будановъ, повидимому, понимаетъ это, ибо самъ же указываетъ въ примѣчаніи къ ст. 14-ой, что «правило, изложенное въ этой статьѣ относится къ случаю наслѣдства по завѣщанію» [1]). Непонятно, послѣ этого, зачѣмъ же понадобилось почтенному профессору ссылаться на ст. 14-ую при объясненіи ст. 75-ой, разъ извѣстно, что ссылка эта явно неудовлетворительна...

Такимъ образомъ, все то, что было замѣчено относительно толкованія И. Энгельмана ео ipso относится и къ даннымъ толкованіямъ, которыя такъ же игнорируютъ подлинныя постановленія Псковской Судной Грамоты, гласящія объ искахъ по «доскамъ».

Напротивъ, другіе изслѣдователи (Устряловъ, Чичеринъ, Бѣляевъ) понимаютъ эту половину статьи въ утвердительномъ смыслѣ. Ѳ. Устряловъ, напримѣръ, говоритъ такъ: «если сельскій наемникъ представитъ въ судебное мѣсто на хозяина акты, написанные на доскахъ, то произвести по нимъ слѣдствіе» [2]). Б. Н. Чичеринъ пишетъ: «Какъ свободный человѣкъ, изорникъ имѣлъ и полное право иска на хозяина... Если изорникъ представлялъ крѣпость (доску), то судъ производился по ней» [3]). И. Д. Бѣляевъ говоритъ: «по... иску крестьянинъ обязывался представить запись о долгѣ, и судъ производился по записи. Законъ говоритъ: «А который изорникъ на государя положитъ въ чемъ доску (т. е. счетъ долга), ино та доска посудитъ» [4]).

---

[1]) Христоматія. стр. 154.
[2]) Op. cit., стр. 134.
[3]) Опыты, стр. 194.
[4]) Крестьяне на Руси, стр. 26.

Таковы мнѣнія изслѣдователей относительно первой половины статьи 75-ой или стр. XVIII, 22—24. Вторая же ея половина возбудила еще большія несогласія и споры въ литературѣ.

Такъ, Ѳ. Устряловъ, напримѣръ, считаетъ, что выраженіе статьи: «а старому изорнику возивести на государя»—«весьма темно сказано». Слово «возивести» онъ толкуетъ, какъ глаголъ «возвести», и «въ такомъ случаѣ взводъ значитъ то же самое, что изводъ» [1]). А при переводѣ самаго текста Грамоты онъ понимаетъ данное выраженіе «возивести» такъ: «при этомъ необходима очная ставка» [2]). Но ни одинъ изслѣдователь русскихъ юридическихъ древностей не поддержалъ этого толкованія.

Гораздо болѣе посчастливилось одновременно высказанному мнѣнію И. Энгельмана. Какъ уже извѣстно, онъ раздѣлилъ выраженіе «возивести» на два слова:—«*вози вести*», а къ словамъ: «а *старому* изорнику» авторъ придаетъ такое примѣчаніе:—«т. е. тому изорнику, о которомъ рѣчь идетъ, о которомъ только что говорено, который имѣлъ въ наймѣ у хозяина земли, или обработывалъ его землю и предъявляетъ искъ противъ него на основаніи доски и отказывается отъ работъ также на основаніи доски» [3]). Выраженіе же «вози вести» Энгельманъ понимаетъ, какъ исполнять всякія барщинныя работы. Онъ говоритъ, что, не смотря на предъявленіе изорникомъ иска по «доскѣ» и отказа отъ работъ, «не смотря на то, онъ обязанъ исправлять всѣ должныя работы» [4]).

Съ критикой этихъ мнѣній выступилъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, который существенно видоизмѣнилъ толкованіе данной статьи. «Намъ кажется—начинаетъ авторъ—что эту вторую половину нужно принимать за отдѣльную статью, хотя не только издатель не отдѣляетъ ее новою строкою, но и И. Энгельманъ и Устряловъ объясняютъ ее въ совокупности съ первою. Однако объясненія при такомъ чтеніи далеко неудовлетворительны... Въ такихъ объясненіяхъ не придается никакого значенія словамъ:

---

[1]) Op. cit., стр. 176 прим. 143 и стр. 149 прим. 30.
[2]) Op. cit., стр. 134.
[3]) Op. cit., стр. 113 прим. *б*.
[4]) Op. cit., стр. 113 прим. *в*.

*

«а *старому* изорнику». Принимая же эту статью за отдѣльную, мы входимъ на основаніи слова *старый*, въ кругъ юридическихъ явленій, достовѣрно извѣстныхъ изъ другихъ памятниковъ: старый, непохожій человѣкъ вступаетъ въ обязательныя отношенія къ хозяину болѣе строгія, чѣмъ крестьянинъ, вновь пришедшій къ землевладѣльцу (сл. Пам. Кіев. Ком., I. 2, стр. 2—3 и др.). Изъ предыдущихъ статей (ст. 42, 43, 44) мы видѣли, что изорникъ обязанъ былъ землевладѣльцу только арендною платою ежегоднаго дохода и единовременною уплатою покруты (если получилъ ее); но старый изорникъ обязывается еще подводною повинностью. Усиленіе строгости обязательствъ крестьянина въ силу *одной давности*, есть явленіе высокаго интереса въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ» [1]).

Такое толкованіе, конечно, рѣшительнымъ образомъ расходится съ предыдущими. И хотя И. Энгельманъ также раздѣляетъ слово «возивести» на-двое: «вози вести», но вкладываетъ въ эти слова неопредѣленное содержаніе—«исправлять всѣ должныя работы»; между тѣмъ проф. Владимірскій-Будановъ придаетъ уже данному выраженію спеціальное значеніе—«подводной повинности».

Точно также понимаетъ это выраженіе и акад. М. А. Дьяконовъ. Понятіе «старыхъ изорниковъ» онъ особенно подчеркиваетъ и выдѣляетъ, видя въ нихъ корень обычнаго института старожильства. «Обычный институтъ старожильства — говоритъ онъ—представляетъ одно изъ любопытныхъ, но, къ сожалѣнію, мало выясненныхъ явленій общественнаго быта древней Руси... Корни его восходятъ къ глубокой старинѣ: еще Псковская судная грамота упоминаетъ «старыхъ изорниковъ» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ: «При... строгихъ правилахъ взысканія ссуды задолжавшіе изорники, которые по выраженію грамоты «возы везутъ (sic) на государя», т. е. обязаны были отбывать въ пользу землевладѣльца особыя повинности. Слѣдуетъ думать, что изорники оказались первымъ элементомъ въ составѣ сельскаго населенія, навсегда утратившимъ свободу пере-

---

[1]) Христоматія, В. I, стр. 175—176 прим. 155. Ср. еще «Обзоръ по ист. русск. права», стр. 151.

[2]) Очерки сельск. населенія, стр. 16.

хода» [1]). Такъ полагаетъ почтенный изслѣдователь русской старины, непроизвольно смѣшивая должниковъ («серебренниковъ») съ зажиточными арендаторами («старожильцами») и совершенно не сообразуясь съ подлиннымъ правопорядкомъ вѣчевого Пскова, съ высоко-развитымъ гражданско-правовымъ строемъ «людей добровольныхъ» Псковской земли [2]).

Б. Н. Чичеринъ въ своихъ «Опытахъ» также обратилъ вниманіе на эту часть статьи 75-ой и, повидимому, считаетъ ее за самостоятельную статью, что предлагаетъ, какъ видно, позднѣе и М. Ф. Владимірскій-Будановъ. «Въ Псковской грамотѣ—говоритъ Б. Н. Чичеринъ—ничего не постановлено о взаимныхъ обязанностяхъ хозяина и крестьянина; сказано только, что старый изорникъ долженъ извозничать на хозяина. Но что разумѣлось подъ именемъ стараго изорника и какого рода это были извозы, остается неизвѣстнымъ» [3]).

Наконецъ, Н. Дебольскій, не соглашаясь ни съ однимъ изъ вышеприведенныхъ толкованій, утверждаетъ, въ то же время, что «трудно выяснить это темное мѣсто» [4]). Затѣмъ, указавъ на мнѣнія Энгельмана и Устрялова, онъ продолжаетъ. «Если признать, что ихъ толкованія довольно натянуты, то всетаки нельзя не сознаться, что и объясненіе проф. Владимірскаго-Буданова очень тенденціозно: трудно предположить, чтобы повинность, налагаемая на изорника тѣмъ, что онъ старожилецъ, была опредѣлена такъ неясно; да и сама повинность довольно неопредѣленна и врядъ-ли особенно выгодна для помѣщика» [5]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ, возвращаясь къ данному вопросу, говоритъ. «Несомнѣнно, что попытки, сдѣланныя И. Энгельманомъ и Устряловымъ, объяснить это мѣсто весьма неудовлетворительны.

---

[1]) Энциклоп. Словарь, полут. 24 стр. 880; а также: Очерки общ. и госуд. строя, стр. 98—90 и стр. 319.

[2]) Объ институтѣ «старожильства» и критикѣ мнѣнія М. А. Дьяконова и др. въ данной области подробно изложено авторомъ въ трехъ слѣдующихъ брошюрахъ: *П. Е. Михайловъ.* Происхожденіе земельнаго старожительства. СПБ. 1910. «Заповѣдныя лѣта» и старина жительства. Спб. 1911. Обычный институтъ старожильства и крѣпостное право. СПБ. 1912.

[3]) Опыты, стр. 192.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1895. № 11. стр. 81.

[5]) Тамъ же, стр. 81.

Первый полагаетъ, что «старый» означаетъ вышеупомянутый, который долженъ во время процесса продолжать полевыя работы. Второй толкуетъ такъ: надо читать не «возы вести», а вмѣстѣ «возвести», т. е. требованіе очной ставки, не объясняя слова «старый». Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ даетъ иное объясненіе; онъ полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о барщинѣ, о натуральной повинности стараго (т.-е. стариннаго) изорника возить возы для арендодателя. Важность этой повинности онъ защищаетъ ссылкой на «повозъ», которымъ обязаны были нѣкоторыя покоренныя племена древней Руси. Мы не отрицаемъ того, что изорники обязаны были барщиной. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что барщиной же были въ то время (во второй половинѣ XV в.) обязаны въ пользу города Пскова... смерды, «издѣлье разное знаютъ». Но мы думаемъ, во-первыхъ, что барщина заключалась въ гораздо болѣе цѣнныхъ для собственника земли работахъ, чѣмъ возка воза для него. «Повозъ» древней Руси, если и былъ натуральной повинностью, что сомнительно, являлся обязанностью возить княжескихъ гонцовъ. Это совершенно иное дѣло. Во-вторыхъ, мы сомнѣваемся, чтобы барщиной были обязаны лишь старинные изорники и полагаемъ, что нѣтъ основаній «старый» понимать, какъ старинный. Несомнѣнно, что это мѣсто Псковской Судной Грамоты испорчено переписчикомъ, и мы еще разъ отказываемся его выяснить. Думаемъ, что оно должно имѣть отношеніе къ первой половинѣ статьи объ искѣ по неформальнымъ обязательствамъ и касаться процесса» [1]).

Таковы многоразличныя мнѣнія о данной статьѣ Псковской Судной Грамоты. Необходимо посильно разобраться въ нихъ и попытаться выяснить истину о статьѣ.

Что касается толкованія Ѳ. Устрялова, то достаточно сказать, что его толкованіе оставляетъ совершенно безъ объясненія слово «старому», а выраженіе «возивести», или возвести, передаваемое имъ, какъ требованіе «очной ставки», представляется объясненнымъ далеко неудовлетворительно. Что касается, далѣе, толкованія И. Энгельмана, то, помимо совершенно произвольныхъ привнесеній въ смыслъ статьи (вродѣ того, что изорникъ «отказы-

[1]) Гражданская дѣеспособность, стр. 127—128.

вается отъ работъ на основаніи доски», какъ, почему-то, хочетъ авторъ etc.), помимо того, что выраженіе «вози вести» онъ передаетъ, какъ «исправлять всѣ должныя работы», что, конечно, является также произвольнымъ и, къ тому же, довольно неопредѣленнымъ,—слѣдуетъ сказать, что у него также не оттѣнено выраженіе статьи: «старому», а, вдобавокъ, обѣ половины статьи весьма и весьма искусственно слиты. Къ тому же, его раздѣльное прочтеніе—«вози вести» внесло еще новыя осложненія въ комментированіе данной статьи позднѣйшими изслѣдователями. Такъ, напр., Б. Н. Чичеринъ, хотя и утверждалъ, что «въ Псковской грамотѣ ничего не постановлено о взаимныхъ обязанностяхъ хозяина и крестьянина», все же не могъ отдѣлаться отъ того, что «старый изорникъ долженъ извозничать на хозяина». Но т. к. почтенный авторъ и самъ не знаетъ, что это за «старые изорники и какого рода были эти извозы», то остается предположить, что, вообще, все это мнѣніе не свободно было отъ вліянія, высказаннаго раньше, мнѣнія И. Энгельмана о раздѣленіи выраженія «возивести» на два слова—«вози вести», т. е. «извозничать», какъ пишетъ Б. Н. Чичеринъ.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, критикуя существовавшія толкованія, впадаетъ въ еще большее осложненіе и запутываніе вопроса. Внося въ свое толкованіе совершенно новую проблему объ институтѣ «старожильства», вплетая въ данную статью «непохожихъ» людей Литовской Руси, отмѣченныхъ болѣе подробно еще Ѳ. И. Леонтовичемъ [1]), проф. Владимірскій-Будановъ лишь усложнилъ, а отнюдь не облегчилъ разрѣшеніе вопроса объ искѣ изорника по «доскѣ» на «государя», увлекшись своими аналогіями съ литовско-русскимъ правомъ, въ частности, между литовскими «засѣдѣлыми», «непохожими людьми» и «старыми изорниками» земли псковской. Между тѣмъ, авторъ полагаетъ, что онъ установилъ «буквальный текстъ» статьи 75-ой и возражаетъ въ этомъ смыслѣ Н. Н. Дебольскому. «Г. Дебольскій («Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ», стр. 7) находитъ наше изъясненіе ст. 75 Пск. Судн. Гр. «тенденціознымъ», но мы не даемъ ника-

[1]) Крестьяне юго-западной Руси. К. 1864. стр. 18—24 и др.

кого (?) толкованія, а принимаемъ буквальный текстъ: «старый изорникъ долженъ возы возить на хозяина» [1]).

Однако, на это слѣдуетъ отвѣтить, что, во 1-хъ, той фразы, которую авторъ заключилъ въ кавычки, въ текстѣ Грамоты на самомъ дѣлѣ, не имѣется; тамъ сказано: «а старому изорнику возивести на государя», но нѣтъ фразы: «старый изорникъ долженъ возы возить на хозяина». Во 2-хъ, въ текстѣ статьи также ничего не говорится и объ институтѣ «старожильства» съ особой «подводной повинностью». Очевидно, лишь желаніе придать особое значеніе выраженію: «старому», по аналогіи съ литовско-русскимъ правомъ о «засѣдѣлыхъ» людяхъ, заставило автора обмануться въ «буквальномъ текстѣ» статьи и создать новую статью, неизвѣстную самой Псковской Судной Грамотѣ.

Внимательно вглядываясь и вдумываясь въ содержаніе Псковской Судной Грамоты, нельзя не признать, вмѣстѣ съ Б. Н. Чичеринымъ, что этотъ замѣчательный въ юридическомъ смыслѣ памятникъ вѣчевого законодательства «имѣлъ въ виду постановить рѣшенія только для случаевъ спорныхъ, когда дѣло доходило до суда. Пока крестьянинъ жилъ на землѣ, предполагалось, что онъ исправно уплачиваетъ свои оброки и отправляетъ свои работы. Законодательство въ это и не вмѣшивалось» [2]). Именно, такое, процессуальное, казусное содержаніе права и имѣетъ въ виду Псковская *Судная* Грамота. Стоитъ, хотя бы, прочесть для примѣра статьи, относящіяся къ интересующему насъ вопросу, т. е. о взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ «государей» и «исполовниковъ», чтобы убѣдиться, какъ наглядно выступаетъ этотъ казусный, процессуальный, судебный характеръ данныхъ статей. Поэтому, рѣзкой дисгармоніей звучала бы въ общемъ контекстѣ, выдѣляемая проф. Владимірскимъ-Будановымъ, статья объ опредѣленіи какой-то «подводной повинности» однихъ только «старыхъ изорниковъ»!

Также примѣнимо здѣсь и справедливое замѣчаніе Н. Дебольскаго о малозначительности «подводной повинности» для «государей».

---

[1]) Обзоръ ист. русск. права, стр. 151, прим. 1.

[2]) Опыты, стр. 192.

Кромѣ того, привнесенный въ смыслъ статьи институтъ «старожильства» не могъ, конечно, быть высказанъ въ Грамотѣ такъ неопредѣленно и, пожалуй, даже странно, если бы его дѣйствительно касалась Судная Грамота. Несомнѣнно, что этому вопросу было бы посвящено нѣсколько статей, какъ мы наблюдаемъ, напримѣръ, это въ вопросѣ о «покрутѣ».

Наконецъ, съ этимъ вопросомъ о «старожильствѣ» связывается непосредственно еще новый вопросъ—о раннемъ закрѣпощеніи, прикрѣпленіи «старинныхъ» крестьянъ, «старожильцевъ», къ каковому логически и приходитъ, какъ это было видно, М. А. Дьяконовъ. «Право перехода стало ограничиваться для старожильцевъ раньше, чѣмъ для другихъ разрядовъ крестьянъ» [1]), правильно констатируетъ почтенный ученый. Но если привносить и этотъ вопросъ въ данную статью, то сразу должно быть ясно, что ничего подобнаго Псковская Судная Грамота не имѣла и не могла имѣть въ виду. Ибо крестьянъ «крѣпкихъ землѣ» нѣтъ и о нихъ даже и не помышляютъ въ вольнолюбивомъ Псковѣ. Недаромъ, В. О. Ключевскій столь похвально говорилъ о древнемъ Псковѣ. «Здѣсь нѣтъ слѣдовъ холопства и полусвободныхъ состояній... Въ этомъ отношеніи Псковская область была, можетъ быть, единственнымъ исключеніемъ въ тогдашней Россіи» [2]). Такъ же говоритъ и Н. Л. Дювернуа. «Только рабства мы не найдемъ ни въ одной статьѣ Псковской Судной Грамоты»... «Слово холопъ, челядинъ, какъ будто, вовсе не существуетъ въ сознаніи законодателя, какъ будто во Псковѣ жили до тѣхъ поръ одни только люди добровольные» [3]).

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ существующими толко-

---

[1]) Очерки сел. насел., стр. 22.

[2]) Курсъ русск. ист., II, стр. 116. Здѣсь интересно отмѣтить мнѣніе *М. М. Ковалевскаго.* (Общее конституціонное право, стр. 31) объ аналогичномъ исключеніи изъ общаго феодально-крѣпостного строя Западной Европы Кастиліи. «Кастилія составляетъ исключеніе изъ всѣхъ государствъ средневѣковья. Обстоятельство, благодаря которому она не знала крѣпостного права, лежитъ, разумѣется, въ той громадной роли, какую ея простонародье играло въ отвоеваніи у мавровъ, нѣкогда принадлежавшихъ Вестготскому королевству, земель».

[3]) Источники права, стр. 308.

ваніями ст. 75 или стр. XVIII, 22—24, представляющими собою, къ сожалѣнію, не научно-юридически обоснованныя гипотезы, или подлинныя правно-догматическія толкованія, а научно-случайныя высказыванія разныхъ догадокъ, не имѣющихъ подъ собою твердой научной почвы и должнаго юридическаго обоснованія,—ознакомившись съ этимъ, слѣдуетъ теперь самостоятельно попытаться посильно разобраться въ юридическомъ смыслѣ статьи.

Какъ было уже показано выше, первую половину статьи должно понимать утвердительно, въ смыслѣ принятія судомъ исковой «доски» за основаніе судебнаго разбирательства. Вторая половина статьи должна, несомнѣнно, также относиться къ данному исковому процессу на основаніи предъявленія въ судъ «доски» и, такимъ образомъ, безусловно связываться съ первой половиной статьи, такъ чтобы статья была юридически цѣльной и осмысленной. Къ тому же, выраженію «старому» слѣдуетъ придать, именно, такое значеніе, которое вполнѣ бы соотвѣтствовало, вязалось со всѣмъ текстомъ статьи о правѣ иска изорника на «государя» по примитивному юридическому документу—«доскѣ».

Какъ извѣстно, слово «старожилецъ» имѣло двоякій смыслъ въ гражданско-правовой жизни древней Руси: 1) «старожильцы»—свидѣтели на судѣ, авторитетные докацики, эксперты по земельнымъ дѣламъ и спорамъ; 2) просто, крестьяне, долго живущіе на одномъ мѣстѣ.

Первое значеніе чаще употребляется въ историческихъ документахъ, и такіе судные «старожильцы» играютъ выдающуюся роль въ судебныхъ процессахъ того времени по дѣламъ и спорамъ, связаннымъ съ институтомъ землепользованія на Руси. Разъ свидѣтельствованіе «старожильца» касается преимущественно земли и, вообще, отношеній, возникшихъ на почвѣ землепользованія, то, разумѣется, таковыми свидѣтелями должны были являться сами крестьяне, ближе и лучше всего знакомые съ крестьянскимъ бытомъ. А авторитетъ сѣдины и престарѣлыхъ лѣтъ создавалъ наибольшую увѣренность въ правотѣ «старожительскихъ» показаній, ихъ «знахарства» крестьянскаго быта. Н. Л. Дювернуа обстоятельно выяснилъ роль этихъ «судныхъ старожильцевъ», показавъ все то важное значеніе, какое прида-

валось въ судебныхъ процессахъ показаніямъ «старожильцевъ» [1]). Роль «старожильцевъ» на судѣ была рѣшающая, какъ говоритъ Дювернуа: «они не составляютъ только *средства* доказывать» [2]), ибо согласно ихъ показаніямъ рѣшалось и самое спорное дѣло. «Знахарство» «старожильцевъ» полагало конецъ тяжбѣ, оно, какъ бы, санкціонировало самую правоту рѣшенія, являясь для него тѣмъ нормативнымъ фактомъ, на который опирался въ своемъ рѣшеніи судебный приговоръ. А такой институтъ юридическаго довѣрія къ свидѣтельству «старожильцевъ» могъ выработаться только вѣками и лишь при наличности такихъ условій, какъ правдивость и безпристрастіе показаній «старожильцевъ», ихъ самостоятельность убѣжденій, что и отразилось въ одномъ изъ непремѣнныхъ условій годности суднаго старожильца—въ требованіи быть «добрымъ мужемъ», «добрымъ старожильцемъ». Авторитетъ сѣдины долженъ былъ служить оплотомъ справедливости, безпристрастія и вѣрности ихъ показаній [3]). Отсюда, естественно, что «стороны указываютъ иногда на болѣе древнихъ старожильцевъ, какъ на лучшихъ» [4]), а народная мудрая пословица навѣки санкціонировала этотъ фактъ въ лаконической фразѣ: «чѣмъ старѣе—тѣмъ правѣе».

Анализируя и вдумываясь въ содержаніе ст. 75-ой или стр. XVIII, 22—24, слѣдуетъ несомнѣнно придти къ заключенію, что выраженіе «старому» имѣетъ здѣсь, именно, выясненное выше судебное значеніе, а не то, какое придалъ ему М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Что это, именно, такъ, подтверждаетъ сама Псковская Судная Грамота, гдѣ еще въ одной статьѣ упоминаются эти «судные старожильцы», или какъ просто выражается Грамота, «старики», согласно «знахарству» которыхъ и рѣшается процессъ. Такова ст. 106-ая или стр. XXV, 9—20,—статья о «сябрахъ» и спорѣ о землѣ, въ которомъ фигурируютъ «старики», какъ рѣшающій элементъ въ процессѣ.

---

[1]) Источники права, стр. 391—399.

[2]) Источники права, стр. 399.

[3]) *П. Е. Михайловъ*, Происхожденіе земельнаго старожильства, стр. 27—29.

[4]) *М. А. Дьяконовъ*, Очерки сел. насел., стр. 17 прим. 5. *Н. Л. Дювернуа*, Источники права, стр. 395—397.

Любопытно обратить вниманіе на объясненіе этой статьи проф. Владимірскимъ-Будановымъ, который въ этой статьѣ опредѣленно понимаетъ «стариковъ», какъ «старожиловъ», именно, важныхъ для суда, а не для ихъ особаго сельскаго положенія [1]). И. Энгельманъ совершенно также считаетъ «стариковъ» данной статьи «старожилами», какъ важнымъ элементомъ судебнаго поземельнаго процесса [2]). Совершенно непонятно, послѣ этого, почему въ ст. 75-ой потребовалось выраженію «старому изорнику» придавать иное значеніе, нежели въ ст. 106-ой. И тамъ, и тутъ «старые изорники» суть судные «старики», необходимые въ древности для поземельныхъ процессовъ. Слово «старому», слѣдовательно, оттѣнить было необходимо, но именно въ смыслѣ суднаго «старика», а не въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлалъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. «Старый изорникъ»— здѣсь, именно, судный «старикъ», «старожилецъ», который авторитетомъ своего долгаго опыта и преклонныхъ лѣтъ, какъ бы, санкціонируетъ судное дѣло, тяжбу простого изорника съ «государемъ» изъ-за иска изорника по примитивному документу—по «доскѣ».

Смыслъ всей статьи, слѣдовательно, получается такой. Если изорникъ предъявитъ искъ на «государя» по «доскѣ», то судъ будетъ производиться на основаніи этой «доски», но съ условіемъ, что искъ этотъ долженъ быть поддержанъ, подтвержденъ, «возведенъ» въ правомѣрный искъ «*старымъ* изорникомъ», т. е. старожиломъ, который своимъ авторитетнымъ «взводомъ» или «изводомъ» докажетъ правоту иска по «доскѣ» изорника на «государя».

«Доска», какъ актъ доказательства, конечно, могла быть очень спорной, ибо выцарапанные на ней знаки трудно поддаются строгому юридическому контролю и учету, а потому и искъ по ней долженъ былъ быть обезпеченъ большей доказательностью, чему и служитъ сѣдой авторитетъ «стараго изорника», знающаго мѣстную жизнь, м. б., какъ свои пять пальцевъ, и ео ipso могущаго «возвести», привести доказательства правильности иска

---

[1]) Христоматія, В. I, стр. 186—187 прим. 220.

[2]) Op. cit., стр. 129 прим. *n*.

по «доскѣ». Онъ легко, вѣроятно, могъ засвидѣтельствовать собственную принадлежность «доски», такъ какъ не разъ, м. б., уже приходилось ему встрѣчаться съ тѣми или иными ея образцами у даннаго «государя». Поэтому и выраженіе «возивести» означаетъ въ этой статьѣ, именно, возвести, возбудить, привести доказательства, какъ и теперь еще говорятъ: взвелъ клевету, напраслину. Лишь неудачная мысль И. Энгельмана о раздѣленіи этого слова на «вози вести», передѣланное впослѣдствіи въ «возы возить», могло породить тѣ споры и разногласія, которые возникли среди изслѣдователей при комментированіи ст. 75-ой.

«А старому изорнику возвести на государя», это выраженіе имѣетъ, именно, значеніе подтвержденія иска изорника по «доскѣ» со стороны суднаго «старика», «стараго изорника». Когда же искъ изорника къ «государю» предъявляется не по «доскѣ», тогда не требуется этого особаго подтвержденія, и изорникъ ведетъ искъ самостоятельно, какъ это видно изъ ст. 87-ой или стр. XXI, 10—14, а также (косвенно) и изъ статьи 103-й или стр. XXIV, 10—11: «а подсусѣднику на государи ссудьи или иного чего вольно искати». Извѣстно, что «подсусѣдникъ» и «исполовникъ» весьма сходныя въ юридическомъ смыслѣ понятія, а потому косвенно и эта статья подтверждаетъ право иска исполовника на «государя».

Итакъ, слѣдуетъ признать, что изорникъ или вообще, исполовникъ имѣлъ право иска на «государя» по «доскѣ», но съ условіемъ добавочнаго доказательства этого иска со стороны «стараго изорника», какъ лица удостовѣряющаго своимъ авторитетомъ правоту подобнаго иска по «доскѣ». Въ этомъ добавочномъ доказательствѣ, разумѣется, не слѣдуетъ видѣть ограниченія права изорника, ибо здѣсь подтверждается не самое право иска изорника, какъ таковое, вообще, а удостовѣряется правильность «доски», дается болѣе прочное и достовѣрное подкрѣпленіе спорнаго юридическаго примитивнаго документа—«доски» въ интересѣ и пользѣ самого же изорника.

Если же признать, что текстъ данной статьи испорченъ переписчикомъ въ словѣ «возивести» и предположительно реставрировать его въ томъ смыслѣ, какъ это было указано выше въ примѣчаніи *в* къ данной статьѣ, т. е. замѣнить выраженіе «вози-

вести», на «то извести», то смыслъ статьи получится опять-таки тотъ же. «А который изорникъ положитъ въ чемъ доску на государя, ино та доска посудитъ, а старому изорнику то извести на государя». Т. е., слѣдовательно, ст. 75-ая или стр. XVIII, 22—24 признаетъ справедливымъ, подлежащимъ удовлетворенію, лишь тотъ искъ изорника по «доскѣ» на своего «государя», который будетъ подтвержденъ, доказанъ свидѣтельствомъ, «изводомъ», именно, «стараго изорника». *Въ чемъ* положитъ «доску» исполовникъ на «государя», *то* «старому изорнику извести на государя». Такое соотвѣтствіе мѣстоименій уже извѣстно изъ предыдущаго изложенія, оно обыкновенно означаетъ установленіе общаго правила, абстрактной юридической нормы для всѣхъ конкретныхъ случаевъ, подпадающихъ подъ такую норму. [1])

Въ Псковской Судной Грамотѣ имѣется еще одно постановленіе, упоминающее «изорника», хотя и не относящееся непосредственно къ интересующему насъ институту. Статья эта относится исключительно къ процессу и установляетъ отвѣтственность виновнаго за всѣ издержки, сопряженныя съ веденіемъ процесса, а также и за всѣ убытки, происшедшіе для кридитора отъ скрывавшагося должника, или «изорника».

Соотвѣтственное постановленіе (стр. XXII, 20—25 или ст. 93) гласитъ такъ:

А оу кого стулится [а] должникъ в[ъ] записи, а на зарокъ [б] не станетъ, йли йзорникъ в[ъ] записи будетъ, а оучнетъ тулится, а что оучин[я]тся проторы [в], йли приставное [г], йли заповѣдь [д], йно все платить виноватому, кто тулится, й желѣзное [е].

Примѣчанія: *а.* «Стулится»—т. е. скроется, спрячется будетъ, укрываться (Срезневскій, Матеріалы, т. III. В. II, стр. 851 и стр. 1036. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 11). Вся фраза, слѣдовательно, гласитъ такъ: если отъ какого кредитора скроется должникъ, на котораго у кредитора есть «запись», т. е. письменное доказательство о долгѣ. *б.* «Зарокъ»—срокъ;

---

[1]) См. мои брошюры: Происхожденіе земельнаго старожильства, СПБ. 1910. стр. 29 и прим. 5 и Обычный институтъ старожильства и крѣпостное право, СПБ. 1912. стр. 8.

обѣщаніе; обязанность (Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 943—944. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 5. Устряловъ, Op. cit., стр. 188). Слѣдовательно, если скрывшійся должникъ не явится къ сроку уплаты долга. *в.* «Проторы»—издержки, расходы, убытки, ущербъ (Срезневскій, Матеріалы, т. II, стр. 1597—1598. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 10. Устряловъ, Op. cit., стр. 191). *г.* «Приставное»—вознагражденіе, плата приставу за его участіе въ судебномъ процессѣ. (Срезневскій, Матеріалы, т. II стр. 1460 и стр. 1458. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 10. Устряловъ, Op. cit., стр. 190). *д.* «Заповѣдь»—пеня (Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 937. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 5, Устряловъ. Op. cit., 188. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, В. I, стр. 182 прим. 189). *е.* «Желѣзное»—пошлина, плата приставу за наложеніе желѣзныхъ наручниковъ, цѣпей на скрывшагося должника для приведенія его на судъ, или держанія подъ стражей (Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 853. Мурзакевичъ, Op. cit., Словарь, стр. 5. Устряловъ, Op. cit., стр. 187. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, В. I, стр. 182 прим. 190).

Статья эта мало затрогивается изслѣдователями, въ виду ея строго процессуальнаго характера, но она интересна въ томъ отношеніи, что здѣсь фигурируетъ «изорникъ», къ которому, слѣдовательно, примѣняется общее право о скрывшихся должникахъ. А именно, если скроется должникъ, или «изорникъ», на котораго была «запись», т. е. письменное обязательство долга и къ сроку не уплатитъ долга, и вслѣдствіе этого укрывательства произойдутъ убытки для кредитора, или «государя», а также и всякія судебныя издержки по веденію процесса по иску кредитора, или «государя», то все это взыщется съ виновнаго должника, или «изорника», злостно скрывавшагося отъ уплаты долга, или вообще отъ выполненія обязательствъ. Таковъ не сложный и понятный смыслъ данной статьи, опредѣляющій денежное взысканіе съ виновнаго, изъ-за котораго произошелъ и самый процессъ, и убытки для кредитора.

Эта статья, кромѣ того, что она установляетъ равномѣрную отвѣтственность для изорника, какъ и для всякаго «псковитина», любопытна еще въ томъ отношеніи, что косвенно подтверждаетъ тотъ casus, когда «государь», отказывая злостно исполовника не въ срокъ, отвѣтственъ предъ судомъ за свой злостный искъ, теряя въ пользу праваго исполовника извѣстную часть доходовъ, если обнаруживалось, что «государъ» былъ неправъ и былъ обви-

ненъ въ процессѣ. Такова ст. 42-ая или стр. XII, 8—11, согласно которой «государь не доискался четверти, или огородной части, или съ исада рыбной части», каковыя части и служили возмѣщеніемъ убытковъ, происшедшихъ для невинно потерпѣвшаго исполовника отъ неправомѣрнаго «отрока» и иска «государя». Эти «части» являлись мудрой poena temere litigantium, сильнымъ «средствомъ предупрежденія напрасныхъ тяжебъ», какъ правильно говорилъ Н. Л. Дювернуа.

Итакъ, заканчивая расмотрѣніе статей Псковской Судной Грамоты, относящихся къ институту «исполовничества» и юридическому положенію сельскаго населенія вообще, т. е. подводя общій итогъ данному изслѣдованію, необходимо придти къ заключенію, что псковское сельское населеніе было столь же полноправно и политически свободно, какъ и всѣ вообще псковичи—«люди добровольные».

«Исполовники»—суть свободные арендаторы угодій «государей», платящіе за свою аренду натуральными продуктами по нормѣ «исполу». Они всегда свободно могли отойти отъ своего «государя» въ закономъ установленный срокъ, уплативъ лишь арендную плату за угодье «исполу». Взятая «покрута» юридически не препятствовала выходу; таковую «государь» долженъ былъ взыскивать по особому иску, если исполовникъ не выплачивалъ ее добровольно. Но права личнаго задержанія «государь» не имѣлъ.

Таково юридическое положеніе сельскаго населенія по Псковской Судной Грамотѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Правовой смыслъ и культурно-историческое значеніе института «исполовничества».

Автору данной работы, при разсмотрѣніи обычно-правового института старожильства въ процессѣ образованія крѣпостного права, уже пришлось указать и соотвѣтственно высказаться по поводу одного любопытнаго явленія въ наукѣ исторіи русскаго права [1]).

Дѣло въ томъ, что обыкновенно разсматриваются и изучаются въ этой наукѣ *не правовые институты* и ихъ историческое развитіе, а просто *бытовые факты*, чаще всего, хозяйственной, или внѣшне-политической жизни русскаго народа.

Вслѣдствіе этого и создалось такое положеніе, что въ большинствѣ случаевъ совершенно невозможно отличить работъ историко-юридическихъ отъ обще-историческихъ.

Специфическія грани между данными областями знанія совершенно, какъ бы, стерлись, обезцвѣтивъ тѣмъ самымъ какъ ту, такъ и другую науку. Думается, что явленіе это ненормальное и порождено тѣмъ, что «юристы все еще ищутъ опредѣленія для своего понятія права», какъ указывалъ еще философъ Кантъ. Не зная точно предмета своего изученія, юристы, естественно, вторгаются въ чужую область и становятся не историками *права*, а общими историками по-неволѣ и ведутъ здѣсь счетъ, такъ сказать, безъ хозяина.

А отсюда и происходитъ смѣшеніе темъ и изслѣдованій въ наукѣ исторіи русскаго права, гдѣ бытовые факты принимаются

[1]) *П. Е. Михайловъ*, Обычный институтъ старожильства и крѣпостное право. СПБ. 1912.

за правовыя явленія, а правовые институты разсматриваются не съ юридической, а съ чисто бытовой, фактической точки зрѣнія. Такъ что, научно-*юридическій* методъ изслѣдованія почти совершенно отсутствуетъ въ наукѣ исторіи русскаго *права*.

Чтобы держаться въ предѣлахъ именно исторіи *права*, правовыхъ институтовъ и ихъ историческаго развитія, необходимо выяснять и изучать, именно, *правовой* смыслъ и значеніе данныхъ институтовъ, а не ограничиваться лишь бытовымъ, экономическимъ и т. п. ихъ разсмотрѣніемъ, каковое разсмотрѣніе и составляетъ нынѣ основную задачу науки исторіи русскаго права. На самомъ же дѣлѣ задача ея должна быть существенно иная, если она хочетъ быть самостоятельной, со своимъ особымъ объектомъ изученія, наукой. Ибо, вдумчиво вглядываясь въ историческій ходъ развитія права, правовыхъ системъ и институтовъ и сознавая основныя задачи науки исторіи права, можно рѣшительно сказать, что она можетъ и должна пойти по своему особому, опредѣленному пути, если она обратится къ изученію исторіи права, какъ документально сохраненнаго для насъ отраженія того уровня народной психики, который право предполагало въ разныя эпохи культуры, и на который оно было разсчитано, какъ на почву и объектъ своего психическаго воздѣйствія и руководства [1]).

Такъ какъ право есть явленіе внутренняго міра, явленіе человѣческой психики, а не явленіе міра внѣшняго (каковое положеніе въ новѣйшей юриспруденціи можно считать уже установленнымъ), то и объясненіе развитія его нужно искать не во внѣшнихъ фактахъ бытовой, житейской обстановки, а въ психикѣ, въ правосознаніи самого народа, населенія, гдѣ только и совершаются подлинныя правовыя явленія.

Поэтому, для рѣшенія проблемы о томъ или иномъ правовомъ институтѣ необходимо, прежде всего, обратиться къ изученію народнаго правосознанія того или иного времени, какъ оно отразилось въ историческо-юридическихъ документахъ, и тамъ искать отвѣта на поставленный изслѣдованіемъ вопросъ. Необходимо ознакомиться съ тою спеціальною соціально-психическою почвою,

---

[1]) *Ср. Л. І. Петражицкій*, Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. СПБ. 1911. стр. 17.

на которой зарождается и, далѣе, развивается данный институтъ права. Ибо каждый институтъ права по самой природѣ своихъ основныхъ функцій и той общественной почвы, на которой онъ прививается и развивается, обладаетъ, такъ сказать, особою душою, особыми психологическими чертами и врожденными ему психологическими свойствами, съ которыми приходится необходимо считаться, какъ съ естественными данными, въ области ихъ соціально-психическаго воздѣйствія [1]).

Каждый институтъ права есть извѣстный типъ позитивнаго общественнаго правосознанія, слагающійся изъ правоотношеній, т. е. нейтрально-объективированныхъ въ сознаніи связей взаимныхъ правъ и обязанностей противустоящихъ сторонъ; такъ что правоотношенія, какъ связи правъ и обязанностей, существуютъ также лишь въ правосознаніи лицъ, ихъ переживающихъ, а отнюдь не гдѣ-то во внѣшнемъ мірѣ, въ пространствѣ, на бумагѣ etc. Отсюда слѣдуетъ, что лицъ, не признающихъ за собою извѣстныхъ правъ или обязанностей, нельзя склонить къ добровольному выполненію этихъ обязанностей и осуществленію правъ, отъ нихъ нельзя ожидать надлежащаго правового поведенія, къ нимъ уже необходимо будетъ принудительно примѣняться общій правовой шаблонъ (обычный, законодательный и т. д.).

Не открывается-ли, послѣ этого, широкая перспектива всей важности историческаго изученія народнаго правосознанія для уясненія историческихъ тенденцій развитія цѣлыхъ правовыхъ системъ и отдѣльныхъ институтовъ, которые—caeteris paribus—вѣрно отражаютъ соціально-правовую психику и культуру породившаго ихъ народа и времени.

Ибо соціально-правовыя событія не рождаются вдругъ, по приказу или распоряженіямъ власть имущихъ, они подкрадываются исподволь, незримо зарождаясь вдалекѣ и лишь впослѣдствіи замѣтно выявляются въ своемъ историческомъ развитіи, безсознательно-эмпирически приспособляясь ко благу и уровню соціально-психической культуры своего времени. Отсюда явствуетъ, что научно-самостоятельная, со своимъ особымъ объектомъ изученія, исторія *права* должна быть дисциплиной психологическаго

---

[1]) *Л. І. Петражицкій*, Op. cit., стр. 23.

порядка, «*психологической* исторіей права» [1]), опирающейся на документальныя историческія данныя. Она должна быть, слѣдовательно, *исторіей развитія типовъ народнаго позитивнаго правосознанія*.

Научно-объективное, опытно-психологическое изученіе права, раскрывая его соціально-культурное значеніе, разумѣется, принципіально противъ привнесенія всякихъ постороннихъ (практическихъ и другихъ) тенденцій въ научныя изслѣдованія. Стоя на строго-научной, культурно-эволюціонной точкѣ зрѣнія, опытно-психологическое ученіе о правѣ (какъ соціально-психическомъ явленіи, продуктѣ и факторѣ), развивающемся по мѣрѣ развитія человѣческой психики, пытается лишь эмпирически констатировать и изучать реальную правовую жизнь въ ея культурно-историческомъ развитіи. Отсюда, что касается историко-юридическаго изслѣдованія, слѣдуетъ сказать, что оно должно быть чуждо всякихъ авторско-личныхъ, субъективно-желательныхъ привнесеній, но должно научно-объективно констатировать исторически-сущія правовыя явленія, разсматривая ихъ съ нейтральной точки зрѣнія, безъ какихъ бы то ни было симпатій по отношенію къ управомоченнымъ или обязаннымъ. Какъ лично-авторская, такъ и частная точка зрѣнія одной изъ сторонъ правоотношенія не должна имѣть мѣста въ научно-объективномъ историко-юридическомъ изслѣдованіи.

Противъ этого требованія, необходимаго для всякаго научно-объективнаго изслѣдованія, грѣшитъ весьма распространенная и повторяемая нынѣ уже по традиціи и, какъ-бы, по инерціи точка зрѣнія на право, ведущая начало отъ знаменитаго Іеринга (и его школы), которая, между прочимъ, какъ это было видно, проявлялась и у большинства комментаторовъ Псковской Судной Грамоты. Какъ извѣстно, согласно этой точкѣ зрѣнія (ученія Руд. Іеринга), всѣ права установляются въ интересахъ тѣхъ лицъ, которымъ они даются, что они установляются ради интересовъ, для охраны или защиты интересовъ подлежащихъ лицъ, что самый смыслъ и значеніе права заключаются въ доставленіи выгодъ, удобствъ, въ удовлетвореніи потребностей и интересовъ

---

[1]) *Л. І. Петражицкій*, Op. cit., стр. 17.

тѣхъ, кому оно принадлежитъ. Между тѣмъ, изъ предшествующаго изложенія можно было видѣть, что защищаемая и развиваемая авторомъ въ текстѣ точка зрѣнія на право и правовые институты исходитъ изъ принципіально иного пониманія права и его развитія. Не *частно*-хозяйственную точку зрѣнія, а *общенародно*-хозяйственную и *общекультурную* точку зрѣнія на право выдвигало пониманіе автора. Теперь и слѣдуетъ подробнѣе остановиться на такомъ пониманіи права, чтобы, далѣе, выяснить правовой смыслъ и культурно-историческое значеніе института «исполовничества» или «половничества».

Право, какъ соціально-психическое явленіе и нормативный факторъ человѣческой культуры, дѣйствуетъ и развивается въ гораздо болѣе высокомъ направленіи, нежели полагаетъ «практическо-догматическая школа» (Іеринга) и во всякомъ случаѣ, разумѣется, отнюдь не ради мелкихъ личныхъ интересовъ тѣхъ или иныхъ частныхъ субъектовъ. Представляя продуктъ не сознательнаго разсчета и индивидуальнаго придумыванія для какихъ либо цѣлей и интересовъ, а безсознательно-удачнаго массоваго психическаго приспособленія, право представляетъ существенный психическій факторъ соціальной жизни и развитія духовной культуры [1]). Его дѣйствіе и значеніе, какъ психическаго фактора, состоитъ, во-первыхъ, въ возбужденіи или подавленіи мотивовъ къ разнымъ дѣйствіямъ и воздержаніямъ, вообще, въ нормированіи нашего (экономическаго и иного) поведенія (*мотивацiонное* дѣйствіе права) и, во-вторыхъ, въ насажденіи и развитіи однѣхъ склонностей и чертъ человѣческаго характера, въ ослабленіи и искорененіи другихъ, вообще, въ воспитаніи народной психики (*педагогическое* дѣйствіе права). Именно съ этихъ точекъ зрѣнія, мотивацiонной и педагогической, а не съ точки зрѣнія защиты интересовъ разныхъ частныхъ субъектовъ, слѣдуетъ обсуждать смыслъ и значеніе всего права, какъ такового, и отдѣльныхъ его

---

[1]) *Л. І. Петражицкій*, Теорія права, т. II. 1910, стр. 688. Опытно-психологическая теорія права обоснована и развита проф. Петражицкимъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ его трудахъ: Очерки философіи права. 1900. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ. 1904. Введеніе въ изученіе права и нравственности. 1905. Теорія права и государства. т. I. 1907 и т. II. 1910.

элементовъ, въ томъ числѣ и частно-правовыхъ. Поэтому, напримѣръ, для пониманія соціально-культурнаго смысла такихъ или иныхъ гражданскихъ, частныхъ правъ, напр., правъ собственности, долговыхъ, наслѣдственныхъ правъ etc., слѣдуетъ имѣть въ виду не интересы и карманы тѣхъ или иныхъ собственниковъ, кредиторовъ, наслѣдниковъ и т. п., а общенародное хозяйство и соціальную культуру «и надо изучать функціи подлежащихъ правовыхъ институтовъ въ подлежащихъ великихъ и сложныхъ процессахъ». Въ виду этого, продолжаетъ проф. Петражицкій, «хотя и весьма практичная, но поверхностная *частно*-хозяйственная точка зрѣнія Іеринга и его школы должна быть замѣнена *народно*-хозяйственною и народно-культурною точкою зрѣнія» [1]).

Обращаясь теперь непосредственно къ интересующей насъ темѣ о юридическомъ институтѣ арендnаго землепользованія по нормѣ «исполу»—«исполовничества», необходимо и здѣсь надлежащимъ образомъ освѣтить данную проблему съ этой безпристрастной научно-объективной, народно-хозяйственной и обще-культурной, точки зрѣнія и такимъ образомъ выяснить правовой смыслъ и причинное дѣйствіе юридическаго института «исполовничества» въ его важномъ соціально-культурномъ историческомъ значеніи. И тутъ уже съ самаго начала надо сказать, что не защитой *частныхъ* интересовъ «государей», или «исполовниковъ» вызванъ былъ къ жизни юридическій институтъ «исполовничества», а несоизмѣримо болѣе высокимъ и великимъ «интересомъ» *народно*-хозяйственнаго, общественнаго правопорядка.

Сущность исполовничества, какъ особой формы аренднаго землепользованія, какъ это было выяснено въ предыдущемъ изложеніи, заключается въ томъ, что при немъ земельный арендаторъ уплачиваетъ плату за аренду угодья натуральными продуктами своего хозяйства по нормѣ «исполу», т. е. половину урожая или улова исполовникъ отдаетъ арендодателю, «государю», а половину беретъ себѣ. Обычно-правовой институтъ «исполовничества» (получившій впослѣдствіи во Псковѣ официальную санкцію на всенародномъ вѣчѣ), создавая юридическія нормы, санкціонирующія и регулирующія правоотношенія на почвѣ аренднаго

[1]) Теорія права, II. 1910, стр. 374.

землепользованія и, прежде всего, общую норму арендной платы за угодье «исполу», тѣмъ самымъ создавалъ и укрѣплялъ въ правосознаніи населенія Псковской земли правовое убѣжденіе о нормальности и долженствованіи соотвѣтственнаго поведенія «исполовниковъ» и «государей», поведенія, освященнаго незапамятными псковскими «пошлинами», а позднѣе и санкціей всенароднаго вѣчевого законодательства. Такой типъ позитивнаго народнаго правосознанія, превратившій первоначальный хозяйственно-бытовой фактъ въ юридическое явленіе, въ правовой институтъ «исполовничества», зарождался, разумѣется, весьма медленно и незримо, лишь впослѣдствіи болѣе замѣтно выявляясь въ своемъ историческомъ развитіи, безсознательно-эмпирически, какъ-бы стихійно, приноровляясь къ народно-хозяйственному благу и общему уровню культуры своего времени.

Какова же была та почва, на которой возросъ институтъ «исполовничества», какія народно-хозяйственныя и общекультурныя условія вызвали къ жизни данный правовой институтъ? Какъ извѣстно, натуральная аренда «исполу» имѣетъ свое правомѣрное мѣсто въ хозяйственной жизни именно тогда, когда общія хозяйственныя условія землепользованія находятся на сравнительно примитивной стадіи развитія сельскаго хозяйства при наличности, однако, какъ особаго хозяйственнаго фактора, свободнаго труда населенія.

Дѣло въ томъ, что при рабской системѣ труда, при системѣ подневольнаго веденія хозяйства, весь хозяйственный продуктъ, какъ извѣстно, поступалъ въ пользу господина, хозяина; барщинно-крѣпостной трудъ не отличался въ этомъ отношеніи существенно отъ труда чисто-рабскаго, ибо весь продуктъ хозяйственнаго труда поступалъ, въ концѣ-концовъ, здѣсь также въ пользу господина, землевладѣльца. Лишь оброчный трудъ ставилъ земледѣльца въ болѣе выгодныя условія, полагая начало свободнаго хозяйственнаго труда, независимо отъ гражданско-политической несвободы. При постепенномъ историческомъ переходѣ къ системѣ свободно-хозяйственнаго труда, когда выступаетъ въ хозяйственной жизни новый факторъ *личнаго интереса* трудящагося, на мѣсто прежняго фактора—*страха* наказанія и рабскаго повиновенія,—при такой системѣ уже весь продуктъ труда не могъ по-

ступать въ пользу хозяина, землевладѣльца, а долженъ былъ быть подѣленъ между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, дабы удовлетворить новый хозяйственный факторъ личнаго интереса не только землевладѣльца, какъ было прежде, но и трудящагося земледѣльца. Но извѣстно также, что рабско-крѣпостническій, вообще, подневольный трудъ малопроизводителенъ и являлся исторически-неизбѣжно, эмпирически-удачно приноровленнымъ къ той низкой, примитивной психикѣ трудящихся массъ населенія, которая являлась рѣшающимъ факторомъ въ существованіи всей малокультурной рабско-хозяйственной системы. Для успѣшности привитія и надлежащаго функціонированія свободно-хозяйственнаго труда, основаннаго на новомъ мотивѣ личнаго интереса трудящихся массъ, необходимы были новыя условія веденія хозяйства, нужна была иная правно-хозяйственная система труда, приноровленная уже къ болѣе высокой психологіи массъ.

«Исполовническое» землепользованіе и, санкціонирующій его, соотвѣтственный институтъ права, именно, и зарождается въ той хозяйственной обстановкѣ, когда хозяйственная культура еще низка, когда хозяйственный трудъ еще сравнительно малопроизводителенъ, но когда на хозяйственную арену выступаетъ уже свободный трудъ на основѣ личнаго интереса, личнаго заинтересованія въ хозяйствѣ трудящихся массъ. Свободный наемный трудъ и низкая хозяйственная культура—таковы условія зарожденія и функціонированія института «исполовничества». И чѣмъ ниже эти условія, тѣмъ тяжелѣе и несноснѣе хозяйственная обстановка для сельскаго населенія. Однако, платя натуральными продуктами за аренду по нормѣ «исполу», т. е., отдавая «государю» половину продукта своего хозяйственнаго труда и беря другую половину себѣ, «исполовникъ» тѣмъ самымъ заинтересовывался въ своемъ хозяйствѣ, въ его лучшемъ веденіи для полученія большаго урожая и ео ірво большей собственной половины. Поэтому правовой институтъ «исполовничества», создавая арендную норму «исполу», заинтересовывая трудящееся сельское населеніе въ хозяйственной дѣятельности, въ веденіи своего хозяйства, хотя бы и на чужой землѣ, игралъ высокую культурно-историческую роль и имѣлъ большой правно-хозяйственный смыслъ. А именно, заинтересовывая сельское населеніе

въ хозяйственной дѣятельности, создавая мотивы личнаго интереса къ лучшему веденію хозяйства, юридическій институтъ «исполовничества» тѣмъ самымъ заставлялъ людей исполнять тѣ тяжелыя работы, которыя необходимы были для поддержанія и развитія хозяйственной жизни и вообще развитія культуры возрастающаго количественно и разнообразящагося качественно народонаселенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неуклонно, хотя и медленно, и незамѣтно, вырабатывалъ въ населеніи привычки къ свободному труду, къ надлежащей усердной хозяйственной дѣятельности, въ тоже время постепенно и неизбѣжно воспитывая и дрессируя хозяйственно-дѣльный характеръ народа.

Слѣдовательно, отрѣшившись окончательно отъ поверхностной *частно*-хозяйственной точки зрѣнія, имѣющей въ виду лишь частные интересы и вставъ на объективную *народно*-хозяйственную точку зрѣнія, проникающую въ правовой смыслъ и культурно-историческое значеніе юридическихъ институтовъ, слѣдуетъ и посмотрѣть, каково же было значеніе и дѣйствіе института «исполовничества» съ точки зрѣнія его основныхъ, мотиваціонной и педагогической или культурно-воспитательной, функцій.

Съ основной, мотиваціонной точки зрѣнія причинное дѣйствіе института «исполовничества» состояло въ неизбѣжномъ возбужденіи въ трудящемся населеніи мотивовъ къ свободной хозяйственной дѣятельности, къ возможно-лучшему веденію хозяйства, а отсюда и къ поднятію благосостоянія хозяйства и вообще трудоспособности исполовниковъ; въ то же время, естественно, создавалось подъ его вліяніемъ противодѣйствіе побужденіямъ къ лѣни, небрежности веденія хозяйства и т. д. и т. под.

Какъ слѣдствіе такого воздѣйствія, явилась культурно-воспитательная роль правового института «исполовничества», состоявшая въ насажденіи и укрѣпленіи въ исполовникахъ склонностей и привычекъ къ свободному труду, уже безъ рабскаго страха кнута и т. под., лишь основанному на личной заинтересованности въ хозяйственной дѣятельности, въ развитіи хозяйственныхъ заботъ о лучшемъ веденіи хозяйства, о благоустроеніи и поднятіи его на должную высоту etc.; въ то же время, неизбѣжно и естественно, эта педагогическая роль состояла въ неуклонномъ, постепенномъ

атрофированіи и искорененіи склонностей и привычекъ къ лѣни, къ небрежному веденію хозяйства и т. под.

При первоначальной хозяйственной культурѣ, основанной на принципѣ свободнаго труда, съ личной заинтересованностью трудящагося населенія, институтъ «исполовничества» представляется прямо необходимымъ, въ виду того, что при немъ неопредѣленная въ размѣрѣ арендная плата «исполу» наилучшимъ образомъ могла воздѣйствовать на исполовниковъ въ смыслѣ побужденія ихъ къ активному отношенію къ дѣлу, къ интенсивному веденію хозяйства и черезъ то къ выработкѣ хозяйственной трудоспособности и вообще привычекъ къ свободному труду, безъ всякихъ надсмотрщиковъ, кнутовъ etc. Наблюдаемый же при этомъ весьма распространенный порядокъ выдачи исполовникамъ «покруты» или подмоги со стороны землевладѣльцевъ, «государей», порядокъ, регулируемый опредѣленными правовыми нормами, создающими самый институтъ «покруты», игралъ также весьма благодѣтельную, подсобную роль при институтѣ «исполовничества».

А именно, институтъ «покруты» игралъ по отношенію къ «государямъ» роль, аналогичную роли нормы «исполу» по отношенію къ исполовникамъ; онъ также создавалъ мотивы, побужденія въ «государяхъ» къ лучшей постановкѣ хозяйства, къ заботѣ о поднятіи урожая и т. п., ибо, вслѣдствіе выдачи «покруты» или подмоги на хозяйственное обзаведеніе, самое хозяйство исполовника становилось сразу же на лучшую почву и давало больше шансовъ на крупный урожай и ео ipso полученіе большей половины этого урожая «государемъ»; вотъ почему «государи» весьма охотно снабжали «покрутою» исполовниковъ, превратя «покруту», какъ бы, въ эпидемическій факторъ исполовническаго способа веденія хозяйства. А несомнѣнно, что при поднятіи каждаго отдѣльнаго хозяйства и урожайности почвы, и все общее народное хозяйство также поднималось и развивалось, создавая большій хозяйственный бюджетъ всего государства.

Отсюда должно быть видно, что не мелкіе частные интересы, какъ таковые, имѣетъ въ виду право, а высокіе интересы всего народнаго хозяйства въ связи съ развитіемъ правопорядка и общей культуры. Итакъ, безсознательно, эмпирически - удачно

зародившись, институтъ «исполовничества» столь же безотчетно-стихійно и развивался, служа своему высокому и важному соціально культурному дѣлу поддержанія и поднятія благосостоянія народнаго хозяйства и выработкѣ трудоспособности и, вообще, хозяйственно-дѣльнаго характера въ средѣ сельскаго населенія. Таковъ, по нашему мнѣнію, *правовой* смыслъ и *культурно-историческое* значеніе института «исполовничества».

Но само собой разумѣется, что, дѣйствовавшіе въ конкретно-исторической обстановкѣ, люди (землевладѣльцы и т. д.) вовсе, конечно, и не думали о столь важномъ назначеніи института «исполовничества» и «покруты» и даже не интересовались при своей повседневной дѣятельности народнымъ благосостояніемъ или общечеловѣческою культурою и т. под. «До этого имъ дѣла нѣтъ; они обыкновенно думаютъ только о себѣ, своемъ хозяйствѣ, своей семьѣ; они и не знаютъ и не понимаютъ того, что, работая для себя и семьи, они работаютъ на общую пользу, сохраняя и умножая свое частное достояніе, сохраняютъ и умножаютъ народное и общечеловѣческое богатство и благосостояніе,— какъ они не подозрѣваютъ и того, что ихъ дѣятельность вызывается и направляется на общее благо правомъ особаго характера и содержанія, которое заставляетъ ихъ, подобно паровому или электрическому двигателю, приводящему въ движеніе множество колесъ и иныхъ элементовъ сложнаго механизма, двигаться такъ, какъ это надобно съ точки зрѣнія непонятныхъ и неизвѣстныхъ имъ задачъ» [1]). Ибо въ развитіи права дѣло идетъ о *безсознательно*-эмпирическомъ процессѣ соціально-психическаго приспособленія ко благу и развитію человѣческой культуры.

Дѣйствительно, какъ правильно указываетъ Л. І. Петражицкій, «основная тенденція историческаго процесса образованія и измѣненія правовыхъ учрежденій и ихъ системъ заключается въ такомъ (безсознательномъ) приспособленіи системы правовой мотивації и педагогики къ данному состоянію народной психики, что путемъ психическаго воздѣйствія соотвѣтственной правовой системы индивидуальное и массовое поведеніе и развитіе народ-

---

[1]) *Петражицкій*, Теорія права, II. 1910, стр. 700.

ной исихики направляется въ сторону общаго блага»[1]). Вдумчивое психологическое изученіе и соотвѣтственное познаніе исторіи права явственно показываетъ, какъ подъ вліяніемъ постояннаго и неуклоннаго воздѣйствія права народный характеръ неизбѣжно измѣняется, становится приспособленнѣе въ соціальномъ отношеніи, и какъ въ то же время, соотвѣтственно съ даннымъ процессомъ, измѣняется и само право, приспособляясь къ стоящей уже на болѣе высокомъ уровнѣ народной культурѣ и психикѣ.

Поэтому, напр., дѣйствующая въ каждый данный моментъ система правовыхъ нормъ является преходящею ступенью соціальнаго воспитанія и должна быть, по мѣрѣ выполненія своей воспитательной функціи, замѣнена другой системой правового импульсивнаго и педагогическаго воздѣйствія, приспособленной къ уже достигнутому (болѣе высокому) уровню народной психики. Отсюда, позднѣйшія правовыя системы играютъ свой психическій концертъ на лучшихъ, болѣе соціальныхъ струнахъ народной души, чѣмъ болѣе раннія, приноровленныя къ болѣе примитивной, менѣе соціально-доброкачественной психикѣ.

Дѣйствительно, стоитъ только обратиться къ вдумчивому научно-юридическому изученію исторіи любой правовой системы и любого института права (напр., рабской, либерально-капиталистической, или, наконецъ, зарождающейся соціалистической правнохозяйственной системы, или институтовъ долгового права, семейной власти и проч. и проч.), чтобы наглядно убѣдиться въ постоянно совершающейся въ исторіи нисходящей прогрессіи мотиваціоннаго давленія права на поведеніе людей и восходящей прогрессіи соціально-культурнаго воспитанія человѣческаго характера.

Совершенная *соціализація* человѣческаго характера есть высшая (мыслимая пока) ступень правовой мотивації и педагогики[2]), и, именно, къ достиженію ея и движется человѣчество въ своемъ культурно-историческомъ развитіи.

---

[1]) *Петражицкій*, Введеніе въ изученіе права, стр. VIII.

[2]) Ср. *Petrazycki*, Aktienwesen und Spekulation. B. 1906, стр. 19.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

25
1946
IX 52

могиз
Магазин 14
25 р.